

ГОДИШНИКЪ НА СОФИЙСКИЯ УНИВЕРСИТЕТЪ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИ ФАКУЛТЕТЪ — КНИГА XXXIV. 4.
ANNUAIRE DE L'UNIVERSITÉ DE SOFIA
FACULTÉ HISTORICO-PHILOLOGIQUE — TOME XXXIV. 4.

ИСТОРИЯ РОССИИ

ВЪ КОНЦЪ XVII^{ГО} И ВЪ ПЕРВУЮ
ПОЛОВИНУ XVIII^{ГО} СТОЛѢТІЯ

ПРОФ. В. А. МЯКОТИНА

GESCHICHTE RUSSLANDS

AM ENDE DES XVII. UND IN DER ERSTEN
HÄLFTE DES XVIII. JAHRHUNDERTS

VON PROF. V. A. MIKOTIN

СОФИЯ — SOFIA
ПРИДВОРНА ПЕЧАТНИЦА — HOFBUCHDRUCKEREI
1938

Исторія Россіи въ концѣ XVII-го и въ первую половину XVIII-го столѣтія.¹⁾

Кризисъ XVII столѣтія.

Въ концѣ XVII столѣтія московская Русь переживала сложный и глубокий кризисъ, который былъ тѣсно связанъ съ условіями всего предшествовавшаго ея развитія.

Къ этому времени Московское государство занимало уже чрезвычайно обширную территорію, общая площадь которой достигала почти 12 милліоновъ кв. километровъ. Границами ея на сѣверѣ служили Бѣлое море и Сѣверный Ледовитый океанъ. На западѣ московскія владѣнія соприкасались съ принадлежавшими Швеціи Финляндіей, Ингрией, Эстоніей и Лифляндіей, не доходя до береговъ Финскаго залива, и далѣе сосѣдили съ Литовско-Польскимъ государствомъ, включая въ себя часть земель по верхнему теченію Днѣпра (Смоленскую область) и все теченіе р. Десны, а отъ впаденія ея въ Днѣпръ и лѣвый берегъ этого послѣдняго до пересѣкающихъ его въ нижнемъ его теченіи пороговъ. Начиная отъ этого пункта, южная граница Московскаго государства шла къ среднему теченію Дона и далѣе къ Волгѣ, затѣмъ, не доходя до нея, спускаясь къ Каспійскому морю, проходила по сѣверному его берегу и за р. Яикомъ (нынѣшнимъ Ураломъ), по которому были расположены поселенія яицкихъ казаковъ, упираясь въ населенныя киргизами степи, сосѣдившія со степями Азіи. На сѣверѣ же московскія владѣнія заходили и далеко въ Азію,

¹⁾ Печатаемый трудъ почившаго профессора В. А. Мякотина долженъ былъ, по замыслу автора, являться первой частью второго тома его „Исторіи Россіи“, первый томъ которой вышелъ въ минувшемъ году въ болгарскомъ переводѣ, въ изданіи Университетской Библіотеки. Смерть помѣшала ему довести свою работу до конца. Но то, что онъ успѣлъ обработать, представляетъ изъ себя вполне законченное цѣлое, — обзоръ Россіи отъ перваго, допетровскаго кризиса и кончая вторымъ, — отъ смерти Петра и до воцаренія Елисаветы, царствованію которой посвящена завершающая изложеніе общая характеристика.

включая въ себя необъятные просторы Сибири и доходя на востокъ до Тихаго океана, а къ югу спускаясь до р. Амура и границъ Китая.

Но эта громадная территория оставалась еще очень слабо заселенной. Не говоря уже о Сибири, населеніе которой по сравненію съ ея размѣрами было крайне невелико, а въ частности русское населеніе, можно сказать, даже ничтожно, и расположенныя въ Европѣ области Московскаго государства обладали лишь рѣдкимъ населеніемъ. Все количество его въ государствѣ, по наиболее вѣроятнымъ расчетамъ, едва-ли превышало 16 милліоновъ душъ. При этомъ сравнительно бѣльшей плотности населеніе достигало лишь въ центрѣ государства и въ нѣкоторыхъ находившихся въ особо благопріятныхъ условіяхъ мѣстностяхъ, по мѣрѣ же удаленія къ окраинамъ оно быстро рѣдѣло и значительная часть ихъ оставалась почти пустынной. Эта слабая заселенность страны въ связи съ природными ея свойствами вплоть до конца XVII вѣка обуславливала собою значительную примитивность ея хозяйственнаго строя.

Основнымъ занятіемъ главной массы ея населенія являлось земледѣліе, но на сѣверныхъ, восточныхъ и южныхъ окраинахъ оно уступало мѣсто охотѣ, рыболовству и скотоводству. Промышленность, поскольку она существовала, была по преимуществу кустарной, нося форму домашнихъ промысловъ. Крупная промышленность едва зарождалась и была представлена лишь единичными предпріятіями, обслуживавшими къ тому-же почти исключительно нужды государственной власти. Торговля въ свою очередь не имѣла большого развитія. Въ странѣ преобладало натуральное хозяйство, обмѣнъ былъ развитъ слабо и, хотя въ городахъ успѣли уже сложиться купеческій классъ и торговый капиталъ, но тотъ и другой оставались еще незначительными. Между тѣмъ государство, создавшееся на этомъ слабомъ экономическомъ фундаментѣ, съ первыхъ моментовъ своего существованія вынуждено было вести упорную внѣшнюю борьбу, сперва расширяя свои предѣлы и отвоевывая себѣ независимость отъ покорившихъ русскія земли татаръ, затѣмъ отстаивая эту независимость и свою цѣлостность отъ покушеній со стороны тѣхъ же татаръ, равно какъ шведовъ, нѣмцевъ и литовцевъ. Совпаденіе этихъ условій надолго опредѣлило внутренній строй государства.

Настоятельная потребность національной самообороны при наличіи въ странѣ лишь слабой общественной организаціи повела къ тому, что уже очень скоро московскій великій князь, ставшій во главѣ этой самообороны и успѣвшій собрать вокругъ Москвы сѣверо-восточныя и сѣверо-западныя русскія земли, пріобрѣлъ въ нихъ неограниченную власть и воспользовался ею для принудительнаго прикрѣпленія различныхъ слоевъ населенія къ разнымъ видамъ службы госу-

дарству. Постепенно въ послѣднемъ образовался составившійся изъ различныхъ общественныхъ элементовъ и распадавшійся на нѣсколько разрядовъ широкой кругъ слугъ великаго князя, позднѣе царя. За свою службу, главнымъ образомъ военную, они получали отъ него въ вознагражденіе земли либо въ собственности, въ „вотчину“, либо въ условное „помѣстное“ владѣніе вмѣстѣ съ правомъ пользованія трудомъ жившихъ на этихъ земляхъ крестьянъ. Эти обязанные службой землевладѣльцы, „служилые люди“, какъ стали ихъ впослѣдствіи называть, вмѣстѣ съ приводимыми ими изъ ихъ имѣній собственными слугами составили военную силу государства, конную милицію, собиравшуюся на время походовъ и по окончаніи ихъ распускавшуюся по домамъ. Въ свою очередь крестьяне, жившіе какъ на чужихъ, такъ и на собственныхъ или на государственныхъ земляхъ, обязаны были „тянуть тягло“, т. е. платить подати и отбывать въ пользу государства разнаго рода натуральныя повинности. Подобныя же обязанности въ еще большемъ размѣрѣ лежали и на горожанамъ или „посадскихъ людяхъ“, объединявшихся поэтому съ крестьянами въ общемъ понятіи „тяглыхъ людей“ въ противоположность людямъ служилымъ, несшимъ личную службу государству.

Но и высшій слой горожанъ привлекался къ личной службѣ, только не военной, а гражданской, такъ какъ принадлежавшія къ этому слою лица нерѣдко обязывались служить въ финансовомъ вѣдомствѣ. Съ половины же XVI вѣка свободнымъ отъ частной зависимости крестьянскимъ общинамъ и общинамъ городскимъ предоставлено было избирать изъ своей среды лицъ, которыя вѣдали бы на ихъ территоріи дѣла управленія и суда, причемъ вознагражденія эти лица не получали, а за исправное выполненіе ими ихъ обязанностей какъ сами они, такъ и ихъ избиратели отвѣчали передъ правительствомъ. Не несъ службы, не платилъ податей и не отбывалъ повинностей государству только одинъ разрядъ людей — рабы или „холопы“, считавшіеся частною собственностью своихъ владѣльцевъ и не имѣвшіе гражданскихъ правъ.

На первыхъ порахъ Московское государство при помощи такой организаціи удачно справлялось съ своими задачами въ области внѣшней политики. Къ началу XVI вѣка оно изъ подчиненнаго хану Золотой Орды маленькаго удѣльнаго княжества успѣло превратиться въ достигшее полной независимости національное великорусское государство, включившее въ себя весь сѣверо-востокъ и часть западныхъ областей нынѣшней Европейской Россіи. Въ срединѣ XVI вѣка оно добилось и новыхъ крупныхъ успѣховъ, разгромивъ татарскія ханства на Волгѣ и въ Сибири и доведя свои владѣнія на югъ до Каспійскаго моря, а на востокъ продвинувъ ихъ за Уральскій горный хребетъ. Руководители московской политики къ этому времени готовы были ставить ей и болѣе широ-

кія задачи, помышляя о томъ, чтобы, оторвавъ отъ Литвы и Польши находившіяся подъ ихъ властью западныя и южныя русскія земли, объединить ихъ подъ главенствомъ Москвы, повести на югъ наступательную борьбу противъ крымскихъ татаръ и пробиться на сѣверо-западъ къ берегамъ Балтійскаго моря. Но для осуществленія такихъ плановъ силы Московскаго государства оказались недостаточными. Начатая имъ во второй половинѣ XVI вѣка война съ Ливоніей, въскорѣ превратившаяся въ войну съ соединенными силами Литвы и Польши, съ одной стороны, и съ Швеціей, съ другой, закончилась для него тяжелымъ пораженіемъ.

Вспыхнувшая же затѣмъ, въ началѣ XVII столѣтія, внутренняя смута еще болѣе ослабила Московское государство и повлекла за собою утрату имъ части его владѣній на западѣ и на югѣ.

Втеченіе нѣсколькихъ десятилѣтій послѣ того оно напрасно пыталось вернуть эти потери и вновь перейти въ наступленіе противъ сосѣдей. Это удавалось ему лишь на далекомъ востокѣ, въ Сибири, гдѣ полудикія туземныя племена не въ состояніи были оказывать серьезное сопротивленіе даже немногочисленнымъ отрядамъ московскихъ служилыхъ людей и казаковъ, годъ отъ году въ поискахъ новыхъ данниковъ все дальше проникавшихъ вглубь страны. Иначе обстояло дѣло на западѣ. Только въ серединѣ XVII столѣтія, въ результатѣ поднятаго Богданомъ Хмельницкимъ въ Малороссіи возстанія противъ польскаго владычества, московское правительство получило возможность повести успѣшную борьбу съ Польшей. Однако эта борьба для него очень скоро осложнилась вызванными ею враждебными столкновеніями съ другими его сосѣдями и противниками — Швеціей, Крымомъ и Турціей. Благодаря этому вмѣсто овладѣнія всей Бѣлоруссіей и Малороссіей, о которомъ оно уже мечтало, ему въ концѣ концовъ пришлось удовольствоваться возвращеніемъ Смоленской области, оторванной отъ него Польшей въ періодъ смуты, и присоединеніемъ той части Малороссіи, которая лежала на лѣвомъ берегу Днѣпра, лишь съ Кіевомъ и небольшимъ округомъ около него на правомъ берегу, причемъ эта присоединенная часть Малороссіи сохранила широкую автономію, на первыхъ порахъ приближавшую ее къ положенію вассальнаго государства.

Весь почти XVII вѣкъ прошелъ такимъ образомъ для Московскаго государства въ упорной внѣшней борьбѣ. И, стремясь обезпечить себѣ необходимыя для него силы и средства, московское правительство втеченіе этого вѣка произвело рядъ перемѣнъ во внутреннихъ порядкахъ государства.

Одною изъ нихъ была перемѣна въ порядкахъ управленія. Ближайшими помощниками московскаго государя въ дѣлѣ управленія съ давнихъ поръ были бояре — крупные

землевладѣльцы, составлявшіе высшій, наиболѣе аристократическій слой его слугъ. Изъ нихъ образовался при немъ совѣтъ, со временемъ обратившійся въ постоянное учрежденіе, которое, нося имя боярской думы, помогало государю въ правительственныхъ дѣлахъ, не ограничивая его власти, но рѣшая вмѣстѣ съ нимъ или по его порученію всѣ важные вопросы и внѣшней политики и управленія, суда и законодательства. Наряду съ членами боярскихъ родовъ, засѣдавшими въ думѣ съ чинами бояръ и окольныхъ, въ нее назначались и незнатные люди въ званіи думныхъ дворянъ и думныхъ дьяковъ. Ниже думы стояли и находились подъ ея руководствомъ многочисленныя московскіе „приказы“, учрежденія, вѣдавшія либо тотъ или иной родъ дѣлъ во всемъ государствѣ, либо отдѣльныя части его территоріи по различнымъ дѣламъ, либо отдѣльныя общественныя группы. Съ середины XVI вѣка къ этимъ центральнымъ учрежденіямъ прибавилось еще одно въ видѣ созывавшагося правительствомъ время отъ времени земскаго собора. Первоначально въ него входили, кромѣ высшаго духовенства, членовъ боярской думы и начальниковъ приказовъ, также менѣе видныя лица изъ среды служилыхъ людей и торговаго класса, которыя по своему служебному положенію были связаны съ этими группами, и соборъ представлялъ собою совѣщаніе правительства съ его агентами. Но уже въ концѣ XVI вѣка въ составѣ собора появились и выборные отъ дворянскихъ и городскихъ обществъ, а въ XVII столѣтіи онъ окончательно принялъ форму собранія выборныхъ представителей различныхъ общественныхъ группъ, у котораго правительство запрашивало его мнѣнія по всѣмъ важнымъ вопросамъ государственной жизни. Однако въ серединѣ столѣтія, когда положеніе династіи Романовыхъ достаточно упрочилось, правительство перестало созывать земскіе соборы и они прекратили свое существованіе. До нѣкоторой степени такое прекращеніе было связано и съ перемѣной, совершившейся въ порядкѣ мѣстнаго управленія.

Съ первыхъ десятилѣтій XVII вѣка надъ выборными старостами черныхъ крестьянъ въ волостяхъ и посадскихъ людей въ посадахъ появились въ уѣздныхъ городахъ назначаемые изъ центра воеводы, которые вѣдали и служилое населеніе уѣзда. Въ дальнѣйшемъ, во второй половинѣ столѣтія, правительство пошло въ этомъ направленіи и дальше, объединяя въ нѣкоторыхъ пограничныхъ мѣстностяхъ нѣсколько сосѣднихъ уѣздовъ съ ихъ воеводами подъ властью одного главнаго воеводы, но эта послѣдняя мѣра, продиктованная исключительно военными соображеніями, общаго характера не получила. Во всякомъ случаѣ съ введеніемъ воеводъ въ уѣздныхъ городахъ создались болѣе крупныя по сравненію съ существовавшими раньше административныя округа, въ которыхъ къ тому же органы власти были общими для всего на-

селенія и носили чисто бюрократическій характеръ. Тѣмъ самымъ правительство пріобрѣтало возможность болѣе тщательнаго наблюденія за жизнью населенія и болѣе властнаго воздѣйствія на нее. Но вмѣстѣ съ тѣмъ введеніе на мѣстахъ этого воеводскаго управленія, сопровождавшагося подчиненіемъ ему выборныхъ властей, стояло въ несомнѣнномъ противорѣчій съ существованіемъ въ центрѣ представительнаго собранія, какимъ являлись земскіе соборы, и такое противорѣчіе исчезло только съ прекращеніемъ послѣднихъ.

Мѣняя порядокъ мѣстнаго управленія, правительство предпринимало и попытки нѣсколько упростить и сократить чрезмѣрно разросшіяся центральныя учрежденія государства. Но попытки эти, лишенная какой-либо системы, не дали серьезныхъ результатовъ и московскіе указы до конца столѣтія представляли собою пеструю группу чрезвычайно разнообразныхъ по кругу своего вѣдомства и далеко не всегда точно разграниченныхъ между собою учрежденій. Болѣе серьезной была перемѣна, происшедшая въ личномъ составѣ руководителей этихъ учрежденій. Послѣ террора Ивана Грознаго и Бориса Годунова и бурь Смутнаго времени ряды старой боярской аристократіи сильно порѣдѣли и въ нихъ проникло немало новыхъ, незнатныхъ людей изъ числа средняго дворянства. Вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно ослабѣли и старыя боярскія традиціи, согласно которымъ должности на службѣ московскаго государя должны были распределяться сообразно со степенью знатности назначавшихся на нихъ лицъ. Московскіе цари получали поэтому все бѣльшую возможность при назначеніяхъ на службу не сообразоваться съ мѣстными сче- тами своихъ слугъ, а въ концѣ XVII вѣка былъ торжественно отмѣненъ и самый институтъ мѣстничества. Происхожденіе служилаго челоука продолжало все же играть роль въ его служебной карьерѣ, но наряду съ этимъ болѣе видную роль стала играть въ ней и личная выслуга. Незнатные люди, въ силу ли оказанныхъ ими государству услугъ или иными путями добытой царской милости, легче, чѣмъ прежде, могли подниматься на высшія мѣста въ служебной іерархіи. Въ со- отвѣтствіи съ этимъ къ концу XVII столѣтія правящій слой въ государствѣ пріобрѣлъ не столько аристократическій, сколько придворно-бюрократическій характеръ.

Измѣняя свой административный аппаратъ въ направле- нии бѣльшаго подчиненія его своей волѣ, правительство, въ связи съ стоявшими предъ нимъ задачами внѣшней политики, добивалось при помощи этого аппарата отъ населенія все болѣе напряженной службы и все бѣльшихъ денежныхъ средствъ. Непрерывно увеличивалась на протяженіи XVII вѣка численность московскаго войска, наряду съ конной дворян- ской милиціей выростала въ немъ заведенная еще въ преды- дущемъ столѣтіи стрѣлецкая пѣхота, создавались новые, обу-

чавшіеся у иноземныхъ офицеровъ, пѣхотные и конные полки, и въ результатѣ быстро росли и расходы государства на армию. Правительству приходилось поэтому все увеличивать тяжесть требовавшихся отъ населенія налоговъ и податей. А такъ какъ получавшихся средствъ оказывалось все недостаточно, то правительство, не безъ основанія предполагая, что часть обязаннаго податями населенія укрывается отъ ихъ платежа, рѣшилось измѣнить порядокъ взиманія прямыхъ податей съ крестьянства, перейдя отъ практиковавшагося раньше обложенія обрабатываемой земли къ обложенію жилыхъ дворовъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ подъ давленіемъ все той же острой нужды государства въ людяхъ и средствахъ въ XVII вѣкѣ былъ принятъ и рядъ другихъ мѣръ, касавшихся положенія разныхъ общественныхъ классовъ. Служилые люди и ихъ сыновья въ срединѣ этого вѣка окончательно потеряли право переходить въ холопы къ частнымъ лицамъ и были такимъ образомъ совершенно прикрѣплены къ пожизненной военной службѣ государству. При этомъ, такъ какъ такая служба отбывалась теперь одинаково съ вотчинъ и помѣстій, то правительство не проводило уже столь рѣзкой, какъ прежде, границы между этими двумя видами земельныхъ владѣній служилыхъ людей. Въ интересахъ исправнаго отбыванія службы право вотчинниковъ на распоряженіе ихъ вотчинами подверглось нѣкоторымъ ограниченіямъ, а, съ другой стороны, помѣстья, не ставъ собственностью своихъ владѣльцевъ, какою являлись вотчины, на практикѣ все больше обращались въ наследственные владѣнія служилыхъ людей. Посадскіе люди въ свою очередь въ срединѣ XVII вѣка были окончательно прикрѣплены не только къ посадскому тяглу, но и къ своему посаду, потерявъ право по своей волѣ переходить изъ него въ другіе. Наконецъ, въ срединѣ же XVII столѣтія было окончательно установлено въ законѣ и прикрѣпленіе крестьянства, причемъ крестьяне, жившіе на собственныхъ или государственныхъ земляхъ, прикрѣплялись къ землѣ, а крестьяне владѣльческихъ имѣній — дворцовыхъ, церковныхъ и боярскихъ или дворянскихъ — частью къ землѣ, частью къ лицу владѣльца. Такъ, продолжая систему, сложившуюся въ предшествовавшія столѣтія, Московское государство въ XVII вѣкѣ подъ воздѣйствіемъ тѣхъ же въ общемъ условій, какія вызвали въ свое время ея возникновеніе, завершило разграниченіе различныхъ общественныхъ группъ, прикрѣпивъ членовъ каждой изъ нихъ къ опредѣленной службѣ или повинности.

Въ наиболѣе выигрышномъ положеніи оказался при этомъ классъ землевладѣльцевъ, въ наименѣе выгодномъ — крестьяне владѣльческихъ имѣній. Такой крестьянинъ, платя подати государству — правда, въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ крестьяне, не находившіеся въ частной зависимости, — одновременно долженъ былъ содержать своимъ трудомъ владѣльца имѣнія,

который съ своей стороны несъ личную службу государству. При этомъ и личныя, и имущественныя права крестьянина оставались мало опредѣленными и обезпеченными. Государство не исключало его изъ числа своихъ гражданъ и не отдавало въ безусловное подчиненіе владѣльцу имѣнія, но и не ограждало въ достаточной мѣрѣ отъ возможнаго произвола со стороны послѣдняго. Размѣръ повинностей крестьянина на владѣльца имѣнія не былъ установленъ закономъ и въ то же время законъ предоставлялъ этому владѣльцу широкую судебную и административно-полицейскую власть надъ его крестьянами, передавая ему и сборъ съ нихъ податей. Въ этихъ условіяхъ владѣльцы имѣній получали легкую возможность расширять еще болѣе свою власть надъ крестьянами, приближая ихъ къ положенію холоповъ. До извѣстной степени этому благопріятствовало и то обстоятельство, что граница между крестьянами, обязанными податью государству, и холопами, составлявшими частную собственность и податей не платившими, порою стиралась и съ другой стороны. Введя подворное обложеніе, правительство, стремившееся для облегченія своихъ финансовыхъ затрудненій расширить кругъ плательщиковъ прямыхъ податей, распространило это обложеніе и на т. н. „задворныхъ холоповъ“, которыхъ ихъ владѣльцы не держали при себѣ, въ своемъ дворѣ, а селили отдѣльно, давая имъ на условіи опредѣленныхъ повинностей землю для обработки и такимъ путемъ создавая для нихъ хозяйственное положеніе, сходное съ положеніемъ крестьянъ. Такое сближеніе правительствомъ задворныхъ холоповъ съ крестьянами въ платежѣ податей давало владѣльцамъ имѣній лишній поводъ приравнивать крестьянъ къ холопамъ. И въ концѣ XVII вѣка люди, вновь селившіеся въ качествѣ крестьянъ въ имѣніи того или иного владѣльца, случалось, выдавали ему на себя записи, въ которыхъ къ обязательству не уходитъ отъ него добавляли: „и вольно ему меня продать и заложить и самому владѣть“. Продажа крестьянъ въ это время, дѣйствительно, становилась въ практикѣ владѣльцевъ имѣній уже нерѣдкимъ явленіемъ. Изъ крестьянскаго прикрѣпленія, продиктованнаго государству интересами нуждавшагося въ рабочихъ рукахъ землевладѣльческаго класса, зарождалось такимъ образомъ крѣпостное право, постепенно обращавшее крестьянина въ собственность его владѣльца.

Однако такіе порядки существовали не на всей территории государства. Въ немъ были и мѣстности, не знавшія ни воеводскаго управленія, ни платежей въ казну московскаго государя, ни власти вотчинниковъ и помѣщиковъ надъ сельскимъ населеніемъ, ни вообще рѣзкаго разграниченія общественныхъ группъ. Такими мѣстностями являлись лежавшія на южныхъ окраинахъ казацкія области, изъ которыхъ наиболѣе давними въ составѣ Московскаго государства были области,

расположенныя по рѣкамъ Дону, Тереку и Яику. Казацкія поселенія на Дону въ большинствѣ своемъ были созданы выходцами изъ различныхъ великорусскихъ земель, которые, уйдя въ прилегавшую къ этой рѣкѣ дикую степь, образовали здѣсь общины вольныхъ промышленниковъ и воиновъ, своего рода колоніи, современемъ слившіяся въ одно цѣлое и признавшія надъ собою верховную власть Москвы. Ихъ зависимость отъ послѣдней до конца XVII вѣка выражалась однако лишь въ томъ, что донскіе казаки несли сторожевую службу на южной границѣ своей области и порою по призыву царскаго правительства участвовали въ походахъ московскаго войска. Занятая казаками земля считалась ихъ собственностью и никакихъ податей за эти земли они въ московскую казну не платили, а, наоборотъ, получали изъ Москвы ежегодную субсидію деньгами и припасами. Во внутреннемъ своемъ быту они пользовались полной автономіей и управлялись и судились въ своей области исключительно своими выборными начальниками. Главный изъ нихъ, войсковою атаманъ, и его ближайшіе помощники избирались и смѣнялись общимъ собраніемъ всѣхъ казаковъ, носившимъ названіе „круга“. Этотъ кругъ независимо отъ московскаго правительства устанавливалъ и всѣ внутренніе порядки области, причемъ населявшіе ее казаки, несмотря на существовавшія между ними имущественныя различія, подчасъ довольно значительныя, располагали одинаковыми правами. Взятое въ цѣломъ, донское казачество представляло такимъ образомъ собою первичную военную демократію. Таковъ же былъ характеръ терскаго и яицкаго казацкихъ войскъ, первоначальная основа которыхъ была заложена выселеніемъ въ эти мѣстности части казаковъ съ Дона, и таковы же въ общемъ были отношенія этихъ войскъ къ Москвѣ. А въ срединѣ XVII вѣка въ составъ Московскаго государства вошли новыя казацкія области, уже не съ великорусскимъ, а съ малорусскимъ населеніемъ. Пустынную до того часть степи, лежавшую на западъ отъ поселеній донскихъ казаковъ, заняли въ это время съ разрѣшенія московскаго правительства переселенцы изъ Малороссіи, бѣжавшіе отъ польскаго владычества и отъ внутреннихъ междоусобій. За обязательство защищать границу занятой ими территоріи отъ татарскихъ нападений правительство закрѣпило за этими переселенцами земли, на которыхъ они поселились, освободило ихъ отъ податей и предоставило имъ широкое самоуправленіе по ихъ собственнымъ обычаямъ. Постепенно здѣсь образовалось пять т. н. слободскихъ казацкихъ полковъ, причемъ вся занятая ими область получила названіе Слободской Украины. Но въ отличіе отъ донскихъ казаковъ эти полки, занимавшіе отдѣльные округа и управлявшіеся всякій своимъ выборнымъ начальствомъ, не имѣли своего общаго органа власти, а подчинялись каждый въ отдѣльности непо-

средственно московскимъ центральнымъ учрежденіямъ. Несравненно болѣе широкой автономіей пользовалась присоединившаяся отъ Польши къ Московскому государству часть Малороссіи, расположенная на лѣвомъ берегу Днѣпра. Все населеніе этой области, т. н. „Гетманщины“, казацкое, мѣщанское и крестьянское, жило по своимъ законамъ и обычаямъ и управлялось выборными властями. Во главѣ ихъ стоялъ избираемый казаками и окруженный также выборной казацкой старшиной гетманъ, являвшійся одновременно предводителемъ казацкаго войска и правителемъ всей области. Обязательства послѣдней по отношенію къ государству послѣ нѣкоторыхъ колебаній свелись на практикѣ къ поставкѣ въ распоряженіе центральнаго правительства во время войны опредѣленнаго количества войска. Составлявшіе это войско казаки не получали жалованья, но являлись собственниками своихъ земельныхъ участковъ и были свободны отъ податей. Со своей стороны мѣщане и крестьяне платили подати, но не въ московскую, а въ гетманскую казну, и подати эти въ общемъ были легче московскихъ. При этомъ крестьяне Гетманщины до конца XVII вѣка не знали прикрѣпленія и оставались лично свободными людьми, сохраняя нерѣдко и право собственности на находившіяся въ ихъ пользованіи земли. Наконецъ, на югъ отъ Гетманщины по нижнему теченію Днѣпра расположена была еще одна казацкая область, признавшая надъ собою власть московскаго государя, — Запорожская Сѣчь. Казацкое населеніе этой области, въ свою очередь управлявшееся своими выборными властями, во главѣ которыхъ стоялъ кошевой атаманъ, представляло собою такую же военно-демократическую общину, какою являлось донское казачество, и также мало склонно было подчасъ подчиняться указаніямъ и требованіямъ московскаго правительства.

Существованіе этихъ казацкихъ общинъ съ ихъ сравнительно свободными порядками жизни было не малымъ соблазномъ для низшихъ общественныхъ классовъ коренныхъ областей Московскаго государства. Все возростающая тяжесть положенія посадскихъ людей и крестьянства приводила къ тому, что среди нихъ являлось большое количество охотниковъ избавиться отъ этой тяжести путемъ бѣгства въ населенныя казаками мѣстности. Яикъ, Терекъ и Запорожье были однако слишкомъ далеки и добратся до нихъ было не легко. Власти слободскихъ полковъ и Гетманщины по условіямъ, заключеннымъ ими съ царскимъ правительствомъ, обязались не принимать къ себѣ бѣглецовъ изъ другихъ частей государства. Иначе обстоило дѣло съ Дономъ. Донское войско испытывало постоянную нужду въ людяхъ и въ соотвѣтствіи съ этимъ твердо держалось правила, что „съ Дона выдачи нѣтъ“, и охотно принимало пришельцевъ, которые либо прямо вступали въ ряды мѣстнаго казачества, либо устраивались работни-

ками у болѣе зажиточныхъ казаковъ. На Донъ и направился изъ близкихъ къ нему мѣстностей широкій потокъ бѣглыхъ, среди которыхъ преобладали владѣльческіе крестьяне, стремившіеся уйти изъ-подъ власти вотчинниковъ и помѣщиковъ. Послѣдніе однако не мирились съ такимъ бѣгствомъ и непрестанно жаловались на него правительству, тѣмъ самымъ возбуждая его противъ донского казачества. Съ другой стороны, приливъ на Донъ большого количества людей, бѣжавшихъ отъ московскихъ порядковъ и унесшихъ съ собою острую вражду къ нимъ, усилилъ въ рядахъ казачества оппозицію Москвѣ и дѣло дошло до того, что въ концѣ третьей четверти XVII вѣка часть донскихъ казаковъ подняла открытый бунтъ противъ московскаго правительства, который ему удалось усмирить только путемъ жестокихъ репрессій. Все углублявшійся въ государствѣ соціальный разладъ повлекъ такимъ образомъ за собою созданіе напряженныхъ отношеній между центральной властью и одною изъ автономныхъ казацкихъ областей.

Между тѣмъ съ середины XVII вѣка къ этому соціальному разладу присоединился еще иного рода разладъ, возникшій въ другой сферѣ жизни. Какъ ни напрягало московское правительство въ рамкахъ старой государственной системы силы страны ради успѣховъ во внѣшней борьбѣ, борьба эта далеко не всегда складывалась для него удачно и во всякомъ случаѣ оно не достигало въ ней вполне тѣхъ цѣлей, какія ставило себѣ. Ему не удавалось ни объединить всѣ русскія земли, ни пробиться къ Балтійскому морю, ни прочно оградить южныя границы государства отъ хищническихъ набѣговъ татаръ и отъ нападеній турокъ. Для разрѣшенія поставленныхъ задачъ приходилось искать новаго пути и постепенно московское правительство и вступало на него. Съ первыхъ десятилѣтій XVII вѣка оно, стремясь уравнивать свои силы съ силами своихъ западныхъ сосѣдей, стало пытаться перенять до извѣстной степени ихъ военную технику, приглашая съ этой цѣлью на свою службу все большее количество иноземныхъ офицеровъ, которые должны были обучать военному строю новые полки, создававшіеся на нѣсколько иныхъ началахъ, чѣмъ старая дворянская милиція. Созданіе этихъ полковъ повлекло за собою и другую мѣру — для снабженія ихъ отъ казны вооруженіемъ правительство стало, опять-таки при помощи иноземцевъ, устраивать соотвѣтствующіе заводы. Такъ имъ сдѣланы были нѣкоторыя, хотя не особенно большіе и смѣлые, шаги къ усвоенію западно-европейской военной и военно-промышленной техники. За ними послѣдовали и другіе шаги, въ свою очередь выводившіе его на новый путь.

Выяснившаяся на опытѣ трудность внѣшней борьбы на три фронта породила въ умахъ руководителей московской политики мысль о возможности примиренія съ ослабленной и

переставшей быть опасною Польшей и заключенія съ нею союза противъ другихъ противниковъ — Крыма и Турціи на югѣ и Швеціи на сѣверо-западѣ. Отчасти эта мысль была осуществлена и на дѣлѣ. Въ 1667 г. съ Польшей было заключено Андрусовское перемиріе, а въ 1686 г. былъ установленъ и „вѣчный“, т. е. безсрочный миръ съ нею, причемъ Московское государство присоединилось къ составившейся противъ Турціи коалиціи Польши, Австріи и Венгріи. Одновременно съ этой переменой въ области внѣшней политики въ правящихъ кругахъ Москвы возникали и планы измѣненій во внутреннихъ порядкахъ государства. Видный дипломатъ и одинъ изъ выдающихся государственныхъ дѣятелей времени царя Алексѣя, Ординъ-Нащокинъ, изъ скромнаго званія городского дворянина поднявшійся до сана боярина, рѣзко критиковалъ московскую финансовую и экономическую политику, исходившую изъ узко-фискальныхъ мотивовъ, настаивалъ на необходимости заботъ о развитіи производительныхъ силъ страны, ея промышленности и торговли, и въ соотвѣтствіи съ этимъ выработалъ и пытался провести въ жизнь проектъ новаго устройства городовъ, предоставлявшій имъ самоуправленіе и предполагавшій образованіе въ средѣ русскаго купечества „съ примѣру стороннихъ чужихъ земель“ торговыхъ товариществъ. Нѣсколько позже одинъ изъ его преемниковъ въ должности начальника Посольскаго приказа, кн. В. В. Голицынъ, стоявшій тогда фактически во главѣ правительства, задумывалъ преобразование дворянской милиціи въ регулярную армію, которое сопровождалось бы серьезнымъ увеличеніемъ денежнаго жалованья дворянамъ и одновременной замѣной крестьянскихъ повинностей на нихъ усиленнымъ налогомъ въ пользу государства.

Преобразовательные планы Ордина-Нащокина и Голицына остались въ области проектовъ и не получили практическаго осуществленія. Но уже одно возникновеніе подобныхъ плановъ показывало, что въ умахъ московскихъ правителей назрѣвало сознаніе необходимости серьезныхъ переменъ въ государственныхъ порядкахъ. Съ выходомъ Московскаго государства на болѣе широкую международную арену расширился и политическій кругозоръ правящихъ круговъ Москвы и въ нихъ начали появляться люди критически относившіеся къ старымъ приемамъ московской политики и выдвигавшіе новую ея программу, въ основѣ которой лежало стремленіе строить государственныя дѣла „съ примѣру чужихъ земель“ и, прежде всего, перенести къ себѣ военную и промышленную технику европейскаго запада.

По мѣрѣ того, какъ правительство вступало на этотъ путь, аналогичное движеніе происходило и въ средѣ общества. Съ расширеніемъ дипломатическихъ и торговыхъ сношеній государства съ другими странами и съ увеличеніемъ

въ Москвѣ числа иностранныхъ купцовъ и состоявшихъ на правительственной службѣ иноземцевъ въ высшіе круги московскаго общества стало постепенно проникать иноземное вліяніе. Слабое и поверхностное вначалѣ, затрагивавшее своимъ воздѣйствіемъ на первыхъ порахъ лишь внѣшніе порядки жизни, оно съ теченіемъ времени усиливалось и по крайней мѣрѣ у части поддававшихся ему людей начинало пробуждать новые вкусы и стремленія. Черезъ посредство главнымъ образомъ южно-русскихъ монаховъ въ Москву стала проникать южно-русская и польская литература. Далеко отставшая отъ движенія мысли въ передовыхъ странахъ европейскаго Запада, пропитанная схоластическимъ духомъ, эта литература для еще болѣе отсталой Москвы все же являлась привлекательной новинкой. И подъ вліяніемъ, съ одной стороны, знакомства съ нею, съ другой, непосредственнаго общенія съ находившимся въ Москвѣ иностранцами въ средѣ московскаго общества нарастало критическое отношеніе къ отечественнымъ порядкамъ и появлялось стремленіе къ пріобрѣтенію новыхъ знаній.

Однако по этому пути пошла лишь часть общества. Другая и притомъ значительно бѣльшая его часть увидѣла въ такомъ пути отступленіе отъ извѣстныхъ преданій, придававшихъ Москвѣ значеніе единственной хранительницы истиннаго христіанскаго просвѣщенія и благочестія, именно поэтому взысканной небесной благодатью и одерживавшей, пока она оставалась вѣрна своему призванію, верхъ надъ всѣми своими противниками. Москвѣ, по этому взгляду, надлежало учить погрязшіе въ ересьхъ другіе народы, а никакъ не учиться у нихъ. Сообразно этому въ попыткахъ сближенія съ иностранцами и усвоенія ихъ нравовъ, порядковъ и образованія данная часть общества усмотрѣла не что иное, какъ уклоненіе отъ русскаго православія въ чужеземную ересь, и рѣшительно возстала противъ такого уклоненія. Въ московскомъ обществѣ завязалась такимъ образомъ борьба двухъ культурныхъ направленій. И эта борьба достигла своего крайняго напряженія, когда въ серединѣ XVII столѣтія высшая церковная іерархія въ лицѣ патріарха Никона подъ вліяніемъ греческаго и южно-русскаго духовенства предприняла исправленіе русскихъ церковныхъ книгъ и обрядовъ, направленное къ сближенію ихъ съ книгами и обрядами греческой церкви. Въ глазахъ ревнителей русской старины такое направленіе явилось окончательнымъ отпаденіемъ въ „латинскую ересь“ и наиболѣе убѣжденные изъ нихъ категорически отказались признавать исправленные обряды и книги, отвергнувъ вмѣстѣ съ тѣмъ и авторитетъ впавшей, по ихъ утверженію, въ ересь церковной іерархіи. Послѣдняя съ своей стороны отвѣтила на это проклятіемъ неповинующихся и, при поддержкѣ свѣтской власти, обрушила на нихъ тяжелыя кары. Въ результатѣ русская церковь раскололась на двѣ враждебныя одна другой части. При

этомъ съ церковной іерархіей осталась, помимо сравнительно небольшого круга болѣе образованныхъ людей, главнымъ образомъ пассивно относившаяся къ религіознымъ вопросамъ масса, тогда какъ болѣе страстно воспринимавшая эти вопросы часть церковной паствы, сохраняя вѣрность вѣками воспитанному въ ней ихъ пониманію, пошла за поклонниками старины, видя въ нихъ борцовъ и мучениковъ за правую вѣру.

Такимъ образомъ въ то самое время, какъ связанное съ внѣшней борьбой Московскаго государства въ XVII столѣтіи дальнѣйшее развитіе унаслѣдованной имъ отъ предшествовавшихъ вѣковъ системы государственныхъ и общественныхъ отношеній вело къ усилению и углубленію въ немъ соціального разлада, попытки московскаго правительства найти для преодоленія стоявшихъ предъ нимъ затрудненій новый путь вызвали въ странѣ борьбу двухъ культурныхъ направленій, нашедшую себѣ наиболѣе яркое выраженіе въ церковномъ расколѣ. Въ исходѣ столѣтія къ этой борьбѣ присоединилась и прихотливо переплелась съ нею еще другого рода борьба, завязавшаяся въ гораздо болѣе узкой средѣ, именно борьба придворныхъ партій, связанная съ вопросомъ о престолонаслѣдіи.

Царствованіе Федора Алексѣевича. Второй московскій царь изъ дома Романовыхъ, Алексѣй Михайловичъ, былъ женатъ два раза и, когда въ 1676 г. онъ умеръ, послѣ него осталось двѣ семьи. Отъ первой его жены, Маріи Ильиничны Милославской, у него было 13 дѣтей, изъ которыхъ, впрочемъ, только девять, два сына и семь дочерей, пережили отца. Оба эти его сына, Федоръ и Иванъ, были крайне слабы здоровьемъ, а Иванъ, помимо физической болѣзненности, страдалъ еще и слабоуміемъ. Дочери, наоборотъ, были здоровы, а одна изъ нихъ, Софія, далеко выдавалась изъ ряда своихъ сестеръ своимъ умомъ и твердой волей. Сама Марія Ильинична умерла въ 1669 г. и черезъ два года послѣ того Алексѣй Михайловичъ женился на Натальѣ Кириловнѣ Нарышкиной, дѣвушкѣ, происходившей изъ мелкой дворянской семьи и воспитанной въ домѣ близкаго къ нему человѣка, Артамона Сергѣевича Матвѣева. Въ 1672 г. у нея родился сынъ, которому дано было имя Петра и который оказался, въ противоположность своимъ старшимъ братьямъ по отцу, крѣпкимъ и сильнымъ ребенкомъ.

При жизни первой жены Алексѣя Михайловича рядъ ея родственниковъ и свойственниковъ успѣлъ занять видныя мѣста при царскомъ дворѣ и въ центральной администраціи. Но послѣ брака царя съ Нарышкиной Милославскіе и ихъ клеветы были оттѣснены на второй планъ родней новой царицы и близкими къ ней людьми. Въ частности, ея воспитатель, Матвѣевъ, успѣвшій подняться до сана боярина и должности начальника Посольскаго приказа, сталъ однимъ изъ наиболѣе

видныхъ и вліятельныхъ лицъ въ московскомъ правительствѣ въ послѣдніе годы жизни царя Алексѣя. Однако со смертью Алексѣя Михайловича это положеніе вновь измѣнилось. По установившемуся уже въ Москвѣ обычаю наслѣдникомъ престола считался старшій сынъ царствовавшего государя и согласно этому обычаю 14-лѣтній Федоръ и былъ провозглашенъ царемъ. При молодомъ царѣ Милославскіе опять стали ближайшими къ престолу лицами и не замедлили воспользоваться этимъ. Въ скоромъ времени Матвѣевъ, на котораго взведено было обвиненіе въ злоупотребленіяхъ по службѣ и в умыслѣ на государево здоровье, былъ смѣненъ съ занимавшихся имъ должностей, лишенъ имѣній и отосланъ изъ Москвы въ далекую ссылку. Въ свою очередь вдовствующая царица Наталья была отстранена отъ всякаго вліянія на дѣла и вмѣстѣ съ своимъ малолѣтнимъ сыномъ попала въ положеніе полупопальной.

Но и Милославскіе не долго пользовались безраздѣльнымъ вліаніемъ на Федора, такъ какъ у него скоро появились любимцы, не принадлежавшіе къ ихъ кругу. Благодаря заботамъ своего отца, при жизни котораго въ старо-русскую обстановку кремлевскаго двора замѣтно вторгались уже иноземныя культурныя вѣянія, Федоръ въ ранней юности получилъ образованіе по новому для тогдашней Москвы образцу. Послѣ начальнаго обученія грамотѣ къ нему былъ приставленъ въ качествѣ преподавателя переселившійся въ Москву ученый западно-русскій монахъ, воспитанникъ Кіевской академіи, Симеонъ Полоцкій, который познакомилъ его съ польскимъ и латинскимъ языками и привилъ ему до извѣстной степени вкусъ къ западной культурѣ въ польскомъ ея обличій. Ставъ царемъ, Федоръ встрѣтилъ среди окружавшихъ его царедворцевъ двухъ молодыхъ людей, Языкова и Лихачева, прошедшихъ въ общемъ такую же школу, какъ и онъ, сблизился съ ними и вскорѣ они, оттѣснивъ Милославскихъ, заняли мѣсто ближайшихъ его совѣтниковъ и руководителей. Черезъ нѣкоторое время къ этимъ любимцамъ царя присоединился еще одинъ, раздѣлявшій ихъ настроенія и выдававшійся среди московскаго общества своимъ сравнительно широкимъ образованіемъ и своею близостью съ иноземцами, кн. В. В. Голицынъ. Покровительство, какое эти близкія къ царю лица оказывали пріѣзжавшему въ Москву южно-русскому духовенству, способствовало усиленію въ московскомъ обществѣ въ годы царствованія Федора южно-русскаго и польскаго культурнаго вліянія. Оно сказалось, между прочимъ, и въ томъ, что въ эти годы былъ выработанъ проектъ созданія въ Москвѣ высшей духовной школы по образцу кіевской академіи.

Помимо того, царствованіе Федора было ознаменовано въ жизни Московскаго государства двумя важными событіями, изъ которыхъ одно имѣло мѣсто въ области его внѣшнихъ отно-

шеній, другое же касалось внутреннихъ его порядковъ. Начатая еще при Алексѣѣ Михайловичѣ борьба съ Турціей, захватившей было подъ свою власть лежавшія на западъ отъ Днѣпра малорусскія земли, шла для Московскаго государства неуспѣшно. Въ результатѣ правительство Федора рѣшилось въ 1681 г. заключить миръ съ султаномъ, отказавшись отъ своихъ притязаній на эти земли и сохранивъ за собою только уступленные по Андрусовскому перемирію Москвѣ отъ Польши области на лѣвой сторонѣ Днѣпра съ Кіевомъ на правомъ его берегу. Неудачный ходъ этой войны лишній разъ выказалъ недостатки московскихъ военныхъ порядковъ и въ томъ же 1681 г. въ Москвѣ была собрана подъ предсѣдательствомъ кн. В. В. Голицына составленная изъ выборныхъ отъ служилыхъ людей комиссія, которой поручено было изыскать мѣры къ устраненію этихъ недостатковъ. Намѣтивъ рядъ такихъ мѣръ, комиссія въ числѣ ихъ предложила полное упраздненіе мѣстническихъ счетовъ между служилыми людьми. Въ началѣ слѣдующаго 1682 года это предложеніе было внесено на обсужденіе совѣщанія, состоявшаго изъ членовъ боярской думы, высшаго духовенства и выборныхъ отъ придворныхъ чиновъ, и, единогласно одобренное имъ, было утверждено царемъ. Такъ изъ жизни Московскаго государства исчезла одна изъ наиболѣе прочныхъ традицій стараго его боярства, исчезла потому, что отъ самого этого стараго боярства и прежняго его значенія къ данному времени оставались въ сущности только обломки.

Уничтоженіе мѣстничества было и послѣднимъ крупнымъ дѣломъ московскаго правительства при жизни Федора. 27 апрѣля (7 мая) 1682 г. онъ умеръ, не оставивъ по себѣ потомства. Близкіе къ нему люди заранѣе предвидѣли такую возможность ранней и бездѣтной его смерти и это вызвало въ послѣднее время его жизни нозую перегруппировку придворныхъ партій. При отсутствіи дѣтей у Федора его наследникомъ являлся Иванъ, достигшій къ моменту смерти брата 15-лѣтняго возраста. Но Иванъ оставался слабымъ и слабоумнымъ и въ случаѣ его восшествія на престолъ за него, очевидно, правили бы Милославскіе. Между тѣмъ Языковъ и Лихачевъ, за которыми стояла группа ихъ старшихъ родственниковъ и пріятелей во главѣ съ бояриномъ Языковымъ, имѣли основаніе опасаться мести со стороны Милославскихъ, оттѣсненныхъ ими отъ Федора. Въ виду этого они рѣшили пойти на соглашеніе съ Нарышкиными и содѣйствовать возведенію на престолъ, вмѣсто неспособнаго къ несенію власти Ивана, десятилѣтняго Петра, опека надъ которымъ, по заведенному порядку, принадлежала бы его матери. Придя къ такому рѣшенію, они въ послѣднія недѣли жизни Федора выхлопотали у него указъ, возвращавшій изъ ссылки Матвѣева, авторитетъ и дѣловая опытность котораго могли оказать большую

услугу партіи Нарышкиныхъ. Матвѣевъ, впрочемъ, до смерти Федора не успѣлъ пріѣхать въ Москву и вопросъ престолонаслѣдія былъ рѣшенъ безъ его участія. Когда Федоръ умеръ, патріархъ обратился къ собранной предъ дворцомъ толпѣ служилыхъ людей и горожанъ съ вопросомъ, который изъ двухъ братьевъ покойнаго государя долженъ занять опустѣвшій престолъ. Собравшіеся, очевидно, не безъ вліянія состоявшагося между сторонниками Нарышкиныхъ и Языковыхъ примиренія, единодушно высказались за Петра и онъ былъ объявленъ избраннымъ на царство. Съ своей стороны Милославскіе не отважились открыто возражать противъ принятаго такимъ образомъ рѣшенія. Однако они и не примирились съ нимъ, а обстоятельства позволили имъ инымъ путемъ уничтожить это рѣшеніе и захватить власть въ свои руки. Такимъ путемъ явилось именно использованіе находившейся въ столицѣ вооруженной силы — стрѣлецкихъ полковъ.

Стрѣлецкій бунтъ 1682 г. Стрѣльцы, составлявшіе единственное постоянное войско московскаго государя, размѣщались въ Москвѣ отдѣльно отъ другихъ ея жителей, въ особыхъ кварталахъ, носившихъ названіе „стрѣлецкихъ слободъ“. Какъ разъ въ данное время въ этихъ слободахъ происходило большое волненіе. Главный начальникъ стрѣльцовъ при ц. Федорѣ, кн. Юрій Долгорукій, благодаря своей старости, совершенно выпустилъ изъ своихъ рукъ управленіе дѣлами Стрѣлецкаго приказа и распустилъ своихъ подчиненныхъ. Его сынъ и помощникъ по должности, фактически замѣщавшій отца, кн. Михайлъ Долгорукій, въ свою очередь удѣлялъ мало вниманія ввѣреннымъ ему полкамъ. Пользуясь этимъ, начальники отдѣльныхъ полковъ позволяли себѣ большія злоупотребленія, задерживая выдачу слѣдовавшаго стрѣльцамъ жалованья, обременяя ихъ взятками и незаконными поборами и заставляя работать въ своемъ частномъ хозяйствѣ. Стрѣльцы жаловались, но не получали удовлетворенія и въ ихъ средѣ водворялось все бѣльшее недовольство и волненіе. Послѣ провозглашенія царемъ Петра новому правительству подана была отъ 16 стрѣлецкихъ полковъ жалоба на полковниковъ, сопровождавшаяся угрозой, что если и эта жалоба не дастъ результатовъ, стрѣльцы сами расправятся съ виновниками ихъ притѣсненій. Слабое и недостаточно еще увѣренное въ себѣ правительство, создавшееся вокругъ царицы Натальи и дѣйствовавшее отъ имени малолѣтняго Петра, растерялось и, не вступая въ разсмотрѣніе дѣла, уволило полковниковъ, на которыхъ поступила жалоба, и постановило удовлетворить всѣ предъявленныя къ нимъ жалобщиками денежныя претензіи. Но эта мѣра не только не создала успокоенія, а повела къ прямо противоположнымъ результатамъ. Стрѣльцы почувствовали, что правительство ихъ боится и они могутъ навязывать ему свою волю, дисциплина въ стрѣлецкихъ слободахъ, и

до того уже расшатанная, окончательно рухнула и въ нихъ установилось крайне безпокойное и тревожное настроеніе.

Этимъ-то положеніемъ рѣшили воспользоваться для сведенія счетовъ съ своими противниками Милославскіе. Главнымъ дѣятелемъ въ ихъ лагерьѣ явилась при этомъ четвертая дочь царя Алексѣя отъ перваго его брака, царица Софья. Умная, честолюбивая и страстная дѣвушка, она получила хорошее для своего времени образованіе, слушая вмѣстѣ съ своими братьями Федоромъ и Иваномъ уроки Симеона Полоцкаго. Въ царствованіе Федора она пользовалась большою свободой, вступила въ частности въ интимныя отношенія съ кн. В. В. Голицынымъ, успѣвшимъ въ это время занять видное мѣсто среди московскихъ государственныхъ дѣятелей, и уже мечтала о томъ, что съ воцареніемъ Ивана она сможетъ стать фактической правительницей государства. Менѣе всего ей улыбалась возможность вернуться къ обычному полу-монашескому существованію московскихъ царицъ, а между тѣмъ именно такая судьба ожидала ее при возведеніи на престолъ Петра и переходѣ власти къ Нарышкинымъ. Въ виду этого она со всею присущею ей страстностью бросилась въ борьбу съ послѣдними, найдя себѣ для такой борьбы и энергичнаго помощника въ лицѣ одного изъ своихъ старшихъ родственниковъ по матери, опытнаго въ дворцовыхъ интригахъ боярина Ив. Мих. Милославскаго. Агенты его и Софьи повели дѣятельную пропаганду среди волновавшихся стрѣльцовъ, призывая ихъ выступить на защиту первой семьи царя Алексѣя отъ гибели, угрожающей ей со стороны „измѣнниковъ“ — Нарышкиныхъ и ихъ друзей. Нарышкины — рассказывали эти агенты — отравили ц. Федора, обманомъ отстранили отъ престола царевича Ивана и теперь собираются погубить его, рассчитывая затѣмъ посадить на царскій тронъ брата царицы Натальи, Ивана Нарышкина. Эти рассказы объ измѣнникахъ боярахъ, съ полнымъ довѣріемъ встрѣчавшіеся стрѣлецкой массой, и безъ того уже настроенной противъ бояръ, довели ея возбужденіе до крайняго предѣла. Однако вожаки подготовлявшагося движенія до времени сдерживали его. И лишь тогда, когда въ Москву пріѣхалъ, наконецъ, съ нетерпѣніемъ ожидавшійся въ ней Матвѣевъ, который долженъ былъ стать главнымъ лицомъ въ правительствѣ Натальи Кириловны, ими данъ былъ сигналъ къ рѣшительному выступленію.

Утромъ 15 (25) мая въ стрѣлецкіе слободы пришла вѣсть, будто царевичъ Иванъ задушенъ во дворѣ. Потрясенная ею стрѣльцы, поспѣшно вооружившись, двинулись всею своею массой къ Кремлю, заняли его ворота и, войдя въ самый Кремль, окружили дворецъ, шумно требуя выдачи имъ измѣнниковъ, погубившихъ царевича. Патріархъ и тѣ изъ бояръ, которые успѣли къ этому времени собраться во дворецѣ, рѣшили попытаться прекратить начинавшійся мятежъ, убѣдивъ

стрѣльцовъ въ ихъ заблужденіи. Сопровождаемая боярами, царица Наталья вывела на дворцовое крыльцо и Петра и Ивана и стрѣльцы, вступивъ въ разговоръ съ послѣднимъ, услышали отъ него, что онъ ни отъ кого не испытываетъ обидъ. Это смутило ихъ и такое смущеніе еще усилилось послѣ обращенія къ нимъ Матвѣева, сумѣвшаго какъ будто успокоить ихъ. Но когда затѣмъ присутствовавшій тутъ же кн. Михаилъ Долгорукій съ грубой бранью и угрозами приказалъ имъ немедленно разойтись, среди нихъ опять вспыхнуло мятежное настроеніе. Схвативъ Долгорукаго, они убили его и за этимъ первымъ убійствомъ немедленно послѣдовали другія. Убитъ былъ Матвѣевъ, котораго стрѣльцы вырвали изъ рукъ царицы Натальи и малолѣтняго Петра, убитъ былъ и рядъ другихъ лицъ, въ томъ числѣ и одинъ изъ братьевъ царицы, А. К. Нарышкинъ. Послѣ этихъ убійствъ, совершенныхъ во дворцѣ, группы стрѣльцовъ разсыпались по городу, разыскивая и убивая тѣхъ лицъ, которыя были заранѣе имъ указаны въ качествѣ подлежащихъ истребленію измѣнниковъ или у которыхъ они предполагали враждебное отношеніе на себѣ. Такъ погибли бояринъ Н. М. Языковъ, старый князь Юрій Долгорукій и нѣкоторые другіе, причемъ за убійствами подчасъ слѣдовалъ и грабежъ домовъ убитыхъ. Съ особымъ стараніемъ искали стрѣльцы любимаго брата царицы Натальи, Ивана Нарышкина, внушавшаго Милославскимъ большія опасенія. Царица два дня укрывала его, но въ концѣ концовъ вынуждена была уступить неотступнымъ требованіямъ стрѣльцовъ и настояніямъ перепуганныхъ бояръ, къ которымъ присоединилась и Софья, и выдала брата. Стрѣльцы подвергли его жестокимъ пыткамъ и затѣмъ убили.

Три дня продолжались въ Москвѣ убійства и грабежи и за это время почти всѣ видные сторонники партіи Нарышкиныхъ были перебиты, а на уцѣлѣвшихъ былъ наведенъ такой страхъ, что они лишились всякой способности къ сопротивленію. Царица Наталья, покинутая всѣми, отстранилась отъ правительственныхъ дѣлъ и распоряжаться ими стала царевна Софья, выдвигая на важнѣйшія должности своихъ сторонниковъ. Начальникомъ Стрѣлецкаго приказа она назначила, на мѣсто убитаго Долгорукаго, кн. Хованскаго, начальникомъ Посольскаго приказа кн. В. В. Голицына, Рейтарскаго и Иноземскаго — Ив. М. Милославскаго. Оставалось оформить создавшееся положеніе и за этимъ дѣла не стало. 23 мая (2 іюня) депутація отъ стрѣльцовъ предъявила ихъ требованіе, чтобы наряду съ Петромъ былъ возведенъ въ царское достоинство и царевичъ Иванъ и оба брата царствовали вмѣстѣ. Поспѣшно собранное совѣщаніе боярской думы, высшаго духовенства и придворныхъ чиновъ, представлявшее собою слабое подобіе земскаго собора, не замедлило удовлетворить это требованіе и 26 мая (5 іюня) было установлено двоецарствіе, причемъ

Иванъ, какъ старшій по возрасту, былъ признанъ и старшимъ царемъ. Вслѣдъ затѣмъ, по новому требованію стрѣльцовъ, 29 мая (8 іюня), въ виду малолѣтства обоихъ государей, правительницей государства до прихода ихъ въ совершенный возрастъ была объявлена царевна Софья. За свои услуги стрѣльцы немедленно получили щедрую награду. Имъ были розданы большія деньги, дано было новое почетное наименованіе „надворной пѣхоты“ и, согласно ихъ желанію, для того, чтобы оградить ихъ отъ возможныхъ упрековъ и нареканій, на Красной площади въ Москвѣ былъ воздвигнутъ особый памятникъ — каменный столбъ съ надписью, восхвалявшей дѣйствія стрѣльцовъ въ дни 15—17 (25—27) мая какъ патриотическій подвигъ.

Правленіе царевны Софьи. Софья достигла такимъ образомъ своей цѣли, стала правительницей государства. Однако на первыхъ своихъ шагахъ въ этой роли она столкнулась съ серьезными затрудненіями, тѣсно связанными съ тѣмъ путемъ, какимъ она пришла къ власти. Этотъ путь представлялъ большой соблазнъ и очень скоро нашлись люди, попытавшіеся съ своей стороны воспользоваться имъ для достиженія собственныхъ цѣлей.

Такая попытка предпринята была прежде всего тѣми крайними ревнителями русской старины, которые, возставъ противъ церковной реформы патріарха Никона, остались при старыхъ русскихъ книгахъ и обрядахъ и порвали съ официальной русской церковью, объявивъ ее отпадной въ ересь. При ц. Алексѣѣ и при смѣнившемъ его Федорѣ эти поклонники „старой вѣры“, старообрядцы или, какъ стали ихъ называть члены официальной церкви, раскольники попали въ положеніе людей, осужденныхъ и церковной и свѣтской властью, и подверглись суровому и все усиливавшемуся гоненію. Теперь нѣкоторые ихъ руководители, находившіеся въ Москвѣ и бывшіе свидѣтелями московскихъ событій, задумали при помощи тѣхъ же стрѣлецкихъ полковъ, которые только что создали новое правительство, доставить торжество своему дѣлу и заставить это правительство вернуться къ старымъ формамъ русской церковной жизни. Съ этой цѣлью они въ свою очередь повели пропаганду въ рядахъ стрѣльцовъ. Она имѣла извѣстный успѣхъ, такъ какъ и среди стрѣльцовъ многіе придерживались старыхъ обрядовъ и искренно недоумѣвали по поводу поднятаго на нихъ гоненія. Самъ новый начальникъ, кн. Хованскій, склоненъ былъ къ старообрядчеству и не скрывалъ этой своей склонности. Сообразно намѣченной цѣли выработанъ былъ и планъ дѣйствія. Наличными въ Москвѣ проповѣдниками старообрядчества, среди которыхъ особенно выдавался священникъ Никита, прозванный противниками Пустосвятомъ, составлена была челобитная объ уничтоженіи Никоновскихъ реформъ. Стрѣльцы съ своей стороны должны были

помочь представленію этой челобитной правительству и въ случаѣ надобности поддержать ее силой.

Въ началѣ іюля, въ заранѣе назначенный день, стрѣлецкіе полки снова двинулись въ Кремль, ведя съ собою на этотъ разъ старообрядческихъ проповѣдниковъ, и, войдя въ Кремль, потребовали отъ правительства немедленнаго устройства на площади преній о вѣрѣ между этими проповѣдниками, съ одной стороны, и церковными іерархами во главѣ съ патриархомъ, съ другой. Правительство не рѣшилось отвѣтить отказомъ. Но, ссылаясь на то, что на предстоящихъ преніяхъ желаютъ присутствовать правительница и другіе члены царской семьи, которымъ неудобно появляться на площади, оно поставило условіемъ, чтобы пренія происходили въ Грановитой палатѣ, и стрѣльцамъ пришлось принять это условіе, при которомъ лишь сравнительно небольшая часть ихъ могла быть свидѣтелями преній. Послѣднія почти съ самаго ихъ начала приняли благодаря старообрядцамъ крайне бурный и беспорядочный характеръ и не дали въ сущности никакого результата. Но во всякомъ случаѣ поведеніе присутствовавшей на преніяхъ толпы стрѣльцовъ показало Софьѣ, что она не можетъ рассчитывать на безусловное ихъ повиновеніе. Нѣсколько дней послѣ того въ Москвѣ царило тревожное настроеніе. Однако правительство за эти дни успѣло справиться съ положеніемъ. Выборныхъ отъ стрѣлецкихъ полковъ призывали во дворецъ, увѣщевали, угощали виномъ, дарили деньгами и въ концѣ концовъ убѣдили отказаться отъ поддержки старообрядцевъ. Тогда власть перешла къ репрессіямъ. Старообрядческіе проповѣдники были схвачены, Никита Пустосвятъ казненъ, остальные были отправлены въ ссылку. Стрѣльцы остались спокойны.

Тѣмъ не менѣе сама Софья не могла еще быть вполне спокойна. Старообрядческое выступленіе убѣдило ее, что она не можетъ увѣренно полагаться не только на рядовыхъ стрѣльцовъ, но и на новаго ихъ начальника, ею самою избраннаго. Хованскій, дѣйствительно, велъ себя такъ независимо, что въ Москвѣ пошли даже слухи, будто онъ, опираясь на преданныхъ ему стрѣльцовъ, которымъ онъ потакаетъ во всемъ, собирается самъ сѣсть на царскій престолъ. Оставлятъ его въ занятой имъ должности казалось рискованнымъ, но и смѣстить его Софья, опасаясь стрѣльцовъ, не рѣшалась. Поэтому она прибѣгла къ другому способу дѣйствія. Въ концѣ августа вся царская семья выѣхала изъ столицы въ подмосковное село Коломенское и Софья вызвала туда же одинъ изъ стрѣлецкихъ полковъ, который обычно сопровождалъ московскихъ государей въ ихъ поѣздкахъ и который она считала наиболѣе преданнымъ ей. Послѣ ряда переѣздовъ изъ одного подмосковнаго села въ другое, она къ 17 (27) сентября, дню своихъ именинъ пріѣхала въ село Воздвиженское. Сюда же пріѣхали

къ этому дню и многія изъ высшихъ должностныхъ лицъ, чтобы принести правительницѣ свои поздравленія по случаю ея именинъ. Выѣхалъ изъ Москвы поздравить Софью и Хованскій съ двумя своими сыновьями. Но въ то время, какъ онъ ѣхалъ въ Воздвиженское, тамъ собрана была Софьей боярская дума и ей предложено было разсмотрѣть дѣло по обвиненію Хованскаго и его старшаго сына въ рядѣ преступленій по должности и въ умыслѣ на жизнь государей. Дума признала обоихъ обвиняемыхъ виновными и приговорила ихъ къ смертной казни. Ихъ схватили на дорогѣ, привезли въ Воздвиженское въ качествѣ арестованныхъ и немедленно казнили. Младшій сынъ Хованскаго успѣлъ однако убѣжать и сообщилъ въ Москвѣ о судьбѣ своего отца и брата. Стрѣльцы взволновались и, хотя Софья, извѣстивъ ихъ особой грамотой о казни Хованскаго, вмѣстѣ съ тѣмъ увѣряла, что на нихъ она гнѣва не имѣетъ, заняли Кремль и привели столицу въ осадное положеніе. Но и Софья приняла свои мѣры. Изъ Воздвиженскаго она со всѣми окружавшими ее боярами и съ находившейся при ней царской семьей переѣхала въ Троице-Сергіевскій монастырь, представлявшій собою сильную крѣпость, и разослала указы, призывавшіе туда же дворянскія ополченія изъ городовъ и уѣздовъ. Извѣстіе о сборѣ къ правительницѣ этихъ ополченій охладило пылъ стрѣльцовъ. Они смирились и черезъ посредство патріарха обратились къ Софьѣ съ просьбой о прощеніи. Нѣсколько человѣкъ изъ нихъ все же было казнено. Остальные получили прощеніе, но подъ условіемъ клятвеннаго обѣщанія впредь непрекословно повиноваться правительству. Давъ такое обѣщаніе, стрѣльцы сами просили уничтожить столбъ, поставленный на Красной площади въ память майскихъ событій, и онъ, дѣйствительно, былъ снесенъ. Новымъ начальникомъ Стрѣлецкаго приказа Софья назначила думскаго дьяка Шакловитаго. Человѣкъ незнатнаго происхожденія, всецѣло обязанный своимъ возвышеніемъ Софьѣ, онъ былъ вполнѣ преданъ ей и вмѣстѣ съ тѣмъ сумѣлъ возстановить дисциплину въ стрѣлецкихъ полкахъ.

Послѣ состоявшагося такимъ образомъ усмиренія стрѣльцовъ Софья могла уже считать свое положеніе правительницы достаточно упрочившимся. Главнымъ своимъ помощникомъ она сдѣлала своего любимца кн. В. В. Голицына, который и сталъ въ сущности фактическимъ главою ея правительства, направляя не только внѣшнюю политику, находившуюся въ его вѣдѣніи по занятой имъ должности начальника Посольскаго приказа, но и политику внутреннюю. Въ этой послѣдней области въ значительной степени благодаря ему въ правленіе Софьи еще сильнѣе, чѣмъ въ царствованіе Федора, въ Москвѣ стало сказываться западное, и въ частности польское, вліяніе, проникавшее въ нее частью черезъ южно-русскихъ монаховъ, воспитанниковъ кіевской академіи, частью

непосредственно. Правда, что вліяніе проявлялось не столько въ средѣ государственнаго строительства, гдѣ оно приводило лишь къ созданію остававшихся неосуществленными проектовъ, сколько въ порядкахъ частной жизни. По словамъ одного изъ современниковъ этой эпохи, въ годы правленія Софьи благодаря вниманію, оказывавшемуся правительствомъ иностранцамъ, въ высшихъ слояхъ московскаго общества появилась мода устраивать внѣшнюю обстановку своей жизни „съ манеру польскаго“. Не всегда притомъ дѣло ограничивалось одною внѣшностью, подчасъ польское вліяніе шло и много дальше. Иногда оно проникало даже, благодаря южно-русскимъ своимъ проводникамъ, въ сферу церковной жизни. Характернымъ примѣромъ этого явился завязавшійся въ данные годы въ Москвѣ оживленный споръ о времени пресущественія св. даровъ при служеніи литургіи. Тогда какъ патріархъ Іоакимъ и съ нимъ большинство московскихъ іерарховъ, слѣдуя мнѣнію грековъ, утверждали, что пресущественіе происходитъ во время молитвы священника призывающаго св. Духа, одинъ изъ московскихъ учениковъ Симеона Полоцкаго, Сильвестръ Медвѣдевъ, развивая взгляды своего къ этому времени уже покойнаго учителя, доказывалъ, что моментомъ пресущественія является провозглашеніе словъ Христа („примите, ядите“ и т. д.), и въ своемъ доказательствѣ пользовался аргументами западныхъ, католическихъ богослововъ. И, хотя ученіе Медвѣдева встрѣтило самыя рѣшительныя возраженія со стороны и московскаго патріарха, и находившихся тогда въ Москвѣ греческихъ ученыхъ, усмотрѣвшихъ въ данномъ взглядѣ латинскую ересь, Медвѣдевъ все же могъ, благодаря покровительству Голицына и Софьи, и устно, и печатно отстаивать свое мнѣніе.

Въ той части общества, которая, и принявъ церковную реформу Никона, по существу оставалась при старыхъ узконаціоналистическихъ взглядахъ, эта терпимость правительства по отношенію къ западному вліянію и покровительство, оказываемое его проводникамъ, вызывали большое недовольство и оно нашло себѣ выраженіе въ попыткѣ консервативно-настроенныхъ круговъ московскаго духовенства поставить преграду на путяхъ распространенія такого вліянія. Въ правленіе Софьи былъ осуществленъ возникшій при Федорѣ проектъ основанія въ Москвѣ высшей школы — академіи, на созданіи которой въ свое время настаивалъ предъ Федоромъ, между прочимъ, тотъ же Сильвестръ Медвѣдевъ. Но въ томъ видѣ въ какомъ была создана эта академія, она предназначена была служить не только цѣлямъ образованія. Въ ея уставѣ былъ включенъ параграфъ, согласно которому кіевскіе ученые не могли быть преподавателями въ ней. Преподаваніе предполагалось поручить грекамъ, снабженнымъ ручательствомъ отъ константинопольскаго патріарха, но и они должны были пред-

варительно подвергаться въ Москвѣ испытанію въ вѣрѣ. Огражденная такимъ образомъ отъ проникновенія въ ея составъ лицъ, заподозрѣнныхъ въ какомъ-либо подчиненіи западнымъ вліяніямъ, академія въ своей дѣятельности должна была явиться не только высшей школой, но и учрежденіемъ, надѣленнымъ правомъ и обязанностью слѣдить за чистотой правовѣрія въ государствѣ и карать отклоненія отъ этого правовѣрія. Впредь безъ разрѣшенія академіи никто не долженъ былъ держать у себя домашнихъ учителей какъ древнихъ, такъ и новыхъ иностранныхъ языковъ. Ея разрѣшеніе нужно было и для тѣхъ иностранныхъ учителей „свободныхъ наукъ“, которые желали жить въ Московскомъ государствѣ и поступать въ немъ на правительственную службу. Подлежали надзору академіи и иновѣрцы, принявшіе православіе, причемъ за колебаніе въ новой ихъ вѣрѣ имъ угрожала ссылка, а за возвращеніе къ старой сожженіе. Сожженіемъ должны были наказываться и тѣ изъ русскихъ людей, которые оказались бы виновными въ храненіи запрещенныхъ церковью книгъ, въ порицаніи православной вѣры или въ отказѣ отъ нея и въ переходѣ въ другую религію. Во избѣжаніе же всякаго смущенія православныхъ въ вѣрѣ всѣмъ, не прошедшимъ курса въ академіи, воспрещалось подъ страхомъ кары имѣть у себя иностранныя книги, посвященныя вопросамъ религіи, и вступать въ споры по этимъ вопросамъ. Задачей академіи такимъ образомъ ставилось огражденіе православнаго населенія Московскаго государства по возможности отъ всякаго соприкосновенія съ вліяніями, шедшими съ иновѣрнаго Запада.

Спроектированная въ такомъ видѣ академія была открыта въ 1687 г. и первыми преподавателями въ ней, согласно намѣченному для нея плану, были назначены рекомендованные константинопольскимъ патріархомъ и втеченіе уже нѣсколькихъ лѣтъ жившіе въ Москвѣ ученые греки, братья Іоанникій и Софроній Лихуды. Сами они получили образованіе въ Венеціи и Падуѣ. Свое собственное преподаваніе въ московской академіи они, естественно, повели болѣе или менѣе по образцу соотвѣтственныхъ западныхъ школъ, тѣмъ болѣе, что никакого другого образца передъ ними и не было. Своихъ учениковъ они обучали при этомъ не только греческому, но и латинскому языку. Въ результатъ они уже очень скоро навлекли на себя неудовольствіе тѣхъ консервативныхъ круговъ, которые рассчитывали, что руководимая греками академія совершенно отвлечетъ своихъ русскихъ питомцевъ отъ западной, „латинской“ учености, какую приносили съ собою въ Москву южно-руссы и поляки и которая отдавала католичествомъ. Но, не удовлетворивъ этихъ надеждъ, академія вмѣстѣ съ тѣмъ своею организаціей и поставленными передъ нею задачами очень мало гармонировала и съ стремленіемъ Голицына возможно болѣе сблизить Московское государство съ

западными странами. Тѣмъ не менѣе Голицынъ не воспротивился этой организаціи, не считая, очевидно, возможнымъ идти на слишкомъ крутой разрывъ съ консервативными кругами и довольствуясь поэтому политикой полумѣръ.

Главнымъ поприщемъ его дѣятельности была однако не внутренняя, а внѣшняя политика. Въ этой области ему удалось добиться извѣстныхъ успѣховъ. Въ 1689 г. онъ заключилъ договоръ съ Китаемъ. По этому договору граница между русскими и китайскими владѣніями установилась по р. Амуру и такимъ образомъ за Россіей закрѣпились громадныя земельныя пространства. Правда, для того времени это не имѣло особенно серьезнаго значенія, такъ какъ русскія поселенія въ пріамурскихъ мѣстностяхъ были тогда еще очень немногочисленны и незначительны по своей населенности. Важнѣе были отношенія на западѣ, въ свою очередь сопровождавшіяся извѣстнымъ успѣхомъ. Воспользовавшись желаніемъ польскаго короля Яна Собѣскаго пріобрѣсти помощь Россіи въ войнѣ съ Турціей, Голицынъ добился въ 1686 г. заключенія „вѣчнаго мира“ съ Польшей, по которому она окончательно и навсегда уступила Московскому государству пріобрѣтенія, сдѣланныя имъ по Андрусовскому перемирію 1667 г. Въ обмѣнъ за эту уступку Голицынъ согласился ввести Московское государство въ образовавшуюся противъ Турціи коалицію изъ Польши, Австріи и Венеціи и путемъ нападенія на Крымъ помѣшать крымскимъ татарамъ оказывать помощь туркамъ, прямую борьбу съ которыми брали на себя остальные союзники. Въ 1687 г. московское войско, соединившись съ находившимся подъ начальствомъ гетмана Ивана Самойловича малорусскими казацкими полками, и выступило, дѣйствительно, въ походъ на Крымъ, причемъ главное командованіе всѣмъ войскомъ принялъ на себя самъ Голицынъ.

Успѣхъ этого похода, обѣщая славу Голицыну, тѣмъ самымъ долженъ былъ, по его расчетамъ, укрѣпить положеніе Софьи, становившееся менѣе прочнымъ по мѣрѣ того, какъ подрасталъ отстраненный ею отъ власти Петръ. Но при всѣхъ другихъ своихъ качествахъ Голицынъ не обладалъ талантами полководца и расчеты его оказались неудачными. Между московскими владѣніями и Крымскимъ полуостровомъ лежала широкая и почти безводная степь. Самойловичъ, указывая на это Голицыну, совѣтовалъ начать походъ ранней весной, когда степь еще не успѣетъ высохнуть. Однако его совѣтъ не былъ достаточно оцѣненъ. Московское войско собиралось и шло крайне медленно и подошло къ степи, когда начавшіеся уже лѣтнія жары дѣлали походъ по ней чрезвычайно изнурительнымъ. Вдобавокъ татары подожгли успѣвшую высохнуть степную траву, степь выгорѣла и истомленные уже жаждой, а теперъ и лишившіяся корма лошади начали падать въ такомъ количествѣ, что войско рисковало остаться

совсѣмъ безъ лошадей. Въ результатѣ Голицынъ, не дойдя 200 километровъ до Перекопа и почти не видавъ непріятеля, вынужденъ былъ повернуть обратно. Недовольная своимъ гетманомъ малорусская козацкая старшина воспользовалась этимъ, чтобы обвинить его передъ Голицынымъ въ измѣнѣ и въ поджогѣ степи. Обвиненіе было явно нелѣпымъ, но для Голицына оно было выгоднымъ, давая ему возможность свалить съ себя вину въ неудачѣ похода. Съ разрѣшенія Софьи Самойловичъ былъ лишенъ гетманскаго сана и затѣмъ сосланъ въ Сибирь, а на его мѣсто козацкою старшиною былъ избранъ, а Голицынымъ отъ имени царскаго правительства утвержденъ Иванъ Мазепа. Софья со своей стороны готова была не признавать самой неудачи похода и считать Голицына побѣдителемъ. Но неудача была слишкомъ очевидна, чтобы ее можно было скрыть. Голицынъ попытался по крайней мѣрѣ заглавить ее. Два года спустя, въ 1689 г., онъ предпринялъ новый походъ, начавъ его на этотъ разъ нѣсколько раньше. Но и въ этотъ разъ московская армія, обремененная своимъ громаднымъ обозомъ, двигалась очень медленно, терпя на пути большія лишенія, и Голицынъ довелъ ее до Перекопа въ такомъ изнуренномъ видѣ, что не рѣшился пробиваться въ Крымъ. Не вступая въ рѣшительную битву съ встрѣтившимъ его ханомъ, онъ предпочелъ заключить съ нимъ миръ, не внесшій никакихъ серьезныхъ перемѣнъ въ существовавшія раньше отношенія. Софья приняла этотъ результатъ похода, какъ блестящую побѣду, и осыпала участвовавшихъ въ немъ воеводъ, и въ первую голову Голицына, щедрыми наградами. Иначе однако смотрѣло на дѣло большинство московскаго общества. Голицына винили въ неумѣнѣ, въ напрасной тратѣ средствъ и людей и его крымскіе походы не усилили, а ослабили популярность правительства Софьи. А между тѣмъ у послѣдняго имѣлся соперникъ, успѣвшій уже (вырости изъ ребенка въ юношу, и поведеніе этого юноши ясно показывало, какъ онъ относится къ дѣйствіямъ правительницы и близкихъ къ ней людей. Когда награжденные Софьей воеводы захотѣли представиться царямъ, чтобы принести имъ свою благодарность, Петръ отказался принять ихъ.

Дѣтство и юность Петра. Къ этому времени Петру исполнилось 17 лѣтъ и его характеръ въ значительной степени опредѣлился. Большую роль въ этомъ сыграли впечатлѣнія дѣтства, прошедшаго въ необычныхъ условіяхъ,

Петру не было и четырехъ лѣтъ, когда онъ лишился отца и въ кремлевскомъ дворцѣ началась ожесточенная борьба придворныхъ партій, оспаривавшихъ власть одна у другой. На первыхъ порахъ эта борьба не измѣнила его положенія. Воцарившійся по смерти ц. Алексѣя Федоръ относился къ своему младшему брату хорошо и, въ частности, когда Петру минуло пять лѣтъ, позаботился объ его начальномъ обученіи.

Поведено оно было по установившемуся для московскихъ царевичей порядку. Учителемъ Петру былъ данъ проэкзаменованный самимъ царемъ и одобренный его бывшимъ наставникомъ, Симеономъ Полоцкимъ, подъячій одного изъ московскихъ приказовъ, Никита Зотовъ. Ознакомивъ Петра съ азбукой, учитель этотъ затѣмъ заставлялъ его послѣдовательно читать и заучивать Часословъ, Псалтырь, Евангеліе и Апостольскія Дѣянія и обучалъ письму. Читать Петръ научился легко и скоро, церковную службу зналъ и понималъ хорошо, но письмо, по винѣ ли учителя или по отсутствію терпѣнія у ученика, давалось ему плохо и, ставъ даже взрослымъ человекомъ, онъ писалъ съ крупными орфографическими ошибками. Къ урокамъ грамоты Зотовъ для развитія своего ученика по собственной инициативѣ присоединилъ и своего рода наглядное обученіе, разглядывая вмѣстѣ съ Петромъ имѣвшіяся во дворцѣ различнаго рода картины иноземнаго происхожденія и рисунки въ рукописяхъ русскихъ лѣтописей и сопровождая такое разглядываніе соотвѣтственными поясненіями, въ частности разказами о русскомъ прошломъ. Но едва успѣлъ Петръ достигнуть десятилѣтняго возраста, какъ въ обстановкѣ его жизни произошла коренная перемѣна, а вмѣстѣ съ тѣмъ оборвалось и его ученіе.

Уже довольно скоро послѣ воцаренія Федора положеніе въ его дворцѣ царицы Натальи съ ея сыномъ сильно измѣнилось къ худшему, такъ какъ Милославскимъ удалось отдалить ее отъ молодого и слабаго царя. А потомъ наступилъ рядъ событій, быстро смѣнявшихъ одно другое, — смерть Федора, кратковременный переходъ власти къ матери Петра, провозглашеннаго царемъ, и разразившійся вслѣдъ за этимъ стрѣлецкій бунтъ, въ результатъ котораго къ Петру въ качествѣ царя былъ присоединенъ его братъ Иванъ, а власть правительницы была передана Софьѣ. Во время этого бунта десятилѣтнему Петру пришлось быть свидѣтелемъ того, какъ мятежные стрѣльцы убили родныхъ его матери и близкихъ къ ней лицъ, и впечатлѣнія этихъ сценъ надолго, если не навсегда, остались въ его душѣ. Не меньшее значеніе получило для него измѣненіе условій его собственной жизни. Торжество Софьи заставило царицу Наталью окончательно покинуть кремлевскій дворецъ и поселиться съ сыномъ въ подмосковномъ селѣ Преображенскомъ, бывшемъ однимъ изъ „потѣшныхъ“, т. е. служившихъ для царскаго отдыха, дворцовыхъ селъ. Существованіе ея здѣсь было не легкимъ. Жила она, по словамъ освѣдомленнаго современника, „тѣмъ, что давано было отъ рукъ царевны Софьи“. Но Софья, не терпѣвшая своей мачехи, давала ей немного и ей приходилось для содержанія себя и своего немногочисленнаго двора искать помощи на сторонѣ. Таковую помощь она нашла у нѣкоторыхъ консервативно настроенныхъ церковныхъ іерарховъ, косо смотрѣвшихъ на ув-

лечение Софьи и ея любимца Голицына иноземными порядками и обычаями и отдававшихъ поэтому свои симпатіи вдовствующей царицѣ. Патріархъ Іоакимъ, власти Троице-Сергіевскаго монастыря, ростовскій митрополитъ тайкомъ снабжали ее деньгами, помогая ей пережить трудное время. Въ силу ли этихъ стѣснявшихъ ее и поглощавшихъ ея вниманіе условій существованія или же вслѣдствіе своей неспособности къ дѣлу воспитанія, но только мать Петра, переселившись на жительство въ Преображенское, не заботилась о дальнѣйшемъ образованіи сына. Не позаботился объ этомъ и официальный воспитатель его, кн. Борисъ Голицынъ, двоюродный братъ В. В. Голицына, человекъ умный и образованный, но страдавшій чрезмѣрной любовью къ вину, позволявшей другимъ боярамъ при ссорѣ съ нимъ говорить, что онъ „весь виномъ налитъ“. Это не мѣшало ему бережно охранять своего питомца отъ возможныхъ происковъ со стороны Софьи, но тѣмъ и ограничивались его воспитательскія заботы. Выброшенный изъ кремлевскаго дворца и тѣмъ самымъ избавленный отъ стѣснительныхъ узъ царившаго въ немъ чопорнаго и сложнаго этикета, Петръ одновременно оказался такимъ образомъ освобожденнымъ и отъ продолженія учебныхъ занятій.

Предоставленный самому себѣ, живой, здоровый и не полѣтамъ сильный и бойкій мальчикъ наполнилъ свое время игрой. Играть онъ сталъ въ то, во что играли и играютъ многіе мальчики его возраста и о чемъ онъ долженъ былъ слышать немало разговоровъ среди окружавшихъ его взрослыхъ, — въ солдатъ и войну. Но его положеніе позволило ему придать этой игрѣ широкій размахъ. Изъ своихъ сверстниковъ, дѣтей придворныхъ служащихъ, и изъ охотниковъ со стороны онъ набралъ себѣ большую компанію участниковъ игры, вооружилъ ихъ вытребованнымъ изъ кремлевскихъ кладовыхъ оружіемъ и принялся учить ихъ и учиться вмѣстѣ съ ними самъ военному строю. Среди этихъ „потѣшныхъ“ солдатъ, какъ стали называть ихъ отъ селъ Преображенскаго и близкаго къ нему Семеновскаго, въ которыхъ главнымъ образомъ происходила эта игра, были сыновья нѣкоторыхъ знатныхъ бояръ, но наряду съ ними были также и значительно превышали ихъ числомъ дѣти мелкихъ дворянъ и лицъ еще болѣе низкаго общественнаго положенія вплоть до холоповъ. Эту собранную имъ пеструю толпу участниковъ игры Петръ, вѣроятно, благодаря опять-таки ведшимся вокругъ него бесѣдамъ взрослыхъ людей, сталъ обучать не старому московскому военному строю, а тому новому порядку регулярной военной службы, который въ это время Московское государство старалось перенять съ запада.

Скоро выяснилось однако, что для такой постановки игры нужны были люди и знанія, какихъ нельзя было найти въ русской средѣ. Началось съ того, что вздвигшій посломъ ви

Францію кн. Я. Долгорукій привезъ Петру въ подарокъ астролябію, но не могъ объяснить, какъ пользоваться этимъ инструментомъ. Не зналъ этого и никто другой въ окруженіи Петра. Человѣка, способнаго дать объясненіе, въ концѣ концовъ нашли въ Нѣмецкой слободѣ въ лицѣ голландца Тиммермана и Петръ сейчасъ же сталъ брать у него уроки ариѳметики и геометріи, а затѣмъ артиллеріи и фортификаціи, дѣлая изъ пріобрѣтаемыхъ знаній немедленное практическое употребленіе въ своей игрѣ. Въ связи съ этимъ послѣдняя постепенно расширялась и пріобрѣтала все болѣе серьезный характеръ. Къ тому же съ ростомъ Петра подростали и его потѣшныя, а въ то же время путемъ вступленія въ ихъ ряды новыхъ людей все увеличивалось и ихъ число, дошедшее наконецъ до внушительной цифры въ нѣсколько сотъ человѣкъ. Одѣтые въ специально придуманную для нихъ форму, снабженные не только ружьями, но и пушками, эти потѣшныя несли непрерывную службу, продолжали частыя ученія, совершали короткіе походы и производили маневры, учились строить крѣпостныя сооруженія, а равно осаждаютъ ихъ и брать приступомъ, и во всемъ этомъ Петръ принималъ непосредственное участіе, самъ практически знакомясь со всякимъ дѣломъ, какого онъ требовалъ отъ своихъ потѣшныхъ. Наряду съ увлеченіемъ этими военными упражненіями у него скоро появилось и другое, не менѣе сильное увлеченіе. Въ одномъ изъ подмосковныхъ имѣній онъ нашелъ старый англійскій ботъ, узналъ, что на немъ можно было плавать подъ парусами и по вѣтру, и противъ вѣтра, и при помощи Тиммермана разыскалъ — опять-таки въ Нѣмецкой слободѣ — другого голландца, который научилъ его искусству плаванія подъ парусами. Первоначально онъ производилъ опыты такого плаванія на р. Яузѣ, но такъ какъ она оказалась для нихъ черезчуръ узка и около Москвы вообще не было широкихъ водныхъ пространствъ, то онъ вскорѣ перенесъ свои опыты на большое Переяславское озеро, находившееся приблизительно въ 100 километрахъ отъ Москвы. Этотъ новый спортъ настолько захватилъ и увлекъ его, что онъ причаялся съ помощью найденныхъ въ Нѣмецкой слободѣ голландскихъ мастеровъ строить на Переяславскомъ озерѣ новыя суда. И въ этой постройкѣ онъ опять-таки принялъ дѣятельное участіе, не только наблюдая за нею, но и работая самъ и въ процессѣ работы пріобрѣтая новыя знанія.

Такъ отъ игры и спорта Петръ вновь пришелъ къ ученю. Но это ученье сильно отличалось отъ того, какое проходили въ свое время старшіе сыновья ц. Алексѣя. Тогда какъ они послѣ обученія грамотѣ изучали подъ руководствомъ представленнаго къ нимъ отцомъ ученаго западно-русскаго монаха грамматику, реторику, піитику и богословіе и учились польскому и латинскому языкамъ, Петръ нашелъ себѣ учителей среди мастеровыхъ Нѣмецкой слободы и чрезъ ихъ посред-

ство знакомился съ точными науками, усваивая изъ нихъ по преимуществу прикладныя знанія, овладѣвая на практикѣ рядомъ ремеслъ и попутно обогащая свой словарь голландскими и нѣмецкими словами. Въ его жизни при этомъ какъ бы повторился въ маломъ масштабѣ процессъ, переживавшійся частью московскаго общества того времени. Стремленіе перенять западно-европейскіе военные порядки приводило къ попыткамъ ознакомленія съ техническими знаніями Запада, а то и другое вмѣстѣ влекло за собою сближеніе съ иноземцами и главнымъ образомъ съ тѣми изъ нихъ, которые являлись носителями этихъ знаній. У Петра при создавшемся уже у него отчужденіи отъ старо-московскихъ порядковъ жизни такое сближеніе произошло особенно быстро. Нѣмецкая слобода, откуда онъ получалъ своихъ новыхъ учителей, находилась почти рядомъ съ с. Преображенскимъ, въ которомъ онъ жилъ, и у него естественно зародилось желаніе самому побывать въ ней. Уступая этому его желанію, его воспитатель, кн. Борисъ Голицынъ, ввелъ его въ слободу и Петръ скоро сталъ въ ней частымъ гостемъ. Здѣсь, въ обществѣ населявшихъ его голландскихъ, англійскихъ и нѣмецкихъ купцовъ и моряковъ, состоявшихъ на московской службѣ офицеровъ и разнаго рода мастеровыхъ, онъ узнавалъ немало новаго и интереснаго для него, а вмѣстѣ съ тѣмъ научился и новымъ разлеченіямъ. Привыкнувъ бывать въ слободѣ, онъ началъ посѣщать и устраивавшіяся въ ней вечеринки, учился на нихъ танцевать и участвовалъ въ сопровождавшихъ эти вечеринки пирушкахъ. Нашелъ онъ себѣ здѣсь и новаго наставника въ лицѣ бывалаго швейцарца Лефорта, который своими рассказами о Западной Европѣ и своимъ мастерствомъ въ устройствѣ различныхъ увеселеній сумѣлъ привязать его къ себѣ и, не смотря на то, что былъ годами двадцатью старше Петра, на нѣсколько лѣтъ, вплоть до своей смерти, сталъ близкимъ его другомъ.

Непринужденность и простота нравовъ, существовавшихъ въ этомъ обществѣ Нѣмецкой слободы, соотвѣтствовали сложившимся уже ранѣе у Петра демократическимъ привычкамъ и съ своей стороны еще болѣе укрѣпляли въ немъ эти привычки, тѣмъ самымъ содѣйствуя все болѣе глубокому разрыву его съ традиціями московскаго дворца и съ освященными обычаемъ порядками жизни московскаго общества. Но, порывая съ этими традиціями и порядками, накладывавшими крайне стѣснительныя подчасъ узы на индивидуальную волю, Петръ отъ того новаго общества, въ какое онъ попалъ, не получалъ никакихъ новыхъ моральныхъ сдержекъ. Оттѣсненный отъ власти надъ государствомъ и вынужденный даже по мѣрѣ того, какъ онъ началъ больше сознавать свое положеніе, опасаться за собственную участь, онъ въ томъ окруженіи, какое онъ себѣ создалъ, все же являлся полнымъ властелиномъ, при-

выкая не знать границъ своей волѣ и думать, что такихъ границъ и не должно существовать.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, выросши въ этомъ окруженіи изъ мальчика въ юношу, Петръ по своему духовному складу былъ далекъ и отъ Софьи и ея друга В. В. Голицына съ ихъ наполовину богословской образованностью и широкими, но неясными и оставшимися больше въ теоріи реформаторскими планами, и отъ своей матери съ тяготѣвшими къ ней консервативными кругами московскаго духовенства и боярства. Его время и вниманіе были всецѣло заняты его собственными интересами и развлеченіями. Мать находила однако, что наступило время остепенить его, и съ этой цѣлью въ началѣ 1689 года, когда Петру не минуло еще и 17 лѣтъ, устроила его бракъ съ дѣвушкой изъ старой дворянской семьи, Евдокіей Лопухиной. Но найденная матерью жена, воспитанная въ старыхъ московскихъ понятіяхъ и обычаяхъ, не успѣла привязать къ себѣ Петра. Едва прошелъ мѣсяцъ послѣ ихъ свадьбы, какъ онъ уже уѣхалъ отъ жены къ своимъ кораблямъ на Переяславское озеро. Долго пробыть на послѣднемъ ему, впрочемъ, не пришлось, такъ какъ мать скоро вызвала его обратно — на этотъ разъ для борьбы съ Софьей.

Переворотъ 1689 г. Къ этому времени отношенія между Петромъ и его матерью, съ одной стороны, и царевной Софьей, съ другой, приняли, дѣйствительно, крайне напряженный характеръ. Пока Петръ былъ мальчикомъ, Софья не обращала большого вниманія ни на него, ни на его окруженіе. Увлеченный своими играми, онъ, казалось, не представлялъ собою большой опасности и Софья и близкіе къ ней люди готовы были со своей стороны содѣйствовать этимъ играмъ, доставляя нужные для нихъ предметы, въ частности вооруженіе для Петровскихъ потѣшныхъ, изъ кремлевскихъ кладовыхъ. Но время шло, потѣшные подростали, постепенно обращаясь въ настоящихъ солдатъ, число ихъ увеличивалось и вокругъ Петра незамѣтно сложилась преданная ему вооруженная сила, готовая встать на его защиту. Подросталъ и самъ Петръ и близилось время, когда регентство Софьи должно было утратить свой смыслъ. Между тѣмъ Софья вовсе не хотѣла разстаться съ властью. Желая закрѣпить ее за собою, она подумывала даже о томъ, чтобы вѣнчаться на царство, и, не считывая получить на этотъ шагъ согласіе патріарха Іоакима, попыталась было помимо него испросить у вселенскихъ патріарховъ благословенную грамоту, которая дала бы ей право носить царскую корону, но и эта попытка встрѣтила противодѣйствіе узнавшаго объ ней Іоакима.

Все же Софья рѣшилась, по крайней мѣрѣ, именовать себя въ официальныхъ актахъ наравнѣ съ своими братьями „самодержицей“. Однако это присвоеніе ею себѣ царскаго титула вызвало явное недовольство не только среди Нарыш-

киныхъ и близкихъ къ нимъ людей, но и въ болѣе широкихъ общественныхъ кругахъ, и Софья пришлось убѣдиться, что при дальнѣйшемъ слѣдованіи по этому пути она не можетъ надѣяться на сочувствіе этихъ круговъ. Къ тому же совпавшая съ этимъ моментомъ неудача крымскихъ походовъ Голицына ослабила популярность правительницы среди служилаго класса и позволила ей противникамъ поднять головы. Въ этихъ условіяхъ Софья оставалось рассчитывать только на приведшихъ ее къ власти стрѣльцовъ и она всячески старалась возбудить ихъ противъ Петра, чтобы найти себѣ въ нихъ опору въ случаѣ возможныхъ притязаній на власть со стороны Петра и его приверженцевъ. Главнымъ помощникомъ ея въ этихъ стараніяхъ былъ назначенный ею еще въ 1682 г. начальникъ Стрѣлецкаго приказа Шакловитый. Всецѣло обязанный своимъ возвышеніемъ Софья, онъ рисковалъ все потерять съ ея паденіемъ и готовъ былъ поэтому идти очень далеко, чтобы сохранить власть за нею. Открыто выражая сожалѣніе о томъ, что царица Наталья и ея сынъ не погибли въ бунтъ 1682 г., онъ пугалъ стрѣльцовъ враждою къ нимъ Петра и силился внушить имъ мысль о необходимости прибѣгнуть къ самымъ крайнимъ мѣрамъ, лишь бы не допустить перехода власти въ руки Петра. Но если часть стрѣльцовъ поддавалась этимъ внушеніямъ, то другая останавливалась передъ перспективой рѣшительнаго устраненія отъ власти законнаго царя. Къ тому же многіе изъ нихъ хорошо помнили опытъ 1682 г., когда имъ въ концѣ концовъ пришлось отступить передъ правительствомъ, нашедшимъ для себя иную, болѣе серьезную опору.

Все это не оставалось тайной для царицы Натальи и ея окруженія и какъ она сама, такъ и ея родные и близкіе къ ней люди съ своей стороны старательно внушали Петру, что теперь, когда онъ достигъ совершеннаго возраста, для него настала пора отобрать власть отъ незаконно захватившей ее сестры и указать послѣдней настоящее ея мѣсто. Эти внушенія произвели свое дѣйствіе и, начиная съ лѣта 1689 года, Петръ явно сталъ показывать Софья свое нежеланіе мириться дальше съ занятымъ ею положеніемъ. Когда этимъ лѣтомъ Софья вздумала принять участіе въ совершавшемся въ Москвѣ крестномъ ходѣ, чего женщины царской семьи обычно не дѣлали, Петръ потребовалъ немедленнаго ея удаленія и, встрѣтивъ съ ея стороны отказъ, самъ покинулъ крестный ходъ. Немного позже, когда награжденные Софьей за участіе въ крымскомъ походѣ воеводы захотѣли представиться царямъ, чтобы благодарить ихъ за полученные награды, Петръ отказался принять ихъ, тѣмъ самымъ давая понять, что его взглядъ на этотъ походъ рознится отъ взгляда правительницы. Напряженные отношенія, видимо, близились къ развязкѣ и она не замедлила наступить.

Въ одну изъ первыхъ августовскихъ ночей въ Преображенское явилось нѣсколько стрѣльцовъ, сообщившихъ Петру, будто ихъ товарищи большимъ собраніемъ идутъ на него изъ Москвы, собираясь предать смерти его и его мать. Сообщение оказалось невѣрнымъ, но свое дѣйствіе оно произвело. Перепуганный Петръ прямо съ постели въ чемъ былъ скрылся въ сосѣдней рошѣ. Туда ему принесли одежду, привели лошадь и рано утромъ онъ съ немногими спутниками ускакалъ въ Троице-Сергіевскій монастырь. Туда же вслѣдъ за нимъ поспѣшно переѣхала и царица Наталья со своими родными и находившимися при ней боярами и дворянами, а вмѣстѣ съ тѣмъ туда были вызваны и потѣшные. Вѣсть объ этомъ вызвала въ Москвѣ большое волненіе. Правительница и наиболѣе близкія къ ней лица на первыхъ порахъ пытались, правда, дѣлать видъ, что они не придають случившемуся никакого значенія. Но вскорѣ изъ Троицкаго монастыря, гдѣ веденіе дѣлъ взялъ въ свои руки кн. Борисъ Голицынъ, стали приходять отъ имени Петра одно за другимъ требованія, не оставляющія мѣста сомнѣніямъ насчетъ того, какой оборотъ принимали событія. Помимо Софьи, какъ будто ея власти уже не существовало, изъ монастыря потребовали присылки къ царю выборныхъ отъ всѣхъ стрѣлецкихъ полковъ. Софья запретила было такую посылку и поручила патріарху Іоакиму стать посредникомъ между нею и братомъ. Но патріархъ, уѣхавъ къ Петру, у него и остался, а стрѣльцы, когда обращенное къ нимъ требованье было повторено, подчинились ему, не считаясь уже съ запрещеніемъ Софьи. Она рѣшилась поѣхать къ мачехѣ и брату сама, но по дорогѣ ее встрѣтилъ посланный изъ монастыря, передавшій ей приказъ вернуться обратно и угрозу, что, если она все же пріѣдетъ въ монастырь, съ нею „нечестно поступлено будетъ“. Ей пришлось возвратиться въ Москву и видѣть, какъ одинъ за другимъ болѣе видныя должностныя лица уѣзжали къ Петру, спѣша выразить ему свою покорность. Попытки ея поднять на свою защиту стрѣльцовъ не имѣли успѣха. Стрѣльцы помнили, какую роль сыгралъ Троице-Сергіевскій монастырь въ 1682 г., и, когда отъ имени Петра пришло требованіе о выдачѣ ему Шакловитаго, вынудили Софью исполнить это требованіе. Послѣ жестокихъ пытокъ Шакловитый вмѣстѣ съ нѣсколькими наиболѣе преданными ему и Софьѣ стрѣльцами былъ казненъ. В. В. Голицынъ, добровольно явившійся въ Троице-Сергіевскій монастырь, не былъ допущенъ къ Петру, но заплатился легче: онъ былъ отправленъ въ ссылку на далекій сѣверъ, сперва въ Каргополь, потомъ въ Пинегу. Затѣмъ наступила очередь и Софьи. Петръ написалъ своему брату Ивану, что имъ, достигшимъ уже совершеннаго возраста, непристойно допускать помимо себя „владѣть государствомъ третьему зазорному лицу“, а немного погодя приказалъ Софьѣ уйти въ монастырь. Она не постриглась, но пе-

реѣхала на жительство въ московскій Новодѣвичій монастырь. Такъ окончилась ея опека надъ Петромъ и началось его самостоятельное царствованіе.

Царствованіе Петра В.

Первые годы послѣ сверженія Софьи (1689 — 1694). Переворотъ 1689 г. создалъ для Петра положеніе единственнаго обладателя верховной власти. Его старшій братъ Иванъ продолжалъ, правда, носить имя царя, однако по своему слабоумію не занимался и не могъ заниматься государственными дѣлами. Но и Петръ, избавившись отъ опеки сестры и заперевъ бывшую правительницу въ монастырь, на первыхъ порахъ не проявлялъ большого интереса къ дѣлу управленія государствомъ. Для этого онъ былъ еще слишкомъ молодъ и слишкомъ поглощенъ своей личной жизнью. Въ соотвѣтствіи съ этимъ и составъ создавшагося послѣ паденія Софьи правительства, и характеръ его дѣятельности сложились въ зависимости не столько отъ Петра, сколько отъ его матери. Сама царица Наталья, по словамъ одного изъ ея современниковъ, оставившаго записки объ этой эпохѣ, кн. Куракина, была женщина „ума малаго, править неспогодная“. Править дѣлами государства стали поэтому ея родственники и близкіе къ ней люди. Ея братъ Левъ Нарышкинъ, не отличавшійся ни образованіемъ, ни особымъ умомъ, замѣнилъ В. В. Голицына въ роли начальника Посольскаго приказа. Князь Борисъ Голицынъ получилъ въ свое управленіе приказъ, носившій названіе Казанскаго дворца и вѣдавшій все Поволжье. Третьимъ виднымъ дѣятелемъ этого времени явился находившійся въ свойствѣ съ царской семьей думный дякъ Тихонъ Стрѣшневъ, знатокъ приказныхъ дѣлъ и вмѣстѣ „придворный интриганъ“, по отзыву того же Куракина, Эти лица, самовластно распоряжаясь въ своихъ вѣдомствахъ и всецѣло подчинивъ себѣ боярскую душу, вели дѣла по рутинѣ и заботились главнымъ образомъ о своихъ личныхъ выгодахъ, въ результатѣ чего въ администраціи, какъ увѣряетъ тотъ же современникъ, установились „мздоимство великое и кража государственная.“ Идейнымъ же руководителемъ правительства сталъ имѣвшій большое вліяніе на царицу Наталью патриархъ Іоакимъ. Человѣкъ глубоко консервативный по всему складу своихъ мыслей, онъ являлся противникомъ всякихъ новшествъ и старался вернуть московскую жизнь въ то старое русло, изъ котораго стремились ее вывести Софья и В. В. Голицынъ. Получивъ съ ихъ паденіемъ возможность безпрепятственно проводить свои взгляды на практикѣ, онъ повелъ прямую борьбу съ вносившими въ Москву польское культурное вліяніе южно-русскими монахами и ихъ московскими учениками. Созванный имъ въ 1690 г. церковный соборъ призналъ ученіе

Сильвестра Медвѣдева о времени пресуществленія св. даровъ „латинскою ересью“ и вслѣдъ затѣмъ самъ Медвѣдевъ, передъ тѣмъ уже осужденный, какъ ревностный приверженецъ царевны Софьи, на ссылку, былъ въ качествѣ еретика казненъ. Въ свою очередь и греки Лихуды, руководившіе московской академіей, своимъ преподаваніемъ въ ней и, въ частности, тѣмъ, что они обучали своихъ учениковъ не только греческому, но и латинскому языку, навлекли на себя подозрѣнія Іоакима и настроенной одинаково съ нимъ части духовенства и въ концѣ концовъ въ 1694 г. вынуждены были покинуть академію. Это послѣднее случилось, правда, уже послѣ смерти Іоакима. Онъ умеръ въ 1690 г. и оставилъ завѣщаніе, въ которомъ увѣщевалъ молодого царя разрушить въ Москвѣ всѣ иновѣрческія церкви, удалить иноземцевъ со всѣхъ занимавшихся ими на государственной службѣ должностей и карать смертною казнью всякую попытку распространенія иноземцами ихъ вѣры и обычаевъ, а за русскими людьми строго наблюдать, чтобы они не перемѣняли своихъ обычаевъ на иноземные. Эти увѣщанія, шедшія вразрѣзъ со всѣми сложившимися уже привычками Петра, не могли, конечно, придтись ему по душѣ. Тѣмъ не менѣе онъ не принялъ и мѣръ къ тому, чтобы впредь отъ главы русской церкви не могли исходить подобныя увѣщанія. Онъ предложилъ было, правда, избрать на мѣсто умершаго Іоакима образованнаго епископа Маркела, но затѣмъ, уступая настояніямъ матери и большинства церковныхъ іерарховъ, согласился на выборъ Адріана, близкаго по своимъ воззрѣніямъ къ Іоакиму. Адріанъ и явился продолжателемъ завѣтовъ послѣдняго, стараясь въ свою очередь направлять правительственную политику въ культурныхъ вопросахъ на путь крайняго консерватизма, придававшего ей по сравненію съ временемъ правленія царевны Софьи реакціонный характеръ.

Что касалось самого Петра, то его жизнь въ эти годы развивалась въ совершенно иномъ направленіи. Своимъ новымъ положеніемъ, созданнымъ переворотомъ 1689 г., онъ воспользовался прежде всего для того, чтобы придать болѣе широкой размахъ прежнимъ своимъ занятіямъ и развлеченіямъ. Изъ потѣшныхъ были теперь образованы два регулярныхъ полка, игравшихъ роль царской гвардіи и названныхъ по селамъ, въ которыхъ они были размѣщены, Преображенскимъ и Семеновскимъ. Главнымъ начальникомъ ихъ былъ назначенъ русскій, Автамонъ Головинъ, но почти всѣ остальные высшія офицерскія должности въ нихъ Петръ замѣстилъ иностранцами. Самъ онъ состоялъ въ рядахъ Преображенскаго полка, продолжая на личномъ опытѣ знакомиться съ различными видами солдатской службы. Службу эту оба полка несли непрерывно и Петръ почти каждый годъ устраивалъ съ ними большіе маневры, привлекая теперь къ участию въ нихъ и от-

ряды служилой арміи. Широкий характеръ получилъ и увлеченіе Петра воднымъ плаваніемъ и корабельнымъ строительствомъ. Въ 1692 г. онъ еще продолжалъ строить суда на Переяславскомъ озерѣ, но уже въ слѣдующемъ году предпринялъ поѣздку въ Архангельскъ, куда его влекли рассказы находившихся въ Москвѣ голландскихъ моряковъ. Впервые увидѣнное имъ море совсѣмъ захватило его, онъ принялся строить въ Архангельскѣ корабль и матери стоило большого труда вызвать его обратно въ Москву. Но въ началѣ 1694 года царица Наталья умерла и Петръ, проведя все лѣто этого года въ Архангельскѣ, совершилъ изъ него поѣздку на Соловецкіе острова, утвердился въ мысли создать флотъ на Бѣломъ морѣ и началъ съ помощью голландскихъ матросовъ постройку перваго большого корабля для этого будущаго флота. Вмѣстѣ съ тѣмъ однако онъ не покидалъ и своихъ занятій военнымъ дѣломъ на сушѣ. Въ томъ же 1694 голу онъ устроилъ около Москвы у деревни Кожухово маневры, въ которыхъ, если вѣрить рассказывающему о нихъ современнику, участвовало до 30,000 человекъ и около 50 человекъ поплатилось жизнью. Нѣкоторые современники усматривали даже въ этихъ маневрахъ прямую подготовку къ войнѣ. Но самъ Петръ въ послѣдствіи откровенно заявилъ, что у него въ это время, кромѣ игры, ничего на умѣ не было. Эти занятія и игры, все больше начинавшія походить на серьезное дѣло и требовавшія отъ своихъ участниковъ большой работы, въ то же время все болѣе сближали Петра съ обитателями Нѣмецкой слободы, среди которыхъ онъ находилъ себѣ помощниковъ и учителей. Все чаще бывая въ Нѣмецкой слободѣ, онъ все больше перенималъ иноземные обычаи и вмѣстѣ съ тѣмъ привыкалъ искать себѣ отдыха отъ напряженной и тяжелой работы въ шумныхъ и продолжительныхъ попойкахъ и въ развлеченіяхъ, принимавшихъ порою грубый и непристойный характеръ. Такъ, онъ создалъ около себя „всешутѣйшій соборъ“, члены котораго съ шутовскими пріемами, пародировавшими церковные обряды, приносили присягу ни одного дня не оставаться трезвыми, и председателемъ этого собора съ титуломъ „князя-папы“ поставилъ бывшаго своего учителя, Никиту Зотова. Но всѣ такого рода развлеченія не мѣшали Петру много и усердно работать и жадно воспринимать всѣ техническія знанія, какія могла ему дать Нѣмецкая слобода.

Азовскіе походы и ихъ результатъ. Въ общеніи съ обитателями Нѣмецкой слободы, повидимому, зародилась у Петра и мысль перейти отъ военныхъ игръ къ настоящей войнѣ. По крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ его современниковъ русскихъ и инносранныхъ, согласно утверждали, что никто иной, какъ Лефортъ, внушилъ ему желаніе прославиться посредствомъ войны. Такъ ли это было въ дѣйствительности,

трудно сказать съ увѣренностью, но какимъ бы путемъ ни пришла Петру эта мысль, разъ она у него явилась, противникъ намѣчался для него самъ собою. Послѣ походовъ Голицына на Крымъ и мира, заключеннаго въ 1689 г. съ крымскимъ ханомъ, Московское государство перестало принимать активное участіе въ дѣйствіяхъ противотурецкой коалиціи. Но коалиція продолжала существовать и другіе ея члены вели еще съ Турціей войну, хотя вели ее уже сравнительно вяло и начинали подумывать о заключеніи мира. Петру естественно было выбрать для нападенія того изъ противниковъ Московскаго государства, который въ данное время находился въ наиболѣе трудномъ положеніи, и онъ рѣшился возобновить борьбу съ Турціей. Но, учитывая опытъ Голицына, онъ рѣшился направить свой ударъ не на трудно доступный Крымъ, а на турецкія владѣнія на сѣверныхъ берегахъ Чернаго и Азовскаго морей. Весною 1695 года двинуты были въ походъ двѣ арміи. Одной изъ нихъ, въ составъ которой были включены дворянскіе полки стараго строя и бѣльшая часть малороссійскихъ казаковъ, было поручено взять маленькія турецкія крѣпости, расположенныя по нижнему теченію Днѣпра. Это была въ сущности демонстрація, рассчитанная на то, чтобы разсѣять вниманіе врага. Главная же задача кампаніи, заключающаяся въ овладѣніи Азовомъ, была возложена на другую армію, численность которой достигала 30.000 человекъ и въ которую вошли главнымъ образомъ полки, обученные новому строю, и вспомогательные отряды малороссійскихъ и донскихъ казаковъ. Въ ея рядахъ находился и самъ Петръ въ званіи бомбардира Преображенскаго полка, а главное начальство надъ нею было вручено тремъ лицамъ, Лефорту, служившему въ Москвѣ въ чинѣ генерала шотландцу Патрику Гордону и Головину. Однако эта кампанія не дала ожидавшихся отъ нея результатовъ. Армія, направленная на Днѣпръ, выполнила въ общемъ успѣшно свою задачу, но взять Азовъ Петру не удалось. Сильныя укрѣпленія Азова позволяли его гарнизону сравнительно легко отбивать штурмы, моремъ турки свободно подвозили въ осажденную крѣпость припасы и подкрѣпленія и съ началомъ осени русскому войску пришлось снять затянувшуюся и стоившую ему большихъ жертвъ осаду.

Неудача не обезкуражила Петра. За осень и зиму онъ создалъ верфь въ Воронежѣ, перевелъ на нее корабельныхъ мастеровъ изъ Архангельска, собралъ большое количество рабочихъ и успѣлъ построить около трехъ десятковъ кораблей и до тысячи рѣчныхъ судовъ. Въ началѣ лѣта 1696 года перевезенная на этихъ судахъ русская армія вновь явилась подъ Азовомъ. Главное начальство надъ ней было сосредоточено теперь въ рукахъ одного лица, боярина Шеина, но и Петръ опять находился при ней, на этотъ разъ въ чинѣ капитана Преображенскаго полка. Теперь осада была полной.

Армія окружила Азовъ съ суши, а выстроенные въ Воронежѣ корабли стерегли его съ моря, не допуская турецкій флотъ приблизиться къ крѣпости. Лишенный такимъ образомъ помощи извнѣ, Азовъ защищался уже не такъ успѣшно и, когда въ войскѣ Петра малороссійскіе казаки взяли приступомъ часть городскихъ укрѣпленій, командовавшій турецкимъ гарнизономъ паша сдался на капитуляцію.

Впослѣдствіи, вспоминая усилія и труды, затраченные для взятія Азова, умудренный опытомъ Петръ характеризовалъ ихъ, какъ своего рода „дѣтское играніе“. Но въ данное время онъ смотрѣлъ на дѣло иначе и отпраздновалъ это взятіе пышными торжествами. Оно къ тому же возбудило у него надежду и на дальнѣйшія побѣды, которыя открыли бы Россіи доступъ не только къ Азовскому, но и къ Черному морю, обезпечивая ей такимъ образомъ морской путь на югѣ. Сообразно этому, вернувшись въ Москву, Петръ немедленно постарался принять мѣры для закрѣпленія за собою Азова и для созданія около него сильнаго флота. Въ Азовѣ рѣшено было отправить въ качествѣ гарнизона нѣсколько стрѣлцкихъ полковъ и переселить на постоянное жительство 3000 семей изъ числа жителей приволжскихъ городовъ. Для созданія же флота на населеніе государства наложена была новая повинность. Служилые землевладѣльцы съ каждыхъ 10000 крестьянскихъ дворовъ, находившихся въ ихъ владѣніи, а землевладѣльцы духовные съ 8000 такихъ же дворовъ обязывались поставить государству готовый, вполнѣ снаряженный корабль. Въ свою очередь городское сословіе государства обязывалось поставить 12 кораблей. Для постройки этихъ кораблей лица, на которыхъ наложена была такая повинность, должны были объединиться въ спеціальныя товарищества („кумпанства“), которыя распредѣляли бы между своими членами необходимыя издержки и работы, а правительство съ своей стороны обѣщало снабжать эти товарищества всѣми нужными для кораблестроительства указаніями.

Готовя корабли, надо было однако приготовить и людей, которые умѣли бы управлять ими. Съ этой цѣлью Петръ распорядился послать за границу, въ страны, славившіяся своимъ искусствомъ въ мореплаваніи, Голландію, Англію и Италію, 50 молодыхъ дворянъ для обученія морскому дѣлу, причемъ тѣмъ изъ нихъ, кто обучилъ бы ему и взятыхъ съ собою дворовыхъ людей, обѣщана была награда отъ казны. Но этой посылкой дѣло не ограничилось. Посылая другихъ учиться за границу, Петръ рѣшилъ и самъ поѣхать туда, чтобы познакомиться съ тамошнею жизнью и, прежде всего, пополнить недостававшія ему знанія въ области корабельнаго строительства. Съ этимъ совпало другое его желаніе — ради успѣха въ дальнѣйшей борьбѣ съ Турціей закрѣпить союзъ съ прежними членами противотурецкой коалиціи и привлечь въ по-

слѣдную новыхъ участниковъ. Въ этихъ видахъ снаряжено было въ различныя страны Западной Европы „великое посольство“, состоявшее изъ генераловъ Лефорта и Федора Головина и думскаго дьяка Возницына, а въ свиту этого посольства записался и Петръ подъ скромнымъ именемъ Петра Михайлова.

Но раньше, чѣмъ это посольство успѣло выѣхать изъ Москвы, произошли событія, показавшія Петру, что онъ далеко не пользуется общимъ сочувствіемъ. Необычный образъ жизни молодого царя, видимое отсутствіе у него интереса къ дѣламъ управленія, пренебреженіе къ стариннымъ обычаямъ, явное пристрастіе къ иноземцамъ, наконецъ, шумныя и подчасъ непристойныя забавы царя и его приближенныхъ, все это вызывало недовольство въ немалой части московскаго общества. Выразителемъ этого недовольства явился монахъ Троице-Сергіевскаго монастыря Аврамій, рѣшившійся въ 1697 г. подать Петру письмо съ увѣщаніемъ перемѣнить „печальную и плачевную“ жизнь, возбуждающую ропоть. Единственнымъ результатомъ этого увѣщанія было однако лишь то, что и самъ Аврамій, и обнаруженные произведеннымъ розыскомъ его единомышленники были отправлены въ ссылку. Около этого же времени у Петра произошло столкновеніе съ родственниками его жены, въ результатѣ котораго дядя ея, П. А. Лопухинъ, подвергся даже пыткамъ, а другіе Лопухины были высланы изъ Москвы. Наконецъ, незадолго до назначеннаго дня отъѣзда великаго посольства въ Москвѣ былъ раскрытъ заговоръ, во главѣ котораго стояли бояре Соковнинъ и Пушкинъ и стрѣлецкій полковникъ Циклеръ. Заговорщики, какъ это вскрыло сопровождавшееся жестокими пытками слѣдствіе, собирались, возмутьвъ стрѣльцовъ, убить Петра, возвести на престолъ его малолѣтняго сына Алексѣя и вручить регентство надъ нимъ царевнѣ Софьѣ, вернувъ такимъ образомъ ее вновь къ власти. Обнаруженіе этихъ плановъ пробудило въ душѣ Петра всю его ненависть къ Софьѣ и Милославскимъ и онъ далъ волю этой ненависти. Не ограничившись казнью заговорщиковъ, онъ распорядился вырыть изъ могилы гробъ умершаго уже за нѣсколько времени передъ тѣмъ И. М. Милославскаго, привезти къ мѣсту казни этотъ гробъ на свиньяхъ и поставить его подъ эшафотомъ такъ, чтобы кровь казненныхъ стекала на трупъ бывшаго главнаго помощника Софьи въ переворотѣ 1682 г. Отвѣчая такимъ образомъ ссылками и казнями на всѣ проявленія недовольства, Петръ однако не считалъ нужнымъ въ виду наличія этого недовольства въ чемъ-либо измѣнить свои планы. Въ заранѣе назначенное время онъ вмѣстѣ съ великимъ посольствомъ выѣхалъ изъ Москвы, предоставивъ на время своего отсутствія управленіе государствомъ боярской думѣ, вѣдавшей это управленіе и во время прежнихъ его отлучекъ, и поручивъ дѣла государственной полиціи особому,

незадолго до того имъ созданному и названному Преображенскимъ приказомъ, учрежденію, начальникомъ котораго онъ поставилъ кн. Ф. Ю. Ромодановскаго.

Заграничная поѣздка Петра. Его возвращеніе, расправа со стрѣльцами и первыя реформы. Выѣхавъ изъ Москвы, великое посольство черезъ Ригу и Либаву направилось въ сѣверную Германію. Здѣсь, въ Кенигсбергѣ, Петръ встрѣтился и вступилъ въ дружественныя отношенія съ бранденбургскимъ курфюрстомъ Фридрихомъ, позднѣе принявшимъ титулъ перваго прусскаго короля. Своимъ пребываніемъ въ его владѣніяхъ Петръ воспользовался, чтобы усовершенствоваться въ пушечной стрѣльбѣ, и вскорѣ получилъ отъ обучавшаго его этому искусству прусскаго офицера аттестатъ, свидѣтельствовавшій, что онъ являлся мужественнымъ, осторожнымъ и искуснымъ огнестрѣльнымъ мастеромъ. Изъ Бранденбурга, опередивъ медленно ѣхавшее посольство, онъ съ немногими спутниками поспѣшилъ въ давно манившую его своими кораблями Голландію. Въ ней онъ, сохраняя свое инкогнито, первоначально поселился было въ городѣ Саардамѣ и сталъ работать въ качествѣ корабельнаго плотника, но вскорѣ перебрался въ Амстердамъ. Въ этомъ городѣ онъ провелъ болѣе четырехъ мѣсяцевъ, работая плотникомъ на Остъ-Индскихъ верфяхъ, а на досугѣ и въ короткіе перерывы работы осматривая различныя мастерскія, фабрики, заводы, музеи, госпитали, анатомическіе театры и другія учрежденія въ Амстердамѣ и въ близкихъ къ нему городахъ и находя даже время слушать лекціи по анатоміи. По истеченіи этого срока, пріобрѣтя уже большой навыкъ въ судостроительствѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ убѣдившись, что голландцы не имѣютъ строго разработанной теоріи кораблестроенія, онъ переѣхалъ въ Англію и, повидавшись съ ея королемъ, поселился въ приморскомъ городѣ Дептфордѣ. Здѣсь онъ уже не работалъ топоромъ, а изучалъ теорію корабельнаго строительства и попутно присматривался къ англійской жизни, посѣщая корабли, заводы и лабораторіи и знакомясь съ моряками и разнаго рода техниками. При этомъ и въ Англіи, какъ раньше въ Голландіи и позже въ другихъ посѣщенныхъ имъ въ эту поѣздку странахъ, его вниманіе всецѣло было поглощено промышленностью и техникой. Ни къ государственнымъ учрежденіямъ этихъ странъ, ни къ существовавшимъ въ нихъ социальнымъ отношеніямъ онъ не проявлялъ большого интереса; и тѣ и другія оставались, можно сказать, какъ бы внѣ его кругозора. Зато онъ постарался нанять на русскую службу немалое количество различныхъ специалистовъ, по преимуществу военныхъ и моряковъ. Проживъ такимъ образомъ около четырехъ мѣсяцевъ въ Англіи, онъ вернулся въ Голландію и затѣмъ отправился въ Вѣну, гдѣ пробылъ около мѣсяца, ведя переговоры съ императоромъ Леопольдомъ от-

носителю войны съ турками. Изъ Вѣны онъ собрался ѣхать въ Венецію частью для такихъ же переговоровъ, частью для того, чтобы на мѣстѣ познакомиться съ итальянскимъ кораблестроительствомъ. Но въ это время изъ Москвы отъ оставленнаго имъ въ ней боярскаго правительства пришло извѣстіе о бунтѣ, вспыхнувшемъ въ стрѣлецкихъ полкахъ. И хотя въ полученномъ извѣстіи сообщалось, что бунтъ уже подавленъ и участники его подверглись карѣ, Петръ поспѣшилъ возвратиться на родину.

Этотъ бунтъ, прервавшій путешествіе Петра, былъ въ значительной мѣрѣ подготовленъ предшествовавшими событіями. Стрѣльцы, потерявшіе съ 1689 года свое привилегированное положеніе и уступившіе свое мѣсто около царя потѣшнымъ полкамъ, чувствовали, что Петръ относится къ нимъ съ подозрѣніемъ, если не съ прямой враждой, и въ свою очередь не питали къ нему расположенія. Тѣ же изъ нихъ, которые послѣ взятія Азова были оставлены во вновь завоеванной крѣпости и вынуждены были промѣнять мирную жизнь въ столицѣ на трудную пограничную службу, вдобавокъ крайне тяготились этой службой и мечтали о возвращеніи въ Москву, гдѣ оставались ихъ семьи. Черезъ нѣкоторое время послѣ отъѣзда Петра за границу боярская дума и распорядилась послать на смѣну имъ находившіеся еще въ Москвѣ стрѣлецкіе полки, но при этомъ вызваннымъ изъ Азова полкамъ предписала идти не въ Москву, а на сторожевую службу къ польской границѣ. Это предписаніе возбудило среди нихъ большое недовольство и волненіе. Волненіе еще болѣе усилилось, когда въ ихъ среду проникли распространившіеся въ это время благодаря затянувшейся поѣздкѣ Петра слухи, будто онъ не то умеръ за границей, не то совершенно предался нѣмцамъ и собирается послѣ своего возвращенія ввести въ Россіи нѣмецкіе обычаи. Возбужденные этими слухами стрѣльцы отправили посланцевъ къ боярскому правительству, прося разрѣшенія вернуться въ Москву. Такого разрѣшенія ихъ посланцы не добились, но, будучи въ столицѣ, они успѣли войти въ сношенія съ царевной Софьей и послѣ возвращенія этихъ посланцовъ стрѣльцы рѣшили, не обращая вниманія на правительственное запрещеніе, идти въ Москву. При этомъ среди ихъ вожаковъ шли разговоры о необходимости избавиться такъ или иначе отъ нелюбимаго царя, перебить правившихъ государствомъ бояръ и, возведя на престолъ малолѣтняго сына Петра, вручить опеку надъ нимъ царевнѣ Софьѣ или В. В. Голицыну. Однако осуществить эти планы имъ не пришлось. Не дойдя нѣсколькихъ десятковъ километровъ до Москвы, стрѣльцы встрѣтились съ высланными противъ нихъ регулярными полками подъ начальствомъ Гордона, попытались было вступить въ битву съ ними, но не выдержали ихъ артиллерійскаго огня и частью сдались, частью разбѣжались.

Бѣжавшіе были переловлены и надъ участниками бунта было наряжено слѣдствіе, въ результатѣ котораго болѣе полусотни ихъ было казнено, а остальные были разосланы по тюрьмамъ различныхъ городовъ.

Эти послѣднія событія разыгрались въ іюнѣ — іюль 1698 года, а въ концѣ августа — по новому стилю въ началѣ сентября — вернулся въ Москву Петръ. Произведеннымъ безъ него слѣдствіемъ онъ не удовлетворился, считая, что оно въ недостаточной мѣрѣ раскрыло связи и планы бунтовщиковъ. По его распоряженію разосланные было въ разные города стрѣльцы были вновь свезены въ Москву и подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ и съ прямымъ его участіемъ кн. Ромодановскимъ начато было надъ ними новое слѣдствіе, сопровождавшееся еще болѣе жестокими пытками и истязаніями, чѣмъ первое. Путемъ этихъ истязаній отъ стрѣльцовъ получено было признаніе сношеній ихъ съ Софьей, но добыть доказательства возбужденія ею бунта Петру не удалось. Тѣмъ не менѣе онъ сурово расправился съ сестрой. Софья была пострижена въ монахини, передъ самыми окнами ея кельи было повѣшено нѣсколько стрѣльцовъ и до самой своей смерти, послѣдовавшей въ 1704 г., она оставалась въ заключеніи въ монастырѣ, находясь подъ строгой стражей. Еще болѣе суровой была расправа Петра со стрѣльцами. За жестокимъ розыскомъ, во время котораго немало стрѣльцовъ разсталось съ жизнью, послѣдовали массовыя казни. Больше тысячи стрѣльцовъ было казнено смертью, причемъ казнь многихъ изъ нихъ носила крайне мучительный характеръ. Ожесточеніе Петра доходило до того, что порою онъ самъ рубилъ головы стрѣльцамъ и заставлялъ дѣлать тоже самое своихъ приближенныхъ. Уцѣлѣвшіе отъ казни стрѣльцы были разосланы на жительство въ болѣе или менѣе далекіе провинціальныя города и ихъ запрещено было впредь принимать на военную службу. Стрѣлецкое войско было такимъ образомъ уничтожено.

Эта кровавая расправа произвела глубокое впечатлѣніе на населеніе. Но впечатлѣніе это было не тѣмъ, какое хотѣлъ создать Петръ. Москва передъ тѣмъ успѣла отвыкнуть отъ массовыхъ казней и въ низшихъ слояхъ московскаго населенія поползли зловѣщіе слухи о Петрѣ. „Котораго дня — рассказывали одна другой женщины, принадлежавшія къ этимъ слоямъ, — государь и князь Ромодановскій крови изопьютъ, того дня и тѣ часы они веселы, а котораго дня не изопьютъ, и того дня имъ хлѣбъ не ѣстся.“ И впечатлѣніе отъ расправы со стрѣльцами было тѣмъ сильнѣе, что все поведеніе вернушагося изъ заграничной поѣздки царя, казалось, подтверждало и оправдывало слухи, послужившіе однимъ изъ толчковъ къ стрѣлецкому бунту. Возратившись въ Москву, Петръ не поторопился, какъ это сдѣлалъ бы любой изъ прежнихъ царей, побывать въ столичныхъ соборахъ и поклониться мѣст-

нымъ святынямъ, не заѣхалъ даже въ кремлевскій дворецъ, гдѣ жила его жена, а остановился у Лефорта въ Нѣмецкой слободѣ и на другое утро уѣхалъ въ свое Преображенское. Съ женой онъ вскорѣ и совершенно разстался, отослалъ ее въ г. Суздаль и чрезъ нѣкоторое время заставилъ постричься въ тамошнемъ женскомъ монастырѣ. Но личной жизнью царя дѣло не ограничивалось, онъ началъ вносить перемѣны и въ жизнь своихъ подданныхъ. Самъ онъ еще до своей заграничной поѣздки усвоилъ себѣ иноземную внѣшность, — сталъ носить платье иноземного покроя и брить бороду. Теперь онъ заставилъ подражать себѣ въ этомъ отношеніи сперва ближайшее свое окруженіе, а затѣмъ и болѣе широкіе общественные круги. На первомъ же пріемѣ бояръ послѣ своего возвращенія онъ, здороваясь съ ними, въ то же время собственноручно обрѣзалъ имъ бороды. Черезъ нѣсколько дней на пиру у боярина Шеина та же операція надъ боярскими бородами была повторена въ присутствіи царя его шуткомъ. Урокъ былъ понятъ и всѣ бояре и царедворцы перестали носить бороды. То же самое повторилось и съ длинными кафтанами, составлявшими до того времени неизмѣнную часть русской одежды. А въ началѣ 1700 года состоялся и указъ предписывавшій всѣмъ служилымъ людямъ вплоть до дьяковъ впредь одѣваться въ короткіе кафтаны венгерскаго покроя. Подобное же предписаніе было затѣмъ повторено новыми указами, изданными въ томъ же и въ слѣдующемъ году и подробнѣе опредѣлявшими тѣ иноземные образцы, которымъ надо было впредь подражать въ одеждѣ. При этомъ обязательство носить платье иностраннаго образца было распространено и на женъ и дочерей служилыхъ людей, а также и на гражданъ. Отъ этого обязательства освободились только духовныя лица, церковнослужители и крестьяне. Владѣльцамъ лавокъ подъ угрозой наказанія кнутомъ, конфискаціи имущества и отправки на каторжныя работы воспрещалось впредь торговать платьемъ стараго русскаго образца. Равнымъ образомъ и бритье бороды чрезъ нѣкоторое время объявлено было обязательнымъ для всѣхъ служилыхъ и приказныхъ людей. Горожане могли, если хотѣли, сохранить свои бороды, но должны были платить за это особый налогъ, рядовые посадскіе люди не очень большой, гости же и чины купеческихъ сотенъ весьма значительный. Крестьяне въ деревняхъ могли носить бороды безплатно, но при каждомъ выѣздѣ въ городъ должны были также уплачивать за нихъ особый налогъ. И только духовенство и церковнослужители могли и впредь носить бороды, ничего не платя за нихъ государству.

Наряду съ этими мѣрами, направленными къ измѣненію внѣшности по крайней мѣрѣ высшихъ классовъ русскаго общества по западно-европейскому образцу, Петръ вскорѣ послѣ своего возвращенія изъ заграницы принялъ и нѣкоторыя дру-

гія мѣры, имѣвшія своей цѣлью опять-таки сближеніе русской жизни съ западно-европейской. Такъ онъ разрѣшилъ продажу въ Россіи табаку и отдалъ ее на откупъ одному иноземному купцу. А въ 1699 году онъ измѣнилъ порядокъ лѣтосчисленія. До этого времени въ Московскомъ государствѣ годы считали отъ сотворенія міра и за начало года принимали 1 сентября. Петръ предписалъ счетъ годамъ вести отъ рожденія Іисуса Христа и началомъ года считать 1 января.

Всѣ эти мѣры затрагивали по существу лишь внѣшніе порядки жизни. И тѣмъ не менѣе онѣ многихъ настраивали враждебно къ Петру. Слишкомъ рѣзокъ былъ, въ самомъ дѣлѣ, тотъ разрывъ съ недавнимъ прошлымъ, какой созданъ этими мѣрами. Совсѣмъ недавно табакъ провозглашался въ Московскомъ государствѣ „проклятымъ зельемъ“, духовенство возставало противъ него и правительство строго воспрещало его употребленіе и продажу. А теперь эта продажа производилась открыто и самъ царь и многіе изъ его приближенныхъ были усердными курильщиками. Недавно царское правительство запрещало служилымъ людямъ носить платье, сшитое на иноземный манеръ. Теперь ношеніе такого платья становилось обязательнымъ въ силу указовъ царя. Духовныя власти съ давнихъ поръ учили московскихъ людей, что обычай бритья является отступленіемъ отъ строгаго православія. Патріархъ Адріанъ въ свою очередь строго порицалъ этотъ обычай и въ своихъ посланіяхъ къ паствѣ укоризненно вопрошалъ бреющихъ бороду, съ кѣмъ они желаютъ стать на страшномъ судѣ, съ украшенными ли бородами святыми и праведниками или съ бритыми еретиками. И въ то же время царь предписывалъ сбривать бороды и грозилъ суровыми карами за неисполненіе этого предписанія. Въ результатѣ у многихъ невольно появилась мысль, что царь сошелъ съ того правильнаго пути, который былъ проложенъ его предшественниками и слѣдовать которому обязанъ былъ и онъ.

Такъ между главой государства и немалою частью населенія послѣдняго создавался тяжелый и трудно разрѣшимый конфликтъ. Увлеченный пріобрѣтеннымъ знакомствомъ съ Западной Европой, Петръ подъ вліяніемъ этого увлеченія расширялъ свою реформаторскую дѣятельность, первоначально сосредоточивавшуюся почти исключительно на военномъ дѣлѣ, распространивъ ее и на вопросы быта. Но тѣмъ самымъ онъ занялъ опредѣленное мѣсто въ борьбѣ различныхъ направленій, существовавшихъ въ московскомъ обществѣ, и вызывалъ противъ себя страстную оппозицію всей той его части, которая упорно держалась за освященные временемъ преданія старины, видя въ нихъ нѣчто, не подлежащее критикѣ и измѣненію. Въ дальнѣйшемъ и размахъ этой реформаторской дѣятельности, и острота встрѣчавшейся ею оппозиціи еще болѣе увеличились и это случилось въ значительной степени

благодаря той внѣшней политикѣ, какая поведена была Петровскимъ правительствомъ.

Внѣшняя политика Петровскаго правительства въ 1698—1724 г.г. Отправляя послѣ взятія Азова посольство въ Западную Европу и выѣзжая съ нимъ самъ, Петръ рассчитывалъ укрѣпить и расширить противотурецкую коалицію и съ ея помощью разрѣшить поставленную имъ себѣ задачу — удержать за собою сѣверный берегъ Азовскаго моря и добиться возможности выхода русскихъ кораблей въ Черное море. Плохо представляя себѣ взаимныя отношенія западно-европейскихъ государствъ, онъ надѣялся вовлечь въ союзъ противъ Турціи и Бранденбургъ, и Голландію, и даже Францію, являющуюся постоянной противницей Австріи. Скоро однако ему пришлось убѣдиться въ тщетѣ своихъ надеждъ. Не только ни одно изъ названныхъ государствъ не согласилось войти въ коалицію, но и прежніе ея члены, утомленные затянувшейся войной, не обнаруживали желанія продолжать ее. Напрасно Петръ въ Вѣнѣ убѣждалъ императора не заключать мира съ турками, въ который не было бы включено и Московское государство. Напрасно уговаривалъ онъ и саксонскаго курфюрста и вмѣстѣ съ тѣмъ польскаго короля Августа II, съ которымъ онъ видѣлся при возвращеніи своемъ черезъ Польшу на родину, продолжать войну съ турками. Въ 1699 г. бывшіе союзники Московскаго государства заключили въ Карловицахъ миръ съ Турціей, по которому Австрія получила Трансильванію, турецкую Венгрію и Славонію, Венеція Морею, а Польша вернула себѣ Подолію. Петру приходилось теперь вести борьбу къ Турціей одинъ на одинъ, безъ союзниковъ, и въ этихъ условіяхъ онъ не могъ рассчитывать на легкую побѣду. Въ виду этого онъ въ концѣ 1698 года заключилъ перемиріе съ Турціей, а затѣмъ началъ съ ней и мирные переговоры.

Но въ своихъ бесѣдахъ съ Петромъ Августъ указалъ ему на возможность союза противъ другого стараго противника Московскаго государства — Швеціи. Эта послѣдняя, являвшаяся тогда наиболѣе могущественнымъ государствомъ на сѣверо-востокѣ Европы, была противникомъ не только для Московскаго государства, которое она оттѣснила отъ побережья Финскаго залива, но и для Польши, у которой она отняла Ливонію, и для Даніи, противъ которой она поддерживала Шлезвигъ-Голштинское герцогство. Августъ и предложилъ Петру вступить въ союзъ противъ Швеціи, въ случаѣ успѣха котораго Россія получила бы доступъ къ Финскому заливу. Бранденбургскій курфюрстъ еще раньше въ самомъ началѣ заграничнаго путешествія Петра, предлагалъ ему подобный планъ, но тогда Петръ его отклонилъ. Теперь, послѣ выяснишагося для него распада противотурецкой коалиціи, онъ не отвергъ предложеній Августа. Въ 1699 г. отъ

послѣдняго пріѣхалъ въ Москву въ качествѣ его посланца эмигрировавшій передъ тѣмъ и зъ Швеціи ливонскій дворянинъ Паткуль. Раздраженный производившейся въ то время шведскимъ правительствомъ „редукціей“ (отборомъ) у ливонскихъ дворянъ имѣній, не вполне законно перешедшихъ до того въ ихъ руки, Паткуль задался цѣлью освободить Ливонію отъ шведскаго владычества и присоединить ее къ Польшѣ и ради этого всѣми силами старался создать противъ Швеціи союзъ ея сосѣдей. Данія уже согласилась войти въ этотъ союзъ и дѣло стояло за Московскимъ государствомъ. Однако вести одновременно войну на два фронта, противъ Турціи и Швеціи, Петръ не рѣшался. Поэтому, согласившись въ результатѣ переговоровъ съ Паткулемъ выступить противъ Швеціи, онъ поставилъ условіемъ этого выступленія предварительное заключеніе мира съ Турціей. Еще лѣтомъ 1699 года онъ отправилъ съ этой цѣлью въ Константинополь думнаго дьяка Украинцева, но только въ августѣ 1700 г. въ Москву пришло извѣстіе, что Украинцевъ успѣлъ заключить миръ, по которому русскіе корабли не получили, правда, права выхода изъ Азовскаго моря въ Черное, но Азовъ оставался за Московскимъ государствомъ. На другой день послѣ того, какъ пришло это извѣстіе, Петръ объявилъ войну Швеціи и еще черезъ три дня выступилъ съ своимъ войскомъ въ походъ.

Ближайшею цѣлью этого похода намѣчено было овладѣніе Нарвой и, подойдя къ ней, Петръ предпринялъ ее осаду. Численность осаждавшей ее арміи доходила до 35—40.000 человекъ и главную ея часть составляли регулярные полки. Но большинство ихъ состояло изъ недавно только набранныхъ и недостаточно обученныхъ солдатъ, а значительная часть генераловъ и высшихъ офицеровъ была изъ иностранцевъ, которыхъ плохо понимали и которымъ не довѣряли русскіе солдаты. Не было въ арміи и единства командованія: ею распоряжались и русскій генераль Головинъ, и пріѣхавшій уже послѣ начала осады французъ де-Кроа, и самъ Петръ. Ко всему этому артиллерія, какою располагала армія, оказалась неудовлетворительной, а осенняя бездорожица мѣшала своевременному подвозу къ арміи и снарядовъ, и продовольствія. Впослѣдствіи самъ Петръ признавался, что онъ началъ эту войну какъ слѣпой, не зная ни своего состоянія, ни силы противника. Онъ могъ, правда, надѣяться на то, что послѣдній будетъ занятъ въ другихъ мѣстахъ. Дѣйствительно, союзники Петра начали войну раньше него и датскія войска вторглись въ Голштинію, а Августъ осадилъ Ригу. При этомъ союзники рассчитывали, между прочимъ, и на то, что 18-лѣтній юноша, бывшій тогда шведскимъ королемъ съ именемъ Карла XII, мало до того удѣлявшій вниманія государственнымъ дѣламъ и ведшій какъ будто легкомысленную жизнь, не сумѣетъ противостать ихъ нападенію.

Карль не замедлилъ опровергнуть эти расчеты. Получивъ извѣстіе о нападеніи датчанъ, онъ тотчасъ же въ глубокой тайнѣ уѣхалъ къ войску, переправился съ нимъ черезъ море и, неожиданно появившись съ 15.000-ной арміей подъ стѣнами Копенгагена, принудилъ Данію заключить миръ по которому она отказалась отъ дальнѣйшаго участія въ противошведской коалиціи. Покончивъ такимъ образомъ съ однимъ изъ своихъ противниковъ, онъ обратился противъ русскихъ. Въ русской арміи, уже около двухъ мѣсяцевъ безплодно осаждавшей Нарву, узнали о приближеніи шведскаго короля только тогда, когда онъ былъ на разстояніи какихъ-нибудь двухъ дневныхъ переходовъ. Петръ, предвидя, очевидно, неизбежность положенія, уѣхалъ изъ арміи, вручивъ главное начальство надъ нею де-Кроа. Пораженіе и не заставило себя ждать. 20 ноября (1 декабря) Карль съ войскомъ, не достигавшимъ и 9.000 человекъ, послѣ короткой битвы совершенно разгромилъ русскую армію. Около трети ея погибло или было взято въ плѣнъ, причемъ самъ главнокомандующій, 9 генераловъ и большое количество высшихъ офицеровъ сдались шведамъ, а остальная армія бѣжала въ полномъ разстройствѣ и одни только гвардейскіе полки отступили въ порядкѣ. Весь обозъ и вся артиллерія русской арміи достались шведамъ

Въ первый моментъ послѣ этого жестокаго пораженія Петръ растерялся и готовъ былъ любой цѣною искать мира. Очень скоро однако его растерянность смѣнилась лихорадочной дѣятельностью. Ожидая дальнѣйшаго наступленія Карла, онъ занялся укрѣпленіемъ Новгорода и Пскова, собралъ и привелъ въ порядокъ разбѣжавшіяся части войска, набралъ новыхъ солдатъ, изготовилъ съ помощью вѣдавшаго оружейнымъ заводомъ Виніуса 300 новыхъ пушекъ, для отливки которыхъ въ виду недостатка мѣди въ государствѣ распорядился отобрать четвертую часть колоколовъ у церквей и монастырей, и къ началу 1701 года вновь обладалъ вооруженной арміей, Тѣмъ не менѣе онъ не рассчитывалъ справиться съ опаснымъ врагомъ одними только собственными силами и поэтому постарался закрѣпить за собою помощь оставшагося еще у него союзника. Въ этихъ видахъ онъ въ томъ же 1701 г. заключилъ съ Августомъ договоръ, по которому обязался на время ихъ общей войны съ Швеціей платить ему ежегодно крупную денежную субсидію и присылать вспомогательное войско, а въ случаѣ успѣха этой войны обѣщалъ признать за Августомъ право на Ливонію и Эстонію, самъ же довольствоваться Ингрией и Кареліей. Такимъ образомъ онъ остался при ранѣ поставленной имъ себѣ задачѣ — овладѣнія хотя бы частью берега Финскаго залива.

Въ значительной мѣрѣ эта задача была облегчена для него дѣйствіями Карла. Нарвская побѣда создала у послѣдняго впечатлѣніе, что Московское государство является крайне

слабымъ противникомъ, и послѣ этой побѣды онъ все свое вниманіе обратилъ на Августа. Разбивъ въ 1701 г. осаждавшее Ригу саксонское и русское войско, онъ вошелъ въ Польшу и, по выраженію Петра, „увязъ“ въ ней. Послѣ нѣсколькихъ пораженій, нанесенныхъ саксонскимъ войскамъ, онъ занялъ Варшаву и созвалъ польскій сеймъ, который, согласно его желанію, объявилъ Августа лишеннымъ польскаго престола и избралъ королемъ Польши познанскаго воеводу Станислава Лещинскаго. Однако немалая часть польскаго дворянства и магнатовъ осталась и послѣ того на сторонѣ Августа и благодаря этому саксонскія войска, находя у нихъ себѣ поддержку, продолжали держаться въ Польшѣ. Лишь въ 1706 г. Карлъ успѣлъ совершенно вытѣснить ихъ и, вторгшись въ Саксонію, вынудилъ Августа согласиться на т. н. Альтранштадскій миръ, по которому онъ отказывался отъ польской короны и отъ всякихъ претензій на шведскія владѣнія и разрывалъ свой союзъ съ Петромъ.

Втеченіе всѣхъ этихъ лѣтъ главныя силы Карла XII были заняты въ Польшѣ, а въ Эстоніи, Ливоніи, Ингріи и Кареліи оставались лишь слабые шведскіе отряды, главнымъ образомъ гарнизоны крѣпостей. Петръ воспользовался этимъ, посылая вспомогательныя войска Августу въ Польшу, одновременно предпринялъ рядъ самостоятельныхъ дѣйствій на побережьѣ Финскаго залива. Съ одной стороны, русскіе отряды подъ главнымъ начальствомъ возведеннаго въ званіе фельдмаршала Шереметева жестоко опустошали Ливонію, съ другой — начато было систематическое завоеваніе Ингріи и Кареліи. Въ 1702 г. русскими при личномъ участіи Петра взята была стоявшая при выходѣ р. Невы изъ Ладожскаго озера шведская крѣпость Нотебургъ, смѣнившая находившуюся здѣсь нѣкогда новгородскую крѣпость Орѣшекъ. Овладѣвъ этой крѣпостью, Петръ далъ ей новое, многозначительное названіе Шлиссельбурга (Ключь-города) и оно очень скоро было оправдано. Въ слѣдующемъ году взята была русскими и крѣпость Ніеншанць, построенная шведами близъ устья Невы. Все теченіе Невы оказалось теперь въ русскихъ рукахъ и тѣмъ самымъ для Россіи открывался доступъ къ Балтійскому морю. Петръ немедленно построилъ въ устьѣ Невы укрѣпленную гавань и заложилъ вокругъ нея на пустынныхъ до того берегахъ рѣки новый городъ, давъ ему имя Санктъ-Петербурга. Въ послѣдующіе годы для обстройки этого города были въ принудительномъ порядкѣ привлечены десятки тысячъ рабочихъ изъ разныхъ мѣстностей Россіи и онъ сталъ любимымъ мѣстопробываніемъ Петра, а затѣмъ и столицей государства. Почти немедленно были приняты и мѣры для привлеченія въ новый городъ иностранныхъ торговыхъ кораблей и для постройки въ немъ русскаго военнаго флота. Одновременно шло и овладѣніе южнымъ берегомъ Финскаго залива, которое должно было уп-

рочить положеніе Петербурга. Русскія войска послѣдовательно овладѣли Копорьемъ, Ямомъ, Нарвой и, наконецъ, Дерптомъ. Затѣмъ однако непрерывные и все возрастающіе успѣхи Карла въ Польшѣ заставили Петра обратить больше вниманія на этотъ театръ войны и онъ отправилъ на помощь Августу 60.000-ную армію. Вначалѣ эта армія при столкновеніяхъ съ отдѣльными шведскими отрядами имѣла нѣкоторые успѣхи, но, когда передъ нею появились главныя силы шведовъ, предводимыя самимъ Карломъ, она спаслась только поспѣшнымъ отступленіемъ и Карлъ смогъ въ слѣдующемъ году безпрепятственно завершить свою побѣду надъ Августомъ.

Послѣ этой побѣды противникомъ Карла оставался только Петръ и послѣднему предстояло теперь одинъ на одинъ встрѣтиться съ грознымъ нарвскимъ побѣдителемъ. Правда, и самъ Петръ, и его армія были уже не тѣмъ, чѣмъ были они въ 1700 г. подъ Нарвой. И Петръ за эти годы пріобрѣлъ болѣе опытность въ военномъ дѣлѣ, и армія его была теперь болѣе многочисленной, лучше вооруженной, привычной къ регулярному строю и испытанной въ частыхъ бояхъ. Выдѣлился въ ней и рядъ способныхъ русскихъ военачальниковъ, среди которыхъ были и люди знатнаго происхожденія, какъ Шереметевъ и кн. М. М. Голицынъ, и люди совсѣмъ незнатные, вродѣ вошедшаго въ милость къ Петру съ молодыхъ его лѣтъ А. Д. Меншикова. Но, съ другой стороны, внутри самаго Московскаго государства было въ это время очень неспокойно. Постоянные наборы въ солдаты, производившіеся среди крестьянъ и посадскихъ людей, и все увеличивавшіяся въ связи съ военными расходами государства подати вызвали большое недовольство населенія и это недовольство еще болѣе обострилось благодаря насильственно проводившимся Петромъ мѣропріятіямъ въ области народнаго быта, шедшимъ вразрѣзъ съ привычками населенія. Въ 1705 г. въ Астрахани вспыхнулъ бунтъ и для подавленія его Петру пришлось снять часть войска съ фронта. Два года спустя разразились одинъ за другимъ новый бунтъ на Волгѣ, среди башкиръ, и еще болѣе опасный — среди козаковъ на Дону. Поводомъ къ послѣднему послужила мѣра, принятая самимъ Петромъ. Раздраженный тѣмъ, что на Дону укрывалось много людей, бѣжавшихъ отъ военной службы, тяжелыхъ податей и помѣщичьихъ работъ, а козаки, держась стараго взгляда, что „съ Дона выдачи нѣтъ“, крайне неохотно выдавали этихъ бѣглыхъ, Петръ отправилъ на Донъ для ихъ отбора тысячу солдатъ подъ начальствомъ кн. Ю. Долгорукаго. Это нарушеніе козацкой автономіи вызвало на Дону острое недовольство. Одинъ изъ козацкихъ старшинъ, Кондратій Булавинъ, собравъ козаковъ своего и сосѣднихъ округовъ, напалъ съ ними на послѣдній отрядъ и истребилъ его весь вмѣстѣ съ его начальникомъ, начавъ такимъ образомъ возстаніе. Войсковою

атаманъ съ оставшимися при немъ козаками успѣлъ, правда, послѣ того разбить Булавина и онъ убѣждалъ въ Запорожскую Сѣчь. Тѣмъ не менѣе возстаніе продолжало разгораться и приняло особенно широкіе размѣры, когда Булавинъ, тщетно пытавшійся поднять противъ Петра Запорожье и Крымъ, въ мартѣ 1708 г. вернулся на Донъ и сталъ во главѣ возставшихъ. Петръ вынужденъ былъ послать въ Донскую область сильный военный отрядъ и, назначивъ его начальникомъ брата погибшаго Долгорукаго, поручилъ ему жестоко покарать бунтовщиковъ. Долгорукій исполнилъ это порученіе съ такимъ рвеніемъ, что самому Петру пришлось нѣсколько сдерживать его. Возстаніе было залито потоками крови. Булавинъ, потерпѣвшій поражение и осажденный въ Черкасскѣ оставшимися вѣрными царскому правительству козаками, не захотѣлъ отдаться живымъ въ руки враговъ и застрѣлился. Одинъ изъ его сподвижниковъ, атаманъ Некрасовъ, также разбитый правительственными войсками, ушелъ съ частью своихъ приверженцевъ на Кубань, отдался подъ покровительство крымскаго хана и получилъ отъ него разрѣшеніе поселиться со своими козаками на Таманскомъ полуостровѣ. Другіе предводители возставшихъ либо сложили свои головы въ бояхъ, либо попали въ плѣнъ и были отосланы на казнь въ Москву. Въ самой Донской области, не считая погибшихъ въ битвахъ, болѣе 7.000 рядовыхъ участниковъ возстанія было разными способами предано смертной казни. При этомъ для устрашенія населенія Долгорукій спускалъ по Дону плоты съ поставленными на нихъ висѣлицами, на которыхъ качались трупы казненныхъ.

Петру приходилось такимъ образомъ вести борьбу не только на границахъ своего государства, но и внутри его, и это происходило въ то самое время, когда ему предстояла рѣшительная встрѣча съ Карломъ XII, успѣвшимъ пріобрѣсти себѣ и своей арміи славу непобѣдимости. Увѣренности въ благополучномъ исходѣ этой встрѣчи у Петра не было и онъ сталъ было искать посредника, который помогъ бы ему заключить миръ, причемъ однако непремѣннымъ условіемъ такого мира онъ ставилъ сохраненіе за собою гавани въ Финскомъ заливѣ. Но послѣ Нарвскаго пораженія 1700 г. престижъ Петра въ Западной Европѣ стоялъ очень низко и въ ней ждали, что Карлъ, успѣшно справившійся съ другими своими противниками, легко справится и съ Петромъ. Къ тому же крупныя западныя государства считали себя заинтересованными въ сохраненіи существовавшихъ на сѣверо-востокѣ Европы отношеній и недоброжелательно смотрѣли на попытку Петра утвердиться на берегу Балтійскаго моря. Желаннаго посредника Петръ поэтому не нашелъ. Тѣмъ временемъ Карлъ въ концѣ 1707 года началъ свое наступленіе. Двинувшись съ 44.000-ной арміей къ занятому русскими войсками Гродно,

онъ вынудилъ ихъ очистить этотъ городъ и, завладѣвъ имъ, остался зимовать въ Литвѣ. Не зная, куда онъ направитъ свой ударъ, Петръ долженъ былъ готовиться къ защитѣ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Онъ распорядился укрѣпить Москву, поручивъ наблюденіе надъ этими работами своему подростшему уже сыну Алексѣю, самъ уѣхалъ въ Петербургъ съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ нужды организовать оборону завоеванныхъ областей, а начальство надъ главной арміей предоставилъ Меншикову, предписавъ ему избѣгать рѣшительной битвы со шведами и стараться лишь затруднить ихъ движеніе.

Съ окончаніемъ зимы Карлъ возобновилъ свое наступленіе. Русская армія, выполняя планъ Петра, который и самъ вскорѣ прибылъ къ ней и принялъ на себя руководство ея дѣйствіями, продолжала отступать и при этомъ, стремясь отнять у шведовъ возможность добывать продовольствіе, разоряла все на своемъ пути. Преслѣдуя ее, Карлъ дошелъ до Могилева и остановился здѣсь, ожидая генерала Левенгаупта, который по его приказу велъ къ нему изъ Ливоніи 16.000 солдатъ и везъ собою большое количество военныхъ припасовъ и запасовъ продовольствія. Однако уже черезъ мѣсяць въ шведской арміи, стоявшей въ опустошенной мѣстности, сталъ чувствоваться голодъ и Карлъ, рѣшивъ не дожидаться Левенгаупта, двинулся дальше, круто повернувъ при этомъ на югъ и направившись въ лѣвобережную Малороссію. Петръ воспользовался этимъ разъединеніемъ шведскихъ силъ и, напавъ въ сентябрѣ 1708 г. на Левенгаупта при дер. Лѣсной, нанесъ ему рѣшительное пораженіе. Левенгауптъ потерялъ въ этой битвѣ и свой обозъ, и всю свою артиллерію и привелъ къ Карлу меньше половины своего отряда. Тѣмъ не менѣе Карлъ продолжалъ свой походъ въ Малороссію. Въ ней онъ рассчитывалъ найти и продовольствіе для своей арміи, и союзника для дѣйствій противъ Петра и для такого расчета у него были извѣстныя основанія.

Находясь еще въ Польшѣ, онъ при посредствѣ Станислава Лещинскаго завелъ тайныя сношенія съ малорусскимъ гетманомъ Иваномъ Мазепой. До этой поры Мазепа уже около двадцати лѣтъ правилъ Малороссіей въ качествѣ ея гетмана и втеченіе всего этого времени былъ вѣрнымъ слугою московскаго правительства, старательно подавляя происходившія иногда среди малорусскихъ козаковъ вспышки недовольства тѣми или иными мѣрами послѣдняго. Ловкій, умный и образованный человѣкъ, онъ сумѣлъ пріобрѣсти и личное расположеніе Петра, вполне довѣрившаго его преданности и не придававшего значенія получавшимся время отъ времени доносамъ на него. Но въ годы Сѣверной войны вѣрность Мазепы подверглась серьезному испытанію. Съ одной стороны, сильно увеличившаяся тяжесть козацкой службы и сопровож-

давшія ея самовластныя замашки не только Петра, но и ближайшихъ его сотрудниковъ изъ числа иностранцевъ и великороссовъ вызывали большое раздраженіе и рядового козачества, и козацкой старшины, а, съ другой, по мѣрѣ побѣды Карла Мазепа все больше терялъ вѣру въ то, что Петръ выйдетъ побѣдителемъ изъ своего единоборства съ шведскимъ королемъ. И такъ какъ побѣда послѣдняго, находившагося въ союзѣ съ Лещинскимъ, могла повлечь за собою насильственное возвращеніе лѣвобережной Малороссіи въ подданство Польши, то Мазепа послѣ нѣкотораго колебанія рѣшилъ присоединиться къ врагамъ Петра, выговоривъ для себя и управляемаго имъ края льготныя условія. Подѣлившись своимъ намѣреніемъ съ нѣкоторыми вліятельными членами старшины и встрѣтивъ съ ихъ стороны сочувствіе, онъ твердо рассчитывалъ на то, что ему удастся увлечь за собою все козацкое войско. Въ свою очередь и Карлъ послѣ сношеній съ Мазепой могъ рассчитывать, что, вступивъ въ лѣвобережную Малороссію, онъ найдетъ въ ней край, дружественный ему и враждебный Петру, и тѣмъ легче справится съ послѣднимъ.

Однако эти расчеты не оправдались. Опасаясь Петра, Мазепа велъ двойную игру и, сносясь съ Лещинскимъ и Карломъ, въ то же время увѣрялъ Петра въ своей преданности и въ томъ, что лишь тяжелая болѣзнь мѣшаетъ ему лично выступить противъ шведовъ. И только тогда, когда шведская армія уже вступила въ предѣлы лѣвобережной Малороссіи, онъ рѣшился на послѣдній шагъ и, покинувъ служившій ему столицей г. Батуринъ, присоединился къ Карлу, уведя съ собою въ шведскій лагерь находившихся при немъ членовъ старшины и около 3.000 козаковъ и оставивъ въ Батуринѣ преданный ему гарнизонъ. Но немедленно послѣ того, какъ объ этомъ уходѣ гетмана къ шведамъ стало извѣстно, Меншиковъ взялъ приступомъ Батуринъ и до-тла разорилъ его, а вслѣдъ затѣмъ созданная по приказу Петра малорусская старшина, не послѣдовавшая за Мазепой, выбрала новаго гетмана въ лицѣ указаннаго царемъ стародубскаго полковника Ивана Скоропадскаго. Мазепѣ же, какъ измѣннику, духовенство провозгласило анафему. Въ свою очередь не послѣдовало за Мазепой и рядовое козачество, среди котораго онъ благодаря своей политикѣ, направленной главнымъ образомъ на удовлетвореніе интересовъ старшины, не пользовался популярностью. Одни только запорожцы, давно уже тяготившіеся стѣсненными ихъ свободой мѣрами царскаго правительства, вслѣдъ за Мазепой присоединились къ шведской арміи, но вскорѣ и поплатились за это, такъ какъ посланный Петромъ отрядъ овладѣлъ Запорожскою Сѣчью, перебивъ оставленный ими въ гарнизонъ, и предалъ ее полному разоренію. Широкіе же массы козачества и крестьянства Малороссіи, не смотря на призывы Мазепы, остались вѣрны Петру и встрѣтили шве-

довъ враждебно, отказываясь ихъ снабжать продовольствіемъ, а при случаѣ и нападая на нихъ. Съ своей стороны русская армія, продолжая уклоняться отъ рѣшительнаго боя, вмѣстѣ съ тѣмъ не переставала беспокоить шведовъ частичными нападеными. Ко всему этому присоединились еще рано наступившіе и очень сильные холода. Въ этихъ условіяхъ зима 1708—9 г., которую Карль провелъ въ Малороссіи, значительно ослабила его армію. Все же онъ не терялъ еще надежды на конечную побѣду и съ наступленіемъ теплаго времени, стремясь открыть путь на Москву, осадилъ Полтаву. Петръ двинулъ тогда на выручку осажденнаго города свою армію и 27 іюня (8 іюля) 1709 г. разыгралась знаменитая Полтавская битва, окончившаяся полнымъ разгромомъ шведовъ. Послѣ двухчасоваго боя уцѣлѣвшая отъ смерти и плѣна часть шведской арміи обратилась въ бѣгство. Но и оно не спасло ея. Самъ Карль съ небольшимъ количествомъ шведскихъ офицеровъ и солдатъ и Мазепа съ запорожцами и оставшимися еще при немъ членами козацкой старшины успѣли переправиться черезъ Днѣпръ и укрыться въ турецкихъ владѣніяхъ. Всѣ же остальные бѣглецы были настигнуты посланнымъ въ погоню за ними русскимъ отрядомъ и должны были отдаться въ плѣнъ.

Эта побѣда, подорвавъ военное могущество Швеціи, сильно уже истощенной войною, а теперь безвозвратно потерявшей свою лучшую армію, соотвѣтственно подняла значеніе Россіи. Тогда какъ до этого въ Западной Европѣ почти не считались съ Россіей и пренебрежительно относились къ Петру, теперь такое отношеніе становилось невозможнымъ. Послѣ полтавской побѣды Петръ получилъ возможность съ успѣхомъ возобновить военныя дѣйствія на сѣверѣ и въ 1710 г. русскія войска взяли Выборгъ, Ревель и Ригу, овладѣвъ такимъ образомъ не только сѣвернымъ и южнымъ берегомъ Финскаго залива, но и Рижскимъ заливомъ. Въ то же время полтавская побѣда Петра повлекла за собою и возстановленіе прежняго союза противъ Швеціи. Августъ саксонскій немедленно послѣ этой побѣды разорвалъ свое Альтранштадтское соглашеніе съ Карломъ и при содѣйствіи посланныхъ на помощь ему Петромъ русскихъ войскъ вновь завладѣлъ польскимъ престоломъ, вынудивъ Станислава Лещинскаго укрыться въ Швеціи, откуда онъ позднѣе переѣхалъ во Францію. Возобновилъ Августъ и свой союзный договоръ съ Петромъ, получивъ зато отъ послѣдняго обѣщаніе уступить ему при заключеніи мира съ Швеціей Ливонію. Равнымъ образомъ и Данія вновь вступила въ союзъ съ Россіей и открыла неприязненныя дѣйствія противъ Швеціи, стремясь овладѣть шведской Помераніей. Съ своей стороны мелкія сѣверо-германскія государства, какъ Ганноверъ, Пруссія, Мекленбургъ и другія, не рѣшаясь пока прямо вступить въ борьбу съ шведами, все же старались установить дружественныя связи съ Россіей,

видя въ ней явную преемницу могущества Швеціи, готовую унаслѣдовать роль послѣдней на сѣверо-востокѣ Европы.

Иначе отнеслись къ послѣдствіямъ полтавской битвы крупныя западныя государства, въ частности тѣ, которымъ принадлежало тогда господство на моряхъ, — Англія, Голландія и Франція. Опасаясь, что утверженіе Россіи на Балтійскомъ побережьѣ неблагопріятно отразится на ихъ торговлѣ и дастъ современемъ русскимъ возможность явиться ихъ соперниками на морѣ, они не склонны были мириться съ созданнымъ этой битвой ослабленіемъ Швеціи и усиленіемъ Россіи. Не выступая сами прямо противъ послѣдней, англичане и голландцы старались возможно болѣе охладить къ ней Австрію, настойчиво указывая императору, что усиленіе Россіи повлечетъ за собою серьезныя опасности для Германіи. Съ своей стороны Франція, связанная дружественнымъ договоромъ съ Швеціей, стремилась поднять противъ нея Турцію. О томъ же хлопоталъ и Карлъ XII, упорно остававшійся въ Турціи и всѣми силами старавшійся возбудить у турокъ подозрѣнія и вражду противъ Россіи. Турецкое правительство и само было недоволено ею. Его раздражали и вызывали у него опасенія и настоянія Петра о разрѣшеніи русскимъ кораблямъ плаванія по Черному морю, и постройка русскихъ крѣпостей близъ русско-турецкой границы, и большое вліяніе, пріобрѣтенное Петромъ въ Польшѣ. Въ силу этого турецкіе министры легко поддавались увѣщаніямъ Карла и французскаго посла и усваивали себѣ въ сношеніяхъ съ Россіей все болѣе вызывающій тонъ. Петръ, которому полтавская побѣда прибавила много самоувѣренности, рѣшился положить конецъ такому положенію вещей и въ исходѣ 1710 года объявилъ войну Турціи. При этомъ однако онъ повторилъ ошибку Карла XII. Положившись на поддержку, обѣщанную Августомъ, и на секретные договоры съ молдавскимъ и валашскимъ господарями, согласившимся перейти подъ русскій протекторатъ, и постаравшись съ своей стороны поднять противъ турокъ черногорцевъ, онъ смѣло ввелъ въ турецкія владѣнія армію, въ которой было около 40.000 солдатъ. При этомъ онъ надѣялся перейти Дунай раньше турокъ и рассчитывалъ, что въ этомъ случаѣ оба государя, равно какъ сербы и болгары, присоединятся къ нему, а въ тылу у турковъ вспыхнетъ возстаніе другихъ подвластныхъ имъ христіанскихъ народностей. Но всѣ эти расчеты оказались ошибочными. При всѣхъ усиліяхъ Петра его армія могла двигаться въ степяхъ лишь крайню медленно, турки успѣли раньше его перейти Дунай и влшкій господарь не рѣшился въ виду ихъ присоединиться къ русскимъ. Помощи отъ Августа также не было получено, молдавскій господарь Кантемиръ привелъ съ собою ничтожныя силы и на берегу рѣки Прута армія Петра была окружена турецкимъ войскомъ, впятеро превышавшимъ ее

своею численностью. Отрѣзанная отъ рѣки и лишенная возможности добывать себѣ продовольствіе, русская армія не могла долго выдерживать осаду, но не могла и пробиться черезъ многочисленное вражеское войско. Съ другой стороны однако первыя атаки турокъ на русскій лагерь не имѣли никакого успѣха и стоили имъ такъ дорого, что въ рядахъ турецкаго войска началось волненіе. Частью это обстоятельство, частью богатые подарки, посланные Петромъ начальствовавшему надъ турками великому визирю, повели къ тому, что послѣдній согласился вступить въ мирныя переговоры и поставилъ сравнительно льготныя условія мира. Петръ готовъ былъ въ крайнемъ случаѣ вернуть Турціи и Швеціи всѣ свои завоеванія и даже отдать шведамъ Псковъ, лишь бы удержать за собою Ингрію и Петербургъ. Но визирь не пошелъ такъ далеко и предъявилъ гораздо болѣе мягкія требованія: Петръ долженъ былъ лишь обязаться вернуть Турціи Азовъ, срыть безпокоившія ее крѣпости на границѣ, не вмѣшиваться во внутреннія дѣла Польши и предоставить Карлу XII свободный проѣздъ черезъ польскія земли въ его владѣнія. Принявъ эти условія, Петръ получилъ возможность вернуться съ своей арміей въ Россію. Разочарованный такимъ исходомъ войны Карлъ обратился съ жалобой къ султану и въ результатъ этой жалобы заключившій мирное соглашеніе визирь былъ казненъ. Тѣмъ не менѣе само это соглашеніе не было нарушено Турціей и три года спустя Петру удалось добиться его подтвержденія и заключить на тѣхъ же условіяхъ „вѣчный миръ“ съ султаномъ.

Сравнительно благополучно выйдя изъ своей прутской авантюры, Петръ все же долженъ былъ такимъ образомъ въ результатъ ея окончательно отказаться отъ надежды утвердиться на берегахъ Азовскаго и Чернаго морей. Тѣмъ съ бѣльшимъ упорствомъ продолжалъ онъ свою борьбу за доступъ къ морю на сѣверѣ. Ослабленной Швеціи не помогло и то, что Карлъ, въ концѣ концовъ насильственно высланный Турціей, въ 1714 г. вернулся на родину. Въ 1713—15 г.г. русскія войска, почти не встрѣчая сопротивленія, овладѣли всей Финляндіей, а въ 1714 г. при Гангудѣ Петръ во главѣ своего молодого балтійскаго флота одержалъ блестящую побѣду надъ шведскимъ флотомъ. Эти успѣхи вновь подняли поколебленный было прутскимъ походомъ Петра престижъ Россіи и къ прежнимъ союзникамъ ея противъ Швеціи прибавились еще новые въ лицѣ Пруссіи и Ганновера. Съ своей стороны Петръ старался закрѣпить завязывавшіяся у него связи съ западно-европейскими владѣтелями и путемъ родственныхъ союзовъ. Еще въ 1710 г. онъ выдалъ одну изъ своихъ племянницъ, дочерей его брата Ивана, Анну Ивановну, за герцога курляндскаго. Черезъ годъ онъ женилъ своего сына, царевича Алексѣя, на вольфенбюттельской принцессѣ Софіи —

Шарлоттѣ, а въ 1716 г. выдалъ другую свою племянницу, Екатерину Ивановну, за мекленбургскаго герцога и оказался такимъ образомъ въ родствѣ съ нѣсколькими мелкими нѣмецкими владѣтельными домами и въ свойствѣ — черезъ жену своего сына — съ императоромъ, считавшимся главою Германіи.

Эти родственныя связи и вновь заключенные союзы мало помогали однако Петру въ достиженіи основной его цѣли. Его союзники, стремясь отнять у Швеціи ея владѣнія на южныхъ берегахъ Балтійскаго моря, въ то же время боялись попасть въ зависимость отъ Россіи, не довѣряли самому Петру и своими колебаніями затрудняли рѣшительныя дѣйствія. Дѣло дошло до того, что раздосадованный Петръ принялъ предложеніе министра Карла XII, барона Гёрца, вступить въ переговоры о сепаратномъ мирѣ Россіи съ Швеціей и въ 1718 г. такіе переговоры, дѣйствительно, были начаты. Ихъ прервала смерть Карла, убитаго при осадѣ норвежской крѣпости Фридрихсгамъ. Провозглашенная послѣ этой смерти шведской королевой сестра Карла, Ульрика-Элеонора, отказалась признать за Петромъ его завоеванія и даже послѣ того, какъ русскія войска, высадившись въ 1719 г. въ самой Швеціи, опустошили окрестности Стокгольма, соглашалась уступить Россіи только Эстонію. Когда Петръ отвергъ это предложеніе, шведское правительство предпочло заключить при помощи дружественной Англіи миръ съ другими своими противниками и продолжать войну съ Россіей.

Одинъ за другимъ союзники, дѣйствительно, покинули Петра. Августъ, при содѣйствіи Петра вернувшій себѣ польскій престолъ, стремился сдѣлать его наслѣдственнымъ въ саксонскомъ домѣ и готовъ былъ ради этого отдать часть польскихъ владѣній Россіи и Пруссіи, проектируя такимъ образомъ раздѣлъ Польши. У прусскаго короля проектъ такого раздѣла встрѣтилъ сочувствіе, но Петръ рѣшительно отклонилъ его, предпочитая держать всю Польшу подъ своимъ вліяніемъ. Въ этихъ видахъ онъ оказалъ не менѣе рѣшительное противодѣйствіе и плану обращенія Польши въ наслѣдственное владѣніе саксонскихъ курфюрстовъ и, поддержавъ недовольныхъ Августомъ польскихъ дворянъ, выступилъ въ роли посредника между ними и королемъ и охранителя существовавшей польской конституціи. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ воспользовался пріобрѣтеннымъ имъ въ Польшѣ вліяніемъ и перевѣсомъ своихъ силъ надъ нею, чтобы взять подъ свое покровительство имѣвшееся въ ней православное населеніе, принадлежавшее къ русской національности и испытывавшее притѣсненія со стороны католиковъ. Все это вызвало охлажденіе между нимъ и Августомъ и послѣдній прекратилъ свою борьбу со Швеціей, заключивъ съ нею миръ. За нимъ послѣдовалъ, поддавшись настроеніямъ Англіи, Франціи и Австріи, прусскій король. Въ 1720 г. онъ также помирился съ Швеціей,

получивъ отъ нея Штетинъ. Въ томъ же году и Данія, еще годомъ раньше установившая перемиріе съ Швеціей, заключила окончательно миръ съ нею, вернувъ ей свои завоеванія въ Помераніи, но удержавъ за собою Шлезвигъ.

Вслѣдъ затѣмъ Англія попыталась оказать прямое воздѣйствіе на Россію и въ 1720 г. въ Балтійскомъ морѣ появилась англійская эскадра, начальнику которой было поручено прикрыть отъ русскихъ нападеній берега Швеціи и предложить враждующимъ сторонамъ свое посредничество. Съ русской стороны однако это предложеніе было отвергнуто и въ то же время русскіе отряды вновь высадились въ Швеціи и произвели въ ней большія опустошенія. Въ слѣдующемъ году англійское правительство опять прислало эскадру въ Балтійское море, но и на этотъ разъ ея появленіе не помѣшало отправленному Петромъ отряду сжечь въ Швеціи нѣсколько сотъ деревень и три города. Это заставило, наконецъ, Швецію пойти на уступки и 30 августа (10 сентября) 1721 г. русскими уполномоченными Брюсомъ и Остерманомъ подписанъ былъ въ г. Ништадтѣ мирный договоръ, по которому Россія получила Ливонію, Эстонію, острова Дазо и Эзель, Ингрію и часть Кареліи съ Выборгомъ и возвращала Швеціи остальную занятую было русскими войсками часть Финляндіи. Затянувшаяся на 21 годъ война закончилась такимъ образомъ полной побѣдой Россіи надъ вѣковой ея противницей, Швеціей. Россія не только пріобрѣла для себя выходъ въ Балтійское море и тѣмъ самымъ болѣе легкій и удобный путь сношеній съ странами Запада, но и стала наиболѣе сильнымъ государствомъ на сѣверѣ Европы, войдя такимъ образомъ въ рядъ великихъ европейскихъ державъ. Это новое ея положеніе нашло себѣ и внѣшнее выраженіе. Послѣ заключенія Ништадтскаго мира русскій сенатъ, являвшійся тогда высшимъ учрежденіемъ въ государствѣ, поднесъ Петру титулы Отца отечества, Великаго и Императора. Петръ принялъ послѣдній изъ этихъ титуловъ и съ этого времени русское государство стало именоваться Всероссійской Имперіей, а его глава императоромъ.

Войною съ Швеціей не закончился однако рядъ войнъ, какія пришлось вести Россіи при Петрѣ. Въ тотъ моментъ, когда эта война на сѣверо-западѣ стала окончательно принимать благопріятный для Россіи оборотъ, Петръ уже задумывался надъ возможностью расширенія границъ своего государства на юго-востокѣ. Отправляя въ 1715 г. посла въ Персію, онъ поручилъ ему составить описаніе этой страны и проходящихъ въ ней, въ частности въ ея прикаспійскихъ провинціяхъ, путей и разузнать, нѣтъ ли у ея рѣкъ, впадающихъ въ Каспійское море, связи съ Индіей. Въ слѣдующемъ году онъ послалъ на восточный берегъ Каспійскаго моря кн. Бековича-Черкаскаго съ отрядомъ въ 3.000 человекъ и съ приказомъ построить на этомъ берегу двѣ крѣпости, разслѣдовать черезъ

особаго посланнаго путь въ Индію и убѣдить хановъ Хивы и Бухары принять русскій протекторатъ. Это послѣднее порученіе закончилось трагически: отрядъ Бековича-Черкаскаго былъ вѣроломно истребленъ хивинцами и самъ предводитель этого отряда былъ убитъ. Послѣ того новыхъ попытокъ подчинить себѣ Хиву и Бухару Петръ уже не предпринималъ. Но своихъ видовъ на персидскія провинціи, прилегавшія къ Каспійскому морю, онъ не оставилъ. Всего черезъ годъ послѣ окончанія войны со Швеціей, воспользовавшись внутренней смутой въ Персіи, онъ съ большимъ войскомъ, въ которомъ было до 35.000 регулярныхъ солдатъ и матросовъ, около 20.000 козаковъ и около 50.000 калмыковъ и татаръ, предпринялъ изъ Астрахани по сушѣ и по морю походъ къ Дербенту и взялъ этотъ городъ. Самъ Петръ послѣ этого вернулся въ Петербургъ, но оставленное имъ войско по его приказу продолжало походъ и въ серединѣ 1723 года взяло Баку. Осенью того же года съ персидскимъ посломъ въ Петербургъ заключенъ былъ договоръ, по которому Петръ обѣщалъ оказать помощь новому персидскому шаху Тахмасибу и за то получалъ въ свое обладаніе западное и южное побережье Каспійскаго моря (Дербентъ, Баку и провинціи Гилянъ, Мазандеранъ и Астрабадъ). Въ Персіи отказывались признать этотъ договоръ, но Петръ успѣлъ удержать за собой сдѣланныя завоеванія. Такъ въ результатъ этой новой войны, окончившейся всего за полтора года до смерти Петра, русскія владѣнія захватили и западный берегъ Каспійскаго моря. Въ конечномъ итогѣ царствованіе Петра принесло такимъ образомъ съ собою значительное расширеніе территоріи русскаго государства и на сѣверо-западѣ, и на юго-востокѣ, но это расширеніе куплено было цѣною войнъ, длившихся почти безъ перерыва втеченіе чуть не 30 лѣтъ. И эти войны повлекли за собою рядъ существенныхъ переменъ во внутреннемъ строѣ государства.

Военная реформа. Первой изъ этихъ переменъ были измѣненія, происшедшія въ устройствѣ русскаго войска и коснувшіяся какъ способа его составленія, такъ и порядка отбыванія имъ службы.

Къ началу самостоятельнаго правленія Петра военныя силы Московскаго государства состояли, не считая козацкихъ и инородческихъ ополченій, съ одной стороны, изъ конной дворянской милиціи, съ другой — изъ стрѣлцкой пѣхоты и изъ прошедшихъ нѣкоторую выучку по иноземному образцу солдатскихъ, рейтарскихъ и драгунскихъ полковъ, число которыхъ, впрочемъ, сильно уменьшилось въ годы правленія царицы Натальи. За исключеніемъ стрѣльцовъ, главная масса этихъ войскъ въ мирное время и въ промежутки между походами распускалась по домамъ, стрѣльцы же и въ мирное время оставались на службѣ, но она не мѣшала имъ въ это

время отдаваться и другимъ занятіямъ и жить въ своихъ семьяхъ. Съ окончательнымъ переходомъ власти въ руки Петра къ этимъ войскамъ прибавились еще его бывшіе „потѣшныя“, составлявшіе къ этой порѣ два регулярные полка, Преображенскій и Семеновскій, которые стали играть роль царской гвардіи. Съ этими силами Петръ и велъ свою первую войну съ Турціей. Но уже къ началу Сѣверной войны въ составѣ ихъ произошли существенныя измѣненія.

Стрѣлецкое войско Петромъ послѣ его возвращенія изъ заграницы въ 1698 г. было уничтожено. Съ другой стороны на дворянскую милицію, какъ на боевую силу, онъ мало полагался и уже во время своихъ азовскихъ походовъ пользовался ею не для осады Азова, бывшаго главною цѣлью войны, а для дѣйствій противъ мелкихъ турецкихъ крѣпостей на Днѣпрѣ. Поэтому, готовясь къ войнѣ съ Швеціей, онъ позаботился создать армію другого типа, привлеки въ нее кромѣ дворянъ, частью путемъ призыва охотниковъ, частью путемъ принудительнаго набора, и людей другихъ общественныхъ классовъ, горожанъ, крестьянъ и даже холоповъ, которымъ дано было право вступить охотниками въ войско безъ согласія ихъ хозяевъ. Послѣ разгрома этой на-скоро собранной и на-скоро обученной арміи подъ Нарвой она была воссоздана при помощи новаго призыва охотниковъ и новаго набора и вслѣдъ затѣмъ, такъ какъ въ походахъ и бояхъ она быстро таяла, для ея пополненія стали производиться ежегодные наборы, при которыхъ съ опредѣленнаго числа — по большей части съ 20-ти — дворовъ крестьянъ и горожанъ брался одинъ рекрутъ. Первоначально эти рекруты направлялись прямо въ армію, но черезъ нѣкоторое время былъ установленъ другой порядокъ: взятыхъ съ населенія рекруты собирали въ опредѣленныхъ пунктахъ, обучали здѣсь приемамъ и порядкамъ солдатской службы и уже послѣ этого предварительнаго обученія отправляли въ армію, гдѣ они замѣщали собою выбывшихъ изъ нея солдатъ или входили въ составъ вновь образуемыхъ полковъ. При этомъ, такъ какъ война шла безъ перерыва, армія все время находилась на походномъ положеніи и какъ бы сама собою безъ особаго на то указа, обратилась въ постоянную. Однажды взятый на военную службу рекрутъ долженъ былъ отдавать ей все свое время и могъ освободиться отъ нея только въ результатѣ тяжелыхъ ранъ, увѣчья, серьезной болѣзни или, наконецъ, дряхлости, дѣлавшихъ его неспособнымъ къ дальнѣйшему пребыванію въ строю.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ силу требованій, предъявлявшихся войною, быстро выростала и численность арміи. Ростъ этотъ покупался цѣною тяжелыхъ жертвъ со стороны населенія. За время, прошедшее отъ нарвской битвы до полтавской, т. е. съ 1700 г. по 1709 г., съ населенія взято было въ армію путемъ призывовъ охотниковъ и принудительныхъ наборовъ до

300.000 человекъ. Около двухъ третей ихъ за это время либо сложили свои головы въ бояхъ, либо погибли отъ болѣзней, развивавшихся въ суровой обстановкѣ тогдашней службы, либо, наконецъ, бѣжали съ этой службы. Но все же вмѣсто 40.000-ной арміи, какою располагалъ Петръ въ началѣ Сѣверной войны, онъ къ 1709 г. имѣлъ армію, численность которой превышала 100.000 человекъ, и эта армія подъ Лѣснымъ и Полтавой показала себя способной помѣряться силами съ считавшейся лучшей въ тогдашней Европѣ шведской арміи. Послѣ полтавской побѣды наиболѣе критическій періодъ войны миновалъ. Однако война продолжалась и притомъ вести ее приходилось теперь далеко отъ русскихъ границъ. Продолжала поэтому существовать и нужда въ пополненіи и увеличеніи арміи, продолжались и ежегодные рекрутскіе наборы и только размѣры ихъ нѣсколько сократились и рекрута брали не съ 20 дворовъ, а съ бѣльшаго изъ количества, разнообразившагося въ зависимости отъ потребностей даннаго года. Во всякомъ случаѣ въ результатѣ этихъ наборовъ численность арміи все время повышалась.

За время царствованія Петра такимъ образомъ въ сравнительно короткій срокъ осуществлено было то преобразование военныхъ силъ государства, къ какому медленно и робко, какъ бы ощупью, шли предшествовавшія Петру правительства втеченіе XVII вѣка. Русская армія въ главной своей массѣ была преобразована въ постоянную и при этомъ государство, не отказываясь отъ службы въ ней т. н. служилыхъ людей, привлекло къ постоянному участию въ этой службѣ и другіе общественные классы, горожанъ и крестьянъ. На южной и восточной окраинахъ государства сохранялись козацкія и инородческія не-регулярныя войска, общее число которыхъ доходило до 110.000 человекъ. Но наряду съ этимъ въ рядахъ регулярной арміи къ концу Петровскаго царствованія насчитывались 212.000 человекъ. Кромѣ того, создана была и другая военная сила, отсутствовавшая въ старомъ Московскомъ государствѣ, — флотъ. Начатый было постройкой бѣломорскій флотъ Петръ забросилъ, когда рѣшилъ пробиваться къ берегамъ Азовскаго моря. Въ свою очередь азовскій флотъ былъ уничтоженъ, когда взятый было Азовъ пришлось вернуть Турціи. Зато съ овладѣніемъ берегами финскаго залива построенъ былъ балтійскій флотъ. Къ 1725 г. въ немъ числилось 48 кораблей и 800 галеръ, на которыхъ было 28.000 человекъ экипажа.

Это переустройство военныхъ силъ государства, увеличивъ его внѣшнюю мощь, вмѣстѣ съ тѣмъ повлекло за собою значительное повышеніе его расходовъ. Новая, регулярная армія, находившаяся всецѣло на иждивеніи правительства получавшая отъ него свое обмундированіе, вооруженіе, продовольствіе и постоянное, хотя и небольшое, жалованье, об-

ходилась много дороже, чѣмъ прежняя московская армія. При ц. Федорѣ, въ 1680 г. военные расходы Московскаго государства достигли 750.000 р. и составляли половину всего государственнаго бюджета. Къ концу Петровскаго царствованія на содержаніе арміи тратилось въ годъ болѣе 5 милліоновъ рублей и на флотъ около 1¹/₂ милліона, и общая сумма этихъ расходовъ, принимая даже во вниманіе происшедшее за это время значительное пониженіе цѣнности русскихъ денегъ, разъ въ пять превышала сумму военныхъ расходовъ 1680 г. Въ-стѣ съ тѣмъ въ бюджетѣ конца Петровскаго царствованія эти военные расходы составляли уже не половину, а двѣ трети всѣхъ государственныхъ расходовъ.

Административная реформа. Параллельно съ измѣненіями въ организаціи войска и въ значительной мѣрѣ въ связи съ ними Петромъ произведенъ былъ и рядъ измѣненій въ органахъ управленія государствомъ. Болѣе или менѣе законченный и систематическій характеръ эти измѣненія получили однако только въ послѣдніе годы царствованія Петра. На первыхъ же порахъ, будучи всецѣло поглощенъ заботами войны, онъ не удѣлялъ большого вниманія вопросамъ внутренняго управленія и лишь подъ давленіемъ обстоятельствъ, по большей части безъ заранѣе составленнаго плана, производилъ тѣ или иныя перестройки въ доставшемся ему отъ предшественниковъ административномъ аппаратѣ. Нерѣдко онѣ оказывались при этомъ недостаточно обдуманнми и мало согласованными одна съ другой, требовали дальнѣйшихъ измѣненій и только постепенно изъ этихъ частичныхъ перестроекъ и поправокъ къ нимъ складывался новый порядокъ управленія.

Въ началѣ Петровскаго царствованія во главѣ центральныхъ учрежденій государства продолжала стоять боярская дума. Но она уже въ правленіе сестры и матери Петра утратила немалую долю прежняго своего значенія и обратилась въ почти безгласный совѣтъ при отдѣльныхъ лицахъ, пользовавшихся полнымъ довѣріемъ правительницъ. Такое положеніе сохранилось первоначально и при Петрѣ, найдя себѣ къ тому же поддержку въ частыхъ и продолжительныхъ отлучкахъ молодого царя изъ Москвы. Затѣмъ однако и въ характерѣ дѣятельности, и въ самомъ составѣ думы произошло новое измѣненіе. Съ началомъ Сѣверной войны, во время которой Петръ, постоянно переѣзжая изъ одного конца государства въ другой, лишь изрѣдка, и то на короткое время бывалъ въ Москвѣ, дума окончательно лишилась возможности обсуждать совмѣстно съ царемъ, какъ это практиковалось раньше, вопросы законодательнаго характера и за нею осталась только распорядительная власть въ дѣлахъ администраціи и государственнаго хозяйства. Сообразно этому и въ составѣ думы вошли по преимуществу лица, вѣдавшія от-

дѣльныя отрасли управленія, министры, какъ началъ называть этихъ лицъ Петръ. Съ теченіемъ времени и собраніе ихъ стало называться министерскимъ совѣтомъ („министерской консиліей“). Такое отдѣленіе боярскаго собора отъ царя потребовало установленіе контроля послѣдняго надъ первымъ и въ 1707 г. царскій указъ предписалъ членамъ совѣта собираться три раза въ недѣлю и непременно вести протоколы своихъ засѣданій, „ибо симъ, говорилось въ указѣ, всякаго дурость явлена будетъ“.

Наряду съ этимъ постепенно создавшимся измѣненіемъ боярскаго думы въ первые годы Петровскаго царствованія произведена была и другая перемѣна въ администраціи, коснувшаяся и мѣстныхъ, и центральныхъ учреждений. Въ 1698 г., когда Петръ находился еще за границей, оставленное имъ въ Москвѣ боярское правительство рѣшило, въ цѣляхъ болѣе успешнаго сбора налоговъ, предоставить городамъ право замѣнять назначенныхъ изъ центра воеводъ выбранныхъ властями изъ мѣстныхъ людей. Вернувшись на родину, Петръ одобрилъ это распоряженіе, но сдѣлалъ къ нему два дополненія. Съ одной стороны, онъ далъ такимъ избираемымъ на мѣстахъ властямъ иноземное названіе „бурмистровъ“, съ другой, потребовалъ, чтобы желающіе воспользоваться предоставленной льготой города платили двойные налоги. Однако подавляющее большинство городовъ отказалось отъ предложенной имъ на этомъ условіи реформы, ссылаясь одни на то, что имъ не подъ силу платить двойные налоги, другіе на то, что они не могутъ найти въ своей средѣ людей, способныхъ взять на себя дѣло управленія и суда. Тогда Петръ отказался отъ требованія двойныхъ налоговъ и вмѣстѣ съ тѣмъ объявилъ выборъ бурмистровъ обязательнымъ во всѣхъ городахъ. При этомъ бурмистры провинціальныхъ городовъ подчинялись бурмистрамъ, которыхъ должно было выбирать московское купечество и которые объединялись подъ предсѣдательствомъ назначеннаго правительствомъ лица въ учрежденіи, получившемъ названіе Ратуши. Въ эту ратушу провинціальные бурмистры обязывались доставлять и всѣ взимавшіеся ими съ горожанъ и черносошныхъ крестьянъ сборы, общая сумма которыхъ составляла около половины тогдашняго государственнаго бюджета. Ратуша являлась такимъ образомъ не столько учрежденіемъ, предназначеннымъ возглавлять городское самоуправленіе, сколько чѣмъ-то вродѣ министерства финансовъ, весьма, правда, несовершеннаго, но все же представлявшаго шагъ впередъ по сравненію съ прежнимъ порядкомъ собиранія государственныхъ доходовъ въ рядѣ самыхъ разнообразныхъ приказовъ. Создавая ее въ періодъ подготовки войны съ Швеціей, Петръ и предполагалъ употреблять сосредоточенныя въ ней средства по преимуществу на военные расходы.

Однако существованіе Ратуши въ первоначальномъ ея

видѣ оказалось непродолжительнымъ. До ея созданія Петръ порою принималъ въ сферѣ управленія мѣры иного рода, менѣе широкія, но вмѣстѣ болѣе согласованныя съ практикой предшествовавшихъ ему правительствъ. Задумавъ въ 1693—4 г. постройку флота въ Архангельскѣ, онъ поручилъ завѣдываніе ею одному изъ близкихъ къ нему людей, Ф. Апраксину, и отдалъ для этой цѣли въ его управленіе рядъ прилегавшихъ къ Архангельску городовъ и уѣздовъ съ ихъ доходами. Начавъ затѣмъ въ 1695 г. строить предназначенный для осады Азова флотъ въ Воронежѣ, онъ перевелъ Апраксина сюда и опять подчинилъ ему большой округъ, доходы съ котораго должны были идти главнымъ образомъ на постройку и содержаніе флота. Когда Азовъ былъ взятъ, центръ округа былъ перенесенъ въ него и округъ этотъ и въ дальнѣйшемъ сохранилъ свой особый характеръ и свое управленіе, не войдя и послѣ созданія Ратуши въ ея вѣдомство. Но и съ ея созданіемъ не прекратилось образованіе такихъ округовъ, изъятыхъ изъ ея вѣдѣнія. Послѣ того, какъ русскія войска въ 1703 г. заняли Ингерманландію, Петръ поставилъ во главѣ ея Меншикова, давъ ему титулъ губернатора и вмѣстѣ съ тѣмъ предоставилъ ему широкія полномочія въ сферѣ военнаго, гражданскаго и финансоваго управленія. Черезъ нѣкоторое время происшедшее въ Астрахани возстаніе привлекло вниманіе Петра къ юго-восточной окраинѣ и одновременно съ подавленіемъ этого возстанія онъ перенесъ управленіе нижнимъ Поволжьемъ, вѣдавшееся раньше приказомъ Казанскаго дворца въ Москвѣ, въ Казань, назначивъ и здѣсь губернатора съ аналогичными полномочіями. Подобнымъ же образомъ въ 1706 г., когда надо было ждать вторженія Карла XII въ Россію, Петръ, озабоченный укрѣпленіемъ и обороной западной границы, назначилъ губернаторовъ въ Смоленскѣ и Кіевѣ, приписавъ къ каждому изъ этихъ городовъ большой округъ.

Къ 1707 году такимъ образомъ на значительной части территоріи государства были образованы крупные округа, во главѣ которыхъ царемъ были поставлены, по большей части изъ числа ближайшихъ его сотрудниковъ, лица, которыя должны были вѣдать въ этихъ округахъ военныя, административныя и финансовыя дѣла. Въ этого порядка оставались только старый московскій центръ и восточная окраина государства — Сибирь

Въ 1708 г. новый порядокъ былъ распространенъ и на эти мѣстности и Петръ предписалъ распредѣлить всѣ города и уѣзды государства между восемью губерніями: Московскою, Ингерманландскою (позднѣе переименованной въ Петербургскую), Смоленскою, Кіевскою, Архангельскою, Казанскою, Сибирскою и Азовскою. Послѣдняя вскорѣ, впрочемъ, была раздѣлена на двѣ, Азовскую и Воронежскую, и тогда губерній стало девять. Рѣшеніе всѣхъ важнѣйшихъ дѣлъ мѣстнаго управленія

было перенесено въ эти губерніи и въ результатъ московская Ратуша, первоначальное значеніе которой было уже сильно сокращено предшествовавшими частными мѣрами, окончательно потеряла его и была сведена на положеніе московскаго городского учрежденія. Намѣчавшаяся было централизація государственныхъ финансовъ, сопровождавшаяся управленіемъ на мѣстахъ при помощи выборныхъ людей, уступила такимъ образомъ свое мѣсто рѣшительной децентрализаціи управленія, построеннаго притомъ на чисто бюрократическомъ началѣ. На первыхъ порахъ сдѣлана была, правда, попытка сохранить въ мѣстномъ управленіи и выборный элементъ и Петръ предписалъ было въ каждой губерніи образовать при губернаторѣ совѣтъ выборныхъ отъ мѣстнаго дворянства, которымъ дано было названіе „ландратовъ“. Въ этомъ совѣтѣ губернаторъ долженъ былъ, по словамъ указа, вести себя „не яко властитель, но яко президентъ“. Однако эта попытка потерпѣла неудачу. Такъ какъ всѣ взрослые дворяне находились на службѣ то выбирать въ губерніяхъ ландратовъ было некому и правительству пришлось назначать ихъ самому изъ числа отставленныхъ отъ военной службы дворянъ. Съ другой стороны, измѣнилась и роль ландратовъ. Губерніи представляли собою черезчуръ большіе округа. Въ виду этого онѣ были подраздѣлены на провинціи, въ которыхъ обычно объединялось по нѣскольку уѣздовъ, а сверхъ того, ради удобства въ распределеніи повинностей и сборовъ между губерніями, раздѣлены на „доли“, сравнительно мелкія територіальныя единицы, въ каждой изъ которыхъ должно было насчитываться 5536 дворовъ. Ландраты и стали начальниками этихъ долей, подчиненными губернатору, и должны были съѣзжаться на совѣтъ къ нему только на два мѣсяца въ году, причемъ, конечно, и въ этомъ совѣтѣ не могли держать себя сколько-нибудь независимо. На практикѣ такимъ образомъ губернаторы остались единоличными правителями губерній.

Осуществленіе этой губернской реформы затянулось до 1712 г. Но еще раньше, чѣмъ оно было закончено, Петромъ произведена была новая перемѣна и въ области центрального управленія. Стоявшая во главѣ его министерская консилія плохо справлялась съ своимъ дѣломъ, такъ какъ ея члены въ большинствѣ своемъ, помимо участія въ ней, несли и другія обязанности и благодаря имъ нерѣдко даже вынуждены были подолгу отсутствовать изъ Москвы. Въ то же время частыя отлучки изъ нея самого царя еще болѣе обостряли нужду въ постоянно дѣйствующемъ высшемъ административномъ и судебномъ учрежденіи. Въ 1711 г., отправляясь въ Прутскій походъ, Петръ и создалъ учрежденіе такого типа, давъ ему имя сената. „Для отлучекъ нашихъ — говорилось въ изданномъ по этому поводу указѣ — опредѣлили быть Правительствующій Сенатъ для управленія“. Назначивъ членами этого

сената девять человекъ изъ числа сравнительно второстепенныхъ своихъ сотрудниковъ, Петръ поручилъ имъ дѣла управленія и суда и заботы о финансахъ и войскѣ и предписалъ всѣмъ своимъ подданнымъ во время его отсутствія слушаться сената, какъ его самого. вмѣстѣ съ тѣмъ однако главнымъ своимъ сотрудникамъ по военной и дипломатической части, „верховнымъ персонамъ“, онъ предоставилъ право давать сенату въ связи съ этими дѣлами указы „именемъ его царскаго величества“, равносильные приказамъ самого царя. Съ другой стороны, вслѣдъ за образованіемъ сената созданъ былъ особый органъ контроля надъ администраціей. Специальнымъ указомъ при сенатѣ учреждена была должность оберъ-фискала, который обязанъ былъ тайно наблюдать за дѣйствіями администраціи, не исключая и сенаторовъ, и обо всѣхъ замѣченныхъ имъ злоупотребленіяхъ, въ особенности такихъ, какія влекли за собою убытки для государственной казны, немедленно доносить сенату или самому царю. Доказавъ правильность своего доноса, онъ получалъ половину штрафа, наложеннаго на виновнаго, но наряду съ этимъ и доносъ, оказавшійся неосновательнымъ, не повлекалъ никакого наказанія на доносителя. Въ помощь оберъ-фискалу была придана цѣлая сѣть подчиненныхъ ему фискаловъ, на тѣхъ же началахъ наблюдавшихъ за дѣятельностью администраціи въ отдѣльныхъ учрежденіяхъ и въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ.

Поставленный такимъ образомъ сенатъ на первыхъ порахъ являлся какъ бы временной комиссіей. Однако въ виду необходимости въ высшемъ учрежденіи, которое могло бы объединять и направлять дѣятельность администраціи, онъ сохранился и послѣ возвращенія Петра изъ Прутскаго похода. Но скоро выяснилось, что и существованіе сената само по себѣ еще не обезпечивало достиженія данной цѣли. Съ осуществленіемъ губернской реформы 1708—12 гг., передавшей все управленіе и государственное хозяйство на мѣстахъ губернаторамъ, значительная часть старыхъ московскихъ приказовъ, и въ особенности тѣхъ изъ нихъ, которые вѣдали опредѣленные области, потеряла свое значеніе и была упразднена. Послѣдствія этого разрушенія прежнихъ центральныхъ учрежденій, не сопровождавшася замѣной ихъ какими-либо другими, не заставили себя ждать. Сенатъ оказался заваленнымъ массою дѣлъ и не могъ справиться съ ними, а губернаторы, въ значительной степени оставшіеся безъ руководства и почти не знавшіе контроля надъ собою, нерѣдко распоряжались въ своихъ губерніяхъ совершенно произвольно. Въ результатѣ дѣла управленія и государственнаго хозяйства приходили все въ бѣльшее разстройство и благодаря этому на первыхъ же порахъ дѣйствія порядка, созданнаго преобразованіями 1708—12 гг., явилась мысль о необходимости новой реформы, направленной прежде всего къ возсозданію на иныхъ началахъ системы центральныхъ учрежденій.

Реформа эта осуществилась однако не сразу и проводилась она не такъ торопливо, какъ предыдущія. Къ данному времени Петръ имѣлъ уже больше опыта въ дѣлахъ внутренняго управленія и больше досуга для занятія ими. Вмѣстѣ съ тѣмъ благодаря своимъ частымъ въ эти годы поѣздкамъ за границу онъ могъ нѣсколько ознакомиться съ порядками управленія въ сосѣднихъ западно-европейскихъ странахъ и воспользоваться совѣтами хорошо знавшихъ эти порядки иностранцевъ. Лучшими порядками считались тогда въ Европѣ шведскіе. По ихъ образцу онъ и рѣшилъ построить управленіе въ Россіи. Принятыя имъ на русскую службу уроженецъ г. Гамбурга Фикъ и силезецъ баронъ фонъ Люберасъ доставили ему уставы шведскихъ центральныхъ учрежденій, „коллегій“, и наняли для него въ Германіи и Чехіи большое количество знакомыхъ съ коллежскимъ дѣлопроизводствомъ чиновниковъ. Съ ихъ помощью въ 1718 г. составленъ былъ планъ устройства коллегій въ Россіи. Первоначально создано было 9 коллегій: иностранныхъ дѣлъ, военная, морская, юстицъ-коллегія, камеръ-коллегія, вѣдавшая государственные доходы, штатсъ-конторъ-коллегія, вѣдавшая расходы, ревизіонъ-коллегія, представлявшая собою государственный контроль, и, наконецъ, коммерцъ-коллегія и бергъ- и мануфактуръ-коллегія, изъ которыхъ первая вѣдала торговлю, а вторая промышленность. Затѣмъ однако были произведены нѣкоторыя измѣненія: изъ юстицъ-коллегіи былъ выдѣленъ первоначально подчиненный ей и вѣдавшій земельныя дѣла Помѣстный приказъ, получившій при этомъ новое названіе вотчинной коллегіи, бергъ-и мануфактуръ-коллегія была раздѣлена на двѣ самостоятельныя, а ревизіонъ-коллегія была упразднена за ненадобностью, такъ какъ государственный контроль вѣдался сенатомъ. Всѣхъ коллегій стало такимъ образомъ 10. Каждая изъ нихъ состояла, не считая канцеляріи, изъ президента, вице-президента, 4 совѣтниковъ и 4 ассесоровъ, и дѣла должны были рѣшаться ими по большинству голосовъ, ибо, говорилось въ уставѣ воинской коллегіи, „все лучшее устроеніе чрезъ совѣты бываетъ“. Президентами коллегій назначены были русскіе, вице-президентами же иностранцы, которые, предполагалось, обучатъ своихъ русскихъ товарищей новому порядку дѣлъ. Исключеніе сдѣлано было только для бергъ- и мануфактуръ-коллегіи, въ которую и президентъ, и вице-президентъ были определены изъ иностранцевъ.

Надъ коллегіями въ качествѣ высшаго учрежденія сохраненъ былъ, въ отличіе отъ шведскихъ порядковъ, сенатъ. При этомъ членами его послѣ устройства коллегій первоначально были назначены ихъ президенты. Затѣмъ однако Петръ замѣтилъ, что это было сдѣлано необдуманно, такъ какъ при подобномъ порядкѣ они контролировали бы сами себя, и тогда въ сенатъ были назначены другія лица, а президенты коллегій

были исключены изъ него, но не всѣ: президенты трехъ наиболѣе важныхъ, съ точки зрѣнія правительства, коллегій — чужестранныхъ дѣлъ, военной и морской — остались въ сенатѣ и такимъ образомъ не всѣ коллегіи оказались въ равной мѣрѣ подчиненными ему.

Надъ сенатомъ въ свою очередь былъ установленъ надзоръ. Въ 1715 г., еще до коллежской реформы, Петръ установилъ должность генеральнаго ревизора, который долженъ былъ присутствовать въ засѣданіяхъ сената, записывать его указы, слѣдить за ихъ исполненіемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ смотрѣть за исправнымъ выполненіемъ самими сенаторами ихъ обязанностей. Въ 1720 г. такой надзоръ за сенаторами былъ переданъ оберъ-секретарю сената, вѣдавшему его канцелярію, въ слѣдующемъ году былъ возложенъ на штабъ-офицеровъ гвардіи, поочередно назначавшихся для этой цѣли на мѣсячное дежурство въ сенатѣ, а въ 1722 г. съ той же цѣлью при сенатѣ была учреждена должность генераль-прокурора. Будучи начальникомъ сенатской канцеляріи, генераль-прокуроръ вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ служить посредникомъ между сенатомъ и другими органами администраціи. Всѣ дѣла и вопросы, поступавшіе отъ коллегій и губернаторовъ въ сенатъ, доходили до него черезъ докладывавшаго объ нихъ генераль-прокурора. Онъ же въ случаѣ недостаточности или неясности наличныхъ законовъ для рѣшенія тѣхъ или иныхъ дѣлъ долженъ былъ указывать сенату на необходимость изданія новаго закона или разъясненія существующихъ и затѣмъ представлять государю составленный сенатомъ проектъ вмѣстѣ съ своимъ мнѣніемъ. Ему, далѣе, передавался надзоръ за всей администраціей и подчинялись осуществлявшіе этотъ надзоръ фискалы. Наконецъ, являясь „окомъ государевымъ“ въ сенатѣ, онъ долженъ былъ слѣдить за порядкомъ разсужденій и правотой рѣшеній сенаторовъ и, если находилъ рѣшеніе какого-либо дѣла неправильнымъ, могъ остановить его и донести о замѣченной имъ неправильности государю. Становясь такимъ образомъ надѣленнымъ широкими полномочіями посредникомъ, съ одной стороны, между сенатомъ и остальными органами центральной и мѣстной администраціи, съ другой — между сенатомъ и царемъ, генераль-прокуроръ пріобрѣлъ весьма важное значеніе въ общей системѣ управленія.

Одновременно съ этою реформой центральныхъ органовъ произведено было и новое преобразование управленія на мѣстахъ. Образцомъ для него опять-таки послужили шведскія учрежденія, но отъ этого образца сдѣланы были и значительныя отступленія, неизбежно вызывавшіяся тѣмъ различіемъ, какое существовало между не особенно большой, обладавшей плотнымъ населеніемъ и зажиточной Швеціей и громадной, слабо населенной и сравнительно бѣдной Россіей. Въ общихъ чертахъ новая организація сводилась къ слѣдующему.

Сохранено было дѣленіе на губерніи, но число ихъ было увеличено и вмѣсто 9 создано было 12 губерній, во главѣ которыхъ стояли губернаторы. Эти губерніи подраздѣлялись на 50 провинцій, которыми управляли, вмѣсто уничтоженныхъ теперь ландратовъ, назначаемые правительствомъ воеводы. Провинціи въ свою очередь дѣлились на болѣе мелкіе округа, „дистрикты“, иногда совпадавшіе съ старыми уѣздами, иногда заключавшіе въ себѣ нѣсколько уѣздовъ. Управляли такими округами и, въ частности вѣдали въ нихъ сборы съ населенія „земскіе комиссары“. Первоначально ихъ предполагалось сдѣлать выборными, но затѣмъ ихъ стала назначать камеръ-коллегія. Въ губерніяхъ и провинціяхъ при губернаторахъ и воеводахъ назначались особые чиновники, вѣдавшіе взымавшіеся съ населенія сборы. Вначалѣ отъ чисто административныхъ дѣлъ отдѣлены были и дѣла судебныя и для нихъ въ 1719 г. созданы были особыя учрежденія въ видѣ нижнихъ судовъ, коллегіальныхъ въ крупныхъ городахъ и единоличныхъ въ мелкихъ, и высшихъ, т. н. „надворныхъ судовъ“, устроенныхъ въ нѣсколькихъ губерніяхъ и провинціяхъ и служившихъ апелляціонной инстанціей для нижнихъ судовъ. Однако уже въ 1722 г. нижніе суды были закрыты, а предсѣдателями надворныхъ судовъ въ самый моментъ ихъ учрежденія были назначены губернаторы и воеводы и такимъ образомъ отдѣленіе суда отъ администраціи не осуществилось. Вмѣстѣ съ тѣмъ остальные измѣненія, произведенныя въ областной администраціи, сильно увеличивъ ея личный составъ и тѣмъ самымъ расходы на нее, все же не приблизили органы власти къ населенію, такъ какъ и дистрикты являлись еще слишкомъ обширными округами.

Наряду съ такимъ преобразованіемъ управленія губерніями въ 1718—24 гг. произведено было и новое преобразование управленія въ городахъ. Это преобразование, совершенное опять-таки по иностранному образцу, было соединено и съ новымъ устройствомъ городского класса. Онъ раздѣлялся теперь на два разряда: „регулярныхъ гражданъ“ и „подлыхъ людей.“¹⁾ Къ послѣднимъ причислялись люди, служившіе по найму, чернорабочіе и поденщики. Лица же, составлявшія первый разрядъ, раздѣлялись на двѣ гильдіи. Въ первую гильдію входили банкиры, купцы, доктора, аптекари, шкипера, ювелиры; живописцы, художники и ученые, во вторую — мелочные торговцы и ремесленники, причемъ послѣдніе объединялись въ цехи. Члены этихъ двухъ гильдій и должны были выбирать изъ числа лицъ, принадлежавшихъ къ первой изъ нихъ, коллегію, которой ввѣрялись управленіе городомъ и судъ надъ горожанами. „Подлые люди“ не участвовали въ ея

¹⁾ Слово „подлый“ не имѣло тогда уничижительнаго значенія и въ примѣненіи къ людямъ означало лишь лицъ низшаго общественнаго положенія.

выборѣ и могли только ходатайствовать передъ ней о своихъ нуждахъ черезъ своихъ выборныхъ „сотскихъ“. Коллегія эта, названная „магистратомъ“, состояла изъ президента и нѣсколькихъ „бургомистровъ“ и „ратмановъ“. Однажды выбранные, они уже не могли быть смѣщаемы своими избирателями и становились по существу ихъ начальниками. Они должны были вѣдать городскую полицію и хозяйство, заботиться о размноженіи промышленныхъ и ремесленныхъ предпріятій, устраивать школы и богадѣльни, разрѣшать тяжбы возникавшія среди горожанъ, и судить ихъ по уголовнымъ дѣламъ, имѣя право выносить даже смертные приговоры. Послѣдніе, впрочемъ, поступали на утвержденіе устроеннаго на тѣхъ же началахъ въ Петербургѣ Главнаго Магистрата, которому и вообще подчинялись магистраты другихъ городовъ и который съ своей стороны, подобно центральнымъ коллегіямъ, подчинялся непосредственно сенату. Губернаторы и воеводы не должны были вмѣшиваться въ дѣла горожанъ, а проживавшія въ городахъ лица другихъ общественныхъ классовъ — духовенство, дворяне и крестьяне — не должны были принимать участія въ управленіи городомъ. Путемъ такого устройства Петръ рассчитывалъ ускорить развитіе русскихъ городовъ и поднять ихъ на уровень городовъ Западной Европы.

Помимо всѣхъ этихъ измѣненій дѣйствовавшихъ на большей части государственной территоріи органовъ управленія Петромъ произведены были существенныя перемѣны и въ порядкахъ управленія нѣкоторыхъ изъ тѣхъ областей, которыя до того времени пользовались широкой внутренней автономіей. Такими являлись области, населенныя козаками, и по отношенію къ двумъ наиболѣе крупнымъ изъ нихъ — области донскихъ козаковъ и т. н. „гетманщинѣ“, лѣвобережной Малороссіи, находившейся подъ властью избиравшагося мѣстнымъ козацкимъ войскомъ гетмана, — Петромъ приняты были особыя мѣры, толчокъ къ которымъ данъ былъ въ обоихъ случаяхъ до извѣстной степени аналогичными обстоятельствами и которыя, при нѣкоторомъ внѣшнемъ различіи, по существу были направлены къ одной и той же цѣли и носили одинаковый характеръ.

Послѣ кроваваго подавленія Булавинскаго возстанія, вызваннаго сокращеніемъ права донскаго войска принимать къ себѣ бѣглыхъ изъ другихъ мѣстностей Россіи, Петръ прежде всего распорядился урѣзать приблизительно на треть занятую войскомъ территорію, отобравъ отъ него около милліона десятинъ земли по Дону и лѣвымъ его притокамъ и уничтоживъ существовавшія здѣсь козацкія поселенія. Одновременно съ этимъ сокращеніемъ территоріи войска ограничено было и его самоуправленіе. Казнивъ обвиненнаго въ сочувствіи мятежникамъ войскового атамана, Петръ самъ указалъ желательнаго для него кандидата на эту должность, выразивъ при

томъ желаніе, чтобы онъ оставался въ ней безсмѣнно до своей смерти, и козакамъ пришлось удовлетворить эти желанія царя. Вслѣдъ затѣмъ, послѣ смерти избраннаго атамана, сдѣланъ былъ новый шагъ. Выбраннаго въ 1717 г. войскомъ въ атаманы Василя Фролова Петръ особой грамотой утвердилъ въ этой должности „впредь до нашего указу безперемѣнно“. Когда же Фроловъ умеръ и козацкій „кругъ“ въ 1723 г. избралъ новаго атамана, Петръ не утвердилъ его, а повелѣлъ одному изъ старшинъ „въ атаманахъ быть впродъ до нашего указу“. Такимъ образомъ только что введенное утвержденіе донскаго атамана верховной властью было замѣнено прямымъ назначеніемъ его отъ послѣдней. Еще раньше, въ 1720 г., сношенія центрального правительства съ Дономъ были переданы изъ вѣдавшей ихъ передъ тѣмъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ военную коллегію, чѣмъ подчеркивалось подчиненное положеніе Дона. Путемъ всѣхъ этихъ мѣръ, ослаблявшихъ самоуправленіе донскихъ козаковъ и увеличивавшихъ власть надъ ними центрального правительства, Петръ рассчитывалъ плотнѣе связать ихъ съ остальнымъ государствомъ.

Подобныя же мѣры были приняты имъ по отношенію къ гетманщинѣ послѣ перехода гетмана Мазепы и части малорусской козацкой старшины на сторону Карла XII. Получивъ извѣстіе объ этомъ переходѣ, Петръ немедленно распорядился созвать оставшуюся вѣрной ему старшину для выбора новаго гетмана. Претендентовъ на этотъ санъ въ рядахъ старшины было два — энергичный и самостоятельный черниговскій полковникъ Павелъ Полуботокъ и слабовольный, легко поддававшийся властному давленію стародубскій полковникъ Иванъ Скоропадскій. Послѣдняго Петръ нашелъ болѣе удобнымъ для себя и по его указанію Скоропадскій и былъ выбранъ старшиною въ гетманы. Съ своей стороны царь приставилъ къ нему особаго „резидента“ изъ великороссовъ, который долженъ былъ наблюдать за всѣми дѣйствіями гетмана и, въ частности, слѣдить, чтобы онъ не раздавалъ имѣній членамъ старшины безъ вѣдома и согласія царя и не назначалъ на должности въ Малороссіи лицъ, поведеніе которыхъ въ прошломъ вызывало какія-либо сомнѣнія въ ихъ вѣрности правительству. Не удовлетворившись этимъ, Петръ въ 1715 г. издалъ указъ, измѣнявшій самый порядокъ полученія должностей сотниковъ и членовъ полковой старшины. Согласно этому указу, впродъ на каждую изъ такихъ должностей козацкое населеніе соответственныхъ мѣстностей могло выбирать лишь 2—3 кандидатовъ и гетману предоставлялось утверждать одного изъ нихъ. Что касается полковниковъ, то ихъ иногда и помимо гетмана назначалъ самъ царь, порою даже изъ числа великороссовъ. Случалось, Петръ въ такомъ же порядкѣ назначалъ и чиновъ низшей администраціи, вплоть до сотниковъ. Такимъ образомъ права и рядового козачества, и гетмана въ сферѣ управленія краемъ были существенно ограничены.

Въ послѣдніе годы своего царствованія Петръ пошелъ по пути этого ограниченія еще дальше. Въ 1722 г. онъ создалъ въ Малороссіи новое учрежденіе — Малороссійскую Коллегію, которая была составлена изъ 6 офицеровъ расположенныхъ въ краѣ великорусскихъ полковъ и находилась подъ предсѣдательствомъ бригадира Вельяминова. Эта коллегія въ силу данной ей инструкціи должна была, съ одной стороны, слѣдить за всѣми дѣйствіями старшины и охранять отъ ея притѣсненій рядовыхъ козаковъ и крестьянъ, съ другой — выяснить состояніе финансовъ Малороссіи и упорядочить ихъ, съ тѣмъ, чтобы часть взимаемыхъ съ населенія края сборовъ могла поступать и въ общегосударственную казну. Всѣ возраженія Скоропадскаго, указывавшаго, что созданіе такой коллегіи противорѣчитъ тѣмъ условіямъ, на которыхъ состоялось присоединеніе Малороссіи къ Московскому государству, остались напрасны. Когда же Скоропадскій въ концѣ 1722 года умеръ, Петръ рѣшился не допускать выбора новаго гетмана и, назначивъ временно исполняющимъ эту должность („наказнымъ гетманомъ“) Павла Полуботка, поручилъ ему вмѣстѣ съ членами генеральной старшины управлять краемъ подъ надзоромъ Малороссійской Коллегіи. Вскорѣ однако между предсѣдателемъ послѣдней и малорусской старшиною произошли рѣзкія столкновенія и Полуботокъ обратился къ Петру съ жалобами на Вельяминова и съ просьбой возстановить гетманство. Просьба эта не имѣла успѣха, а, когда назначенное слѣдствіе выяснило неправильность нѣкоторыхъ дѣйствій самого Полуботка, онъ вмѣстѣ съ еще нѣсколькими видными членами старшины былъ, по приказу Петра, арестованъ и заключенъ въ Петропавловскую крѣпость въ Петербургѣ, гдѣ онъ вскорѣ и умеръ. Одновременно многіе члены козацкой старшины были смѣщены съ должностей и замѣнены другими лицами, а общее управленіе Малой Россіей было поручено, подъ контролемъ Малороссійской Коллегіи, тремъ лицамъ изъ числа старшины, назначеннымъ „правителемъ генеральной канцеляріи“.

Въ результатъ всѣхъ этихъ измѣненій къ концу Петровскаго царствованія аппаратъ управленія государствомъ получилъ видъ, значительно отличавшійся отъ того, какой онъ имѣлъ въ послѣднія десятилѣтія XVII вѣка. Высшимъ учрежденіемъ въ государствѣ являлся теперь сенатъ, составленный изъ назначенныхъ царемъ лицъ, причемъ въ ихъ назначеніи не играло уже никакой роли ихъ происхожденіе. Сенатъ помогать царю въ выработкѣ заксовъ, но эта помощь носила исключительно техническій характеръ и ни въ какой мѣрѣ не стѣсняла царской воли. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ вѣдалъ въ качествѣ высшей инстанціи всѣ административныя и судебныя дѣла и въ случаѣ нужды передавалъ ихъ черезъ своего генераль-прокурора на окончательное рѣшеніе царя. Ниже се-

ната стояли и были ему подчинены 10 коллегій, между которыми были распределены различныя отрасли центрального управленія и въ которыхъ, какъ и въ сенатѣ, дѣла рѣшались не единоличной властью президента, но въ коллегіальномъ порядкѣ, большинствомъ голосовъ. Подчиненіе коллегій сенату не было однако проведено съ полной послѣдовательностью. Президенты трехъ коллегій — военной, морской и иностранныхъ дѣлъ — были вмѣстѣ съ тѣмъ и членами сената и эти коллегіи оставались въ значительной мѣрѣ независимыми отъ послѣдняго. Сенатъ такимъ образомъ все же не вполне объединялъ дѣятельность центральныхъ учреждений. На мѣстахъ, во вновь созданныхъ крупныхъ территоріальныхъ округахъ, получившихъ названіе губерній, и въ ихъ подразделеніяхъ, провинціяхъ, дистриктахъ и уѣздахъ, дѣло управленія вѣдали назначавшіеся изъ центра и подчинявшіеся коллегіямъ и сенату губернаторы, воеводы, ландраты и комиссары. При этомъ собственно управленіе было отдѣлено отъ сбора податей и завѣдыванія на мѣстахъ государственными финансами и эти послѣднія обязанности возлагались на особыхъ лицъ. Сдѣлана была и попытка такимъ же образомъ отдѣлить отъ управленія судъ, создавъ для него особые органы, но эта попытка не была доведена до конца и власть скоро отъ нея отказалась. Все же въ конечномъ счетѣ аппаратъ управленія получилъ теперь по сравненію съ предшествовавшимъ временемъ бѣольшую стройность, но вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ и болѣе сложнымъ и громоздкимъ.

Въ центрѣ и въ областяхъ одинаково аппаратъ этотъ былъ всецѣло построенъ теперь на бюрократическомъ началѣ. Только въ управленіи городами нашло себѣ извѣстное примѣненіе выборное начало, все же остальное управленіе находилось въ рукахъ назначаемыхъ государственной властью и исключительно передъ нею отвѣтственныхъ лицъ. При этомъ и въ назначеніи ихъ, и въ прохожденіи ими служебной лѣстницы ихъ происхожденіе не играло уже роли. Вышедшій изъ низшихъ слоевъ общества Меншиковъ сдѣлался однимъ изъ ближайшихъ помощниковъ царя и занималъ должность петербургскаго губернатора, а позднѣе президента военной коллегіи и сенатора. Бывшій холопъ Шереметева, Курбатовъ, сталъ начальникомъ Ратуши, а затѣмъ архангельскимъ вице-губернаторомъ. Другой бывшій холопъ, Ершовъ, былъ назначенъ московскимъ вице-губернаторомъ. И такихъ лицъ среди Петровской администраціи было немало. Не считаясь съ происхожденіемъ привлекаемыхъ на службу лицъ, власть въ то же время требовала отъ нихъ служенія исключительно государственному интересу, стремясь совершенно устранить изъ ихъ служебной дѣятельности частно-правовой элементъ, остатки котораго упорно сохранялись въ практикѣ старой московской администраціи. Государственная власть въ лицѣ Петра повела

настойчивую борьбу съ этими остатками, находившими себѣ наиболее яркое выраженіе во взяточничествѣ и казнокрадствѣ, и въ цѣляхъ такой борьбы создана была даже и цѣлая сѣть своеобразныхъ наблюдателей за администраціей, фискаловъ, во главѣ которыхъ былъ поставленъ оберъ-фискаль, а позднѣе генераль-прокуроръ. Доносчикамъ въ случаѣ подтвержденія на слѣдствіи ихъ доноса обѣщались щедрыя награды, на уличенныхъ во взяткахъ и нарушеніи интересовъ казны обрушивались тяжелыя кары, не щадившія порою и высоко стоявшихъ ослушниковъ всякій царской воли. Сибирскій губернаторъ князь Гагаринъ за взятки и другія злоупотребленія былъ повѣшенъ, петербургскій вице-губернаторъ Корсаковъ и два сенатора, кн. Волконскій и Опухтинъ, были публично высѣчены кнутомъ, самъ глава фискаловъ, оберъ-фискаль Нестеровъ, въ свою очередь провинившійся и уличенный во взяткахъ, былъ колесованъ. Но вѣками вкоренявшіеся нравы оказались сильнѣе правительственныхъ каръ, и взяточничество и казнокрадство, не смотря на всѣ усилія Петра прекратить ихъ, на всѣ его угрозы и на щедро разсыпавшіяся имъ казни благополучно процвѣтали и на верхахъ, и въ низахъ его администраціи, одинаково свободныхъ отъ какого-либо общественнаго контроля. Нѣкоторые современники этой эпохи находили даже возможнымъ утверждать, что изъ средствъ, взимаемыхъ тогда государствомъ съ населенія, не больше трети поступало въ казну, все же остальное расходилось по рукамъ и карманамъ многочисленныхъ чиновниковъ. Можно думать, что такіе отзывы страдали сильнымъ преувеличеніемъ, но во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что то увеличеніе финансоваго бремени, какимъ сопровождалось для населенія Россіи совершившееся на протяженіи Петровскаго царствованія разростаніе административнаго аппарата государства, въ немалой своей части было связано съ самымъ характеромъ этого аппарата.

Финансовая реформа. Въ тѣсной связи съ мѣропріятіями, направленными къ преобразованію военныхъ силъ государства и его административнаго аппарата, Петровскимъ правительствомъ принятъ былъ рядъ мѣръ и въ области государственныхъ финансовъ. Первые же годы войны съ Швеціей поставили передъ Петромъ задачу изысканія новыхъ средствъ, необходимыхъ для содержанія войска. Въ дальнѣйшемъ, съ быстрымъ увеличеніемъ численности арміи, обратившейся къ тому же въ постоянную, съ созданіемъ флота, расширеніемъ дипломатическихъ сношеній и разростаніемъ административнаго аппарата, эта задача пріобрѣтала все большую остроту и все настоятельнѣе требовала разрѣшенія. На первыхъ порахъ Петръ пытался разрѣшить ее при помощи старыхъ способовъ, и до него практиковавшихся московскимъ правительствомъ. Для удовлетворенія новыхъ нуждъ созданы

были новые прямые налоги — драгунскій, рекрутскій, корабельный, подводный. Помимо прямыхъ установлены были и новые косвенные налоги. Холопъ боярина Шереметева, Курбатовъ, побывавшій съ своимъ хозяиномъ за границей, представилъ Петру проектъ введенія въ Россіи, по примѣру нѣкоторыхъ иностранныхъ государствъ, гербовой бумаги. Проектъ былъ принятъ и осуществленъ и самъ Курбатовъ былъ взятъ на государственную службу. По слѣдамъ его пошли и другія лица, занявшіяся изысканіемъ возможныхъ прибылей для государственной казны и обращавшія къ правительству съ соответственными проектами. Частью по совѣтамъ такихъ лицъ, получившихъ названіе „прибыльщиковъ“, частью по собственной инициативѣ Петръ въ первые же годы Сѣверной войны ввелъ цѣлый рядъ новыхъ налоговъ. Специальными налогами были обложены рыбныя ловли, пасѣки, мельницы, постоялыя дворы, бани, специальный налогъ взымался при продажѣ дровъ и нѣкоторыхъ съѣстныхъ припасовъ, налогъ полагался и за остановку судовъ у рѣчныхъ пристаней. Особый, различный для лицъ разныхъ общественныхъ классовъ, но въ общемъ очень крупный, налогъ былъ установленъ за право ношенія бороды и одни только крестьяне въ деревняхъ были освобождены отъ этого налога, но при каждомъ выѣздѣ въ городъ и выѣздѣ изъ него они должны были платить за свою бороду по копейкѣ. Особый налогъ взымался за свадьбы некрещеныхъ инородцевъ. Въ свою очередь старообрядцы или, какъ ихъ именovalo правительство, раскольники должны были платить прямой налогъ въ удвоенномъ размѣрѣ. Наряду съ этимъ разростаніемъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, доходившихъ до обложенія налогомъ религіозныхъ вѣрованій, была значительно расширена и сфера государственныхъ монополій. Кромѣ водки, торговля которой съ давнихъ поръ составляла монополию государства, предметомъ такой же монополии были сдѣланы теперь соль, мѣль, деготь и рыбій жиръ. Съ продажи табаку, игральныхъ картъ, костей и шахматъ, раньше воспрещавшейся, снятъ былъ запретъ, но продажу эту государство взяло въ свои руки, отдавая ее на откупъ. Взята была въ казну и продажа дубовыхъ гробовъ. Отобравъ ихъ у частныхъ торговцевъ, казна стала продавать эти гробы по вчетверо повышенной цѣнѣ, а, когда наличный запасъ ихъ былъ исчерпанъ, они были вовсе запрещены, такъ какъ Петръ считалъ необходимымъ беречь дубовые лѣса для корабельнаго строительства. Использовалъ Петръ и еще одинъ практиковавшійся и до него въ Московскомъ государствѣ способъ добыванія средствъ для казны, примѣнивъ его опять-таки въ значительно болѣе широкомъ размѣрѣ по сравненію съ тѣмъ, въ какомъ онъ примѣнялся раньше. До Петра именно въ Москвѣ въ сущности почти не было своей крупной монеты: на московскомъ монетномъ дворѣ чеканилась только мелкая мо-

нета — копейки, полукопейки и полушки ($\frac{1}{4}$ копейки), — а для полученія крупной прибѣгали къ передѣлкѣ привозной иностранной монеты, произвольно и довольно существенно повышая при этомъ ея цѣну. Лишь во второй половинѣ XVII вѣка московское правительство распорядилось надѣлать нѣкоторое, не очень большое, количество серебряныхъ рублей и 25-копеечниковъ. Петръ же, начиная съ 1700 года, сталъ чеканить и мелкую мѣдную монету (въ 1, 3 и 5 копеекъ), и крупную серебряную (въ 50 к. и въ 1 р.), но при этомъ въ свою очередь сильно понизилъ вѣсъ той и другой и содержаніе въ нихъ соотвѣтственнаго металла, тѣмъ самымъ увеличивая прибыль казны.

Всѣми этими путями Петръ успѣлъ на нѣкоторое время обезпечить себѣ значительныя средства, почти вдвое увеличившія доходный бюджетъ государства и позволившія пережить первые, наиболѣе тяжелые и опасные годы Сѣверной войны. Скоро однако оказалась и обратная сторона этихъ мѣръ. Порча монеты повела къ ея обезцѣненію и къ такому повышенію цѣнъ на всѣ продукты, которое свело на нѣтъ прибыль, извлекавшуюся государствомъ изъ этой операціи. Расширеніе государственныхъ монополій, стѣсняя частную торговлю, влекло за собою уменьшеніе доходовъ, получавшихся отъ нея государствомъ. Въ свою очередь непрерывный ростъ налоговъ, дѣлавшій ихъ непосильными для населенія, породилъ среди послѣдняго все болѣе сильное стремленіе укрываться отъ нихъ и ихъ поступленіе годъ отъ году падало. Благодаря всему этому уже къ 1707 году бюджетный дефицитъ принялъ угрожающіе размѣры.

Петръ попытался было избѣжать этого дефицита, произведя новую перепись податного населенія. Послѣдняя такая перепись была произведена въ Московскомъ государствѣ въ 1680 г. Можно было ожидать, что почти за 30 лѣтъ, прошедшихъ съ той поры, количество населенія сильно выросло и его увеличеніе само по себѣ дастъ государству новыхъ налогоплательщиковъ и, слѣдовательно, новыя средства. Однако эти ожиданія не оправдались. Непрерывные наборы рекрутъ въ армію, разнообразныя трудовыя повинности, возлагавшіяся на населеніе, все увеличивавшіяся въ своей тяжести налоги, всѣ эти мѣры Петровскаго правительства сыграли свою роль и законченная въ 1710 г. перепись обнаружила не увеличеніе, а серьезное уменьшеніе количества податныхъ дворовъ. По переписи 1680 г. ихъ было насчитано 791.000, въ 1710 г. ихъ насчитали 637.000, т. е. на $\frac{1}{5}$ меньше. Прямой налогъ, раскладывавшійся по дворамъ, долженъ былъ такимъ образомъ дать казнѣ не большій, а меньшій доходъ. Петръ нашель, правда, своеобразный выходъ изъ этого положенія: онъ просто не придавалъ никакого значенія цифрамъ переписи 1710 г. и предписалъ и въ дальнѣйшемъ взимать съ населенія пря-

мые налоги по числу дворовъ, занесенному въ перепись 1680 г. Съ другой стороны, онъ передалъ завѣдываніе предназначенными на армію налогами учрежденнымъ имъ въ это время губернаторамъ, создавъ такимъ путемъ своего рода децентрализацию государственныхъ финансовъ. Но то и другое средство не могли дать серьезныхъ результатовъ. Втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ главная задача Петровскаго правительства въ области финансовъ — обезпеченіе расходовъ, необходимыхъ для содержанія арміи, — до нѣкоторой степени еще облегчалась тѣмъ, что послѣ Полтавской побѣды война со шведами велась уже не на русской территоріи, а за ея предѣлами, въ прибалтійскихъ провинціяхъ, въ сѣверной Германіи, въ Финляндіи и, наконецъ, въ самой Швеціи, благодаря чему русскія войска содержались отчасти за счетъ врага. Но по мѣрѣ того, какъ война близилась къ концу, вопросъ о средствахъ на содержаніе большой постоянной арміи, которую Петръ не собирался распускать, пріобрѣталъ все бѣльшую остроту и Петръ все старательнѣе изыскивалъ способы увеличить доходы казны.

Въ видахъ такого увеличенія нѣкоторые изъ его заграничныхъ и отечественныхъ совѣтниковъ предлагали ему измѣнить единицу прямого обложенія, ввести поголовную подать и въ соотвѣтствіи съ этимъ произвести перепись не населенныхъ дворовъ, а всего мужского населенія въ нихъ. Петръ въ концѣ концовъ и принялъ этотъ проектъ, но исполненіе его затянулось на нѣсколько лѣтъ. Рѣшенная въ принципѣ въ 1717 г., новая перепись, въ которую, по распоряженію Петра, были включены, кромѣ горожанъ и крестьянъ, и всѣ владѣльческіе холопы, была начата только въ 1719 г. и закончена въ 1721 г. Но данныя ею цифры не удовлетворили Петра и онъ предписалъ произвести повѣрку ея, „ревизию.“¹⁾ Эта ревизія окончилась только въ 1723 г. и вскрыла, дѣйствительно, около 2.000.000 душъ, утаенныхъ при первоначальной переписи. Общее же число занесеннаго въ ревизию населенія достигало 5.700.000 душъ м. п. На это число и была разложена сумма годового расхода, производившагося государствомъ на содержаніе наличной сухопутной арміи. Установленная такимъ образомъ „подушная“ подать, замѣнившая собою прежніе прямые налоги, была опредѣлена для владѣльческихъ крестьянъ и холоповъ въ 74 коп. съ души; на государственныхъ крестьянъ наложенъ былъ дополнительный сборъ въ 40 к., тяглые же обитатели городовъ должны были платить 1 р. 20 к. съ души.

Эта подушная подать налагала на низшіе классы русскаго общества значительно болѣе тяжелое податное бремя по сравненію съ тѣмъ, какое они несли раньше. Былъ въ ней

¹⁾ Этотъ терминъ „ревизія“ сохранился и за производившимися позднѣе въ XVIII и XIX вв. переписями податного населенія.

и другой недостатокъ — она налагалась на лицо, независимо отъ его имущественныхъ средствъ и даже отъ его работоспособности, такъ какъ наравнѣ со взрослыми людьми податю въ одинаковомъ размѣрѣ облагались и дѣти и старики. Но предшествовавшее подворное обложеніе также не было свободно отъ этого недостатка. И, вводя свою подушную подать, Петръ въ сущности шелъ по тому пути, какой привелъ московское правительство въ XVII вѣкѣ къ замѣнѣ посошнаго обложенія подворнымъ. Такая замѣна была вызвана стремленіемъ прекратить уклоненіе обложеннаго податю населенія отъ ея платежа. Однако такое уклоненіе продолжалось и при подворной подати. Въ частности, при ней населеніе скучивалось въ дворахъ, стараясь такимъ путемъ облегчить себѣ податное бремя, и это приводило къ крайней неравномѣрности послѣдняго. Подушная подать, основанная на поголовной переписи населенія, если и не сдѣлала это бремя болѣе равномернымъ, то, по крайней мѣрѣ, въ большей степени затрудняла укрывательство отъ нея. вмѣстѣ съ тѣмъ и въ другомъ отношеніи Петръ въ этой своей реформѣ продолжалъ путь своихъ предшественниковъ. Уже въ XVII столѣтіи московское правительство привлекло къ платежу прямыхъ налоговъ, кромѣ горожанъ и крестьянъ, т. н. задворныхъ холоповъ, посаженныхъ ихъ владѣльцами на пашню и по роду своихъ занятій близкихъ къ крестьянамъ. Петръ, подгоняемый болѣе острой нуждою въ средствахъ сравнительно съ той, какую испытывали его предшественники, сдѣлалъ еще шагъ въ томъ же направленіи и распространилъ подушную подать на всѣхъ владѣльческихъ холоповъ, какъ задворныхъ, такъ и жившихъ въ дворахъ своихъ хозяевъ.

Серьезно увеличивъ бремя, лежавшее на низшихъ общественныхъ классахъ, введеніе подушной подати тѣмъ самымъ дало возможность Петру болѣе или менѣе успѣшно справиться съ стоявшими передъ нимъ финансовыми затрудненіями. Расходъ на сухопутную армію, достигавшій 4.600.000 р. цѣликомъ покрывался подушной податю. На остальные расходы государства — на флотъ, дипломатію, дворъ, администрацію, разнообразное строительство и т. д. — требовалось въ этомъ году около 4.000.000 р. и приблизительно такую же сумму, по приблизительнымъ подсчетамъ, должны были дать казнѣ ея монополіи, таможенные пошлины, косвенные налоги и другіе болѣе мелкіе ея доходы. Общая цифра государственнаго бюджета, въ концѣ XVII вѣка не доходившая до 2.000.000 р., къ послѣднему году царствованія Петра поднялась такимъ образомъ до 8.600.000 р. Правда, русскій рубль этого времени стоилъ много меньше, чѣмъ рубль конца XVII столѣтія, но и учитывая это обстоятельство, все же нужно считать, что за Петровское царствованіе бюджетъ русскаго государства выросъ болѣе, чѣмъ втрое. При этомъ послѣдней своей рефор-

мой Петру удалось въ извѣстной мѣрѣ и возстановить долго остававшееся при немъ до того нарушеннымъ равновѣсіе расходной и доходной частей этого бюджета. Только достигнуто было такое возстановленіе при помощи крайняго напряженія платежныхъ силъ населенія.

Во всякомъ случаѣ путемъ проведенія становившихся постепенно все болѣе широкими и планомѣрными реформъ въ организаціи вооруженныхъ силъ государства, его управленія и финансовъ Петръ въ концѣ концовъ успѣлъ разрѣшить задачу, поставленную имъ себѣ въ области внѣшней политики, приобрѣсти для Россіи морской берегъ и ввести ее въ кругъ большихъ европейскихъ державъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ эти реформы повлекли за собою и другія, порою непредвидѣнныя самимъ реформаторомъ, послѣдствія, создавъ рядъ измѣненій въ строѣ русскаго общества. И прежде всего эти послѣдствія сказались въ положеніи высшаго общественнаго класса, класса служилыхъ людей.

Перемѣны въ положеніи служилыхъ людей. Въ концѣ XVII вѣка этотъ классъ подраздѣлялся, въ зависимости отъ происхожденія входившихъ въ его составъ лицъ и характера ихъ службы, на различные разряды или „чины“. При этомъ всѣ его члены обязаны были нести государству пожизненную военную службу съ находившихся въ ихъ обладаніи земельныхъ владѣній — „вотчинъ“, составлявшихъ ихъ собственность, и „помѣстій“, дававшихся имъ государствомъ въ пожизненное, а съ середины XVII столѣтія и въ потомственное пользованіе. Помимо военной службы, часть служилыхъ людей отправляла и гражданскую и такое сочетаніе двухъ видовъ службы считалось нормальнымъ благодаря тому, что военная служба не была постоянной, а требовалась отъ служилаго человѣка только во время войны. Повышеніе по служебной лѣстницѣ, выражавшееся переходомъ изъ одного разряда или „чина“ въ другой, зависѣло и отъ личныхъ заслугъ служилаго человѣка, и отъ его происхожденія, но въ общемъ легче давалось лицамъ, принадлежавшимъ къ знатымъ, въ частности къ боярскимъ родамъ, тогда какъ рядовые дворяне сравнительно рѣдко поднимались на верхнія ступени этой лѣстницы.

За время царствованія Петра въ этихъ порядкахъ произошелъ рядъ существенныхъ перемѣнъ. Петръ не уничтожилъ какимъ-либо правительственнымъ актомъ старые московскіе „чины“, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ начала своего самостоятельнаго правленія не считался съ ними при назначеніи на должности и никому вновь этихъ чиновъ не давалъ. Благодаря этому они постепенно отмирали и служилые люди сливались въ однообразную массу дворянъ, только по занимавшимся ими на службѣ должностямъ различавшихся между собою. Въ то же время и самая служба ихъ измѣнила свой

характеръ. Она оставалась обязательной и Петровское правительство грозило суровыми карами за уклоненіе отъ нея. Изданный Петромъ въ 1714 г. указъ угрожалъ, что всякій уклонившійся отъ службы дворянинъ, т. н. „нѣтчикъ“, будетъ лишенъ всѣхъ своихъ имѣній и они будутъ отданы тому, кто донесетъ на него, хотя бы этотъ доносчикъ былъ его слугой. Въ 1722 г. состоялся еще болѣе грозный указъ. Согласно ему „нѣтчикъ“ долженъ былъ не только лишиться всего своего имущества, но вдобавокъ еще подвергнуться „шельмованію“ или „политической смерти“: онъ объявлялся стоящимъ внѣ законовъ и палачъ прибавлялъ табличку съ его именемъ къ висѣлицѣ, послѣ чего всякій могъ совершенно безнаказанно даже убить его. Оставаясь такимъ образомъ обязательной, дворянская служба продолжала оставаться и пожизненной. Но при этомъ она съ совершившимся обращеніемъ русской арміи въ регулярную стала и постоянной. И не только отставка давалась дворянину лишь тогда, когда онъ вслѣдствіе увѣчья или болѣзни становился совершенно негоднымъ къ службѣ, но и отпуска, въ частности отпуска изъ арміи, которая съ начала Сѣверной войны почти все остальное время Петровскаго царствованія находилась въ непрерывныхъ походахъ, разрѣшались лишь очень рѣдко и лишь на короткіе сроки.

Служебная повинность дворянъ стала такимъ образомъ болѣе тяжелой. Но къ этому прибавилось еще и другое. Перестраивая армію и гражданскую администрацію, Петръ нуждался для той и другой въ людяхъ, обладавшихъ хотя бы начальнымъ образованіемъ. И указомъ 1714 г. онъ возложилъ на дворянъ новую повинность, обязавъ дворянскихъ юношей до достиженія 15-лѣтняго возраста, т. е. до момента вступленія на дѣйствительную службу, обучиться грамотѣ, арифметикѣ и „нѣкоторой части геометріи“. До выполненія этого требованія указъ не разрѣшалъ молодымъ дворянамъ жениться. Но послѣ 15 лѣтъ имъ уже не дозволялось продолжать свое образованіе, „хотя бы какъ говорилось въ изданномъ въ 1723 г. указѣ, они и сами желали“. Такое продолженіе возможно было только по распоряженію правительства, которое въ этихъ случаяхъ обыкновенно посылало избранныхъ имъ лицъ за границу съ порученіемъ изучить ту или иную спеціальность. Учебная повинность налагалась на дворянъ лишь ради лучшаго отправления служебной и ученые не должно было отвлекать дворянина отъ службы.

Обращеніе арміи въ постоянную измѣнило эту службу и еще въ одномъ отношеніи, сдѣлавъ невозможнымъ, по крайней мѣрѣ, въ общемъ правилѣ, несенія однимъ человѣкомъ и военной, и гражданской службы. Каждая изъ нихъ требовала теперь отъ служилаго человѣка и спеціальныхъ знаній, и, главное, всего его времени и онъ долженъ былъ отдаться какой-либо одной изъ нихъ. Но предоставить дворянамъ вполнѣ

свободный выборъ рода службы Петровское правительство не рѣшалось, опасаясь, что въ такомъ случаѣ большинство ихъ изберетъ гражданскую службу, какъ болѣе легкую. Поэтому первоначально оно само распредѣляло дворянъ между различными родами службы, а въ 1722 г. особому чиновнику при сенатѣ, „герольдмейстеру“, который долженъ былъ вести списки дворянъ, предписано было слѣдить за тѣмъ, чтобы въ гражданской службѣ „болѣе трети отъ каждой фамиліи не было, чтобы служивыхъ на землѣ и морѣ (т. е. въ сухопутной арміи и во флотѣ) не оскудить“.

Существенная перемѣна произошла, далѣе, и въ порядкѣ отбыванія службы дворянами. Замѣнивъ прежнее ополченіе служилыхъ людей и ихъ слугъ постоянной арміей, пополнявшейся путемъ періодическихъ наборовъ людей изъ низшихъ общественныхъ классовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ сохранивъ военную службу дворянъ, Петръ предназначалъ послѣднимъ главнымъ образомъ роль офицеровъ въ этой арміи. Но въ то же время, по его взгляду, стать офицеромъ могъ только чело-вѣкъ, на практикѣ, путемъ собственнаго опыта, познакомившійся съ солдатской службой. И руководясь этимъ взглядомъ, онъ въ 1714 г. запретилъ производить въ офицеры дворянъ, которые не служили рядовыми солдатами въ гвардіи. То же запрещеніе было повторено имъ и въ изданномъ въ 1716 г. воинскомъ уставѣ. Офицерскій чинъ такимъ образомъ долженъ былъ даваться не происхожденіемъ, не принадлежностью къ опредѣленному общественному классу, а службою. И обратно, лица, дослужившіяся до офицерскаго чина, хотя бы они ранѣе къ дворянамъ не принадлежали, должны были включиться въ ихъ ряды. Въ изданномъ Петромъ въ 1722 г. указѣ содержалось такое постановленіе: „всѣ оберъ-офицеры, которые произошли не изъ дворянства, оныя и ихъ дѣти и ихъ потомки суть дворяне и надлежитъ имъ дать патенты на дворянство“. Годомъ позже, въ 1723 г., Петромъ была издана такъ названная имъ „Табель о рангахъ“, роспись вновь установленнымъ и получившимъ по большей части иностранныя наименованія должностямъ на военной, гражданской и придворной службѣ, распредѣлявшая эти должности на 14 слѣдовавшихъ одинъ за другимъ въ восходящемъ порядкѣ „ранговъ“ или классовъ. И въ этой „Табели“ лишній разъ подтверждалось, что людямъ знатной породы никакого „ранга“ не будетъ даваться, „пока они государю и отечеству заслугъ не покажутъ и за оныя характера (т. е. чина) не получатъ“. Въ то же время пріобрѣтенный на гражданской службѣ чинъ, соотвѣтствовавшій штабъ-офицерскому, долженъ былъ давать, подобно полученному на военной службѣ первому офицерскому чину, и не-дворянину дворянство. Значеніе происхожденія въ восхожденіи по ступенямъ служебной лѣстницы такимъ образомъ совершенно устранялось и это восхожденіе

ставилось въ зависимость исключительно отъ личныхъ заслугъ служащаго.

Съ переменами въ порядкахъ службы нѣсколько измѣнился, наконецъ, и порядокъ вознагражденія за нее. Служилые люди по прежнему несли службу съ своихъ имѣній и, если уклонялись отъ нея, рисковали лишиться послѣднихъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ съ той поры, какъ служба всѣхъ служилыхъ обратилась въ постоянную, постояннымъ стало для нихъ и денежное жалованье за нее. Очень скромное по своимъ размѣрамъ, оно въ силу финансовыхъ затрудненій, переживавшихся государствомъ, нерѣдко выплачивалось съ большимъ запозданіемъ, а порою и съ весьма значительными вычетами. Бывали и такіе года, когда, по крайней мѣрѣ, нѣкоторымъ категоріямъ служащихъ оно выдавалось не деньгами за отсутствіемъ ихъ въ казнѣ, а сибирскими мѣхами и другими казенными товарами. Тѣмъ не менѣе въ качествѣ общаго правила все же установилась оплата службы денежнымъ жалованьемъ. Въ то же время дальнѣйшая раздача помѣстій при Петрѣ прекратилась. Новыя имѣнія давались при немъ служилымъ людямъ сравнительно рѣдко, а когда давались, то не въ качествѣ помѣстій, а въ собственность, „въ вотчину“. Въ этихъ условіяхъ и сохранявшіяся отъ прежняго времени помѣстья постепенно все больше сближались съ вотчинами.

Новый и сильный толчокъ къ такому сближенію данъ былъ Петромъ, когда онъ издалъ въ 1714 г. законъ, измѣнившій порядокъ наслѣдованія дворянскихъ имѣній. До этого времени такой порядокъ былъ различенъ въ вотчинахъ и помѣстьяхъ. Вотчинами служилые люди могли распоряжаться по своему желанію и обыкновенно дѣлили ихъ въ завѣщаніи между своими дѣтьми. Помѣстье же, считавшееся собственностью государства, не подлежало такому дѣлежу и обычно передавалось послѣ смерти владѣльца цѣликомъ одному изъ его сыновей, по большей части младшему. Законъ 1714 г. устанавливалъ другой порядокъ, общій для вотчинъ и помѣстій. Дворянинъ могъ, по этому закону, завѣщать все находившееся въ его обладаніи недвижимое имущество любому изъ своихъ сыновей, но непременно все цѣликомъ, и вотчины, если онѣ у него были, и помѣстье. Если же завѣщанія дворянинъ не оставлялъ, то все его недвижимое имѣніе переходило къ старшему его сыну. Въ томъ случаѣ, если по смерти дворянина сыновей у него не оставалось, тотъ же порядокъ наслѣдованія примѣнялся къ его дочерямъ, а если у него не было и дочерей, то къ ближайшимъ его родственникамъ. Такимъ образомъ помѣстья приравнивались къ вотчинамъ, переходя въ собственность владѣльцевъ, и въ то же время на вотчины распространялся порядокъ едионаслѣдія, раньше примѣнявшійся только по отношенію къ помѣстьямъ. Принимая эту мѣру, Петръ мотивировалъ ее тѣмъ, что съ прекраще-

ніемъ дробленія имѣній не будутъ бѣднѣть и упадать въ своемъ достоинствѣ дворянскія семьи и владѣльцы имѣній не будутъ вынуждены отягощать своихъ крестьянъ чрезмѣрными поборами, а оставшіеся безъ имѣній дворянскіе сыновья охотнѣе будутъ „искать хлѣба“ путемъ службы государству. вмѣстѣ съ тѣмъ, впрочемъ, этимъ оставшимся безъ имѣній дворянскимъ сыновьямъ законъ разрѣшалъ въ случаѣ ихъ желанія вступать въ купечество и въ „художества“, а по достиженіи 40-лѣтняго возраста и въ бѣлое духовенство.

Не все однако, чего требовало отъ дворянъ Петровское законодательство, полностью и безпрепятственно осуществлялось въ дѣйствительной жизни. Уже требованіе постоянной службы вызывало со стороны немалой части дворянъ упорное, хотя и пассивное, сопротивленіе. Эта служба, обязательно начинавшаяся къ тому же съ нижнихъ чиновъ и почти на всю жизнь отрывавшая дворянина отъ его имѣнія, представлялась дворянамъ чрезмѣрно тяжелой и многіе изъ нихъ всячески уклонялись отъ нея, не смотря на то, что правительство грозило за такое уклоненіе жестокими карами. „Иные дворяне — писалъ современникъ Петра, крестьянинъ Посошковъ, въ своей книгѣ „О скудости и богатствѣ“ — уже состарѣлись, въ деревняхъ живучи, а на службѣ одною ногою не бывали“. Немаловажную услугу оказывало въ данномъ случаѣ дворянамъ несовершенство того административнаго аппарата, которымъ располагало правительство. Богатые — указывалъ тотъ же Посошковъ — отъ службы бѣгають, а бѣдные и старые служатъ. Куда ни посмотришь, нѣтъ у государя прямыхъ радѣтелей; всѣ судьи криво ѣдутъ: кому было служить, тѣхъ оставляють, а кто не можетъ служить, тѣхъ заставляютъ.

Еще болѣе упорное и въ гораздо бѣльшей степени успешное противодѣйствіе встрѣтилъ среди дворянъ законъ о единойнаслѣдїи дворянскихъ имѣній. Осуществленную этимъ закономъ передачу помѣстій въ собственность ихъ владѣльцевъ дворяне, естественно, приняли съ большимъ удовольствіемъ. Но отказаться отъ стараго, прочно установившагося обычая дѣлежа собственныхъ имѣній между всѣми сыновьями они не хотѣли и всячески старались обойти это требованіе закона. Одинъ изъ наиболѣе распространенныхъ способовъ такого обхода заключался въ томъ, что дворянинъ, оставляя все свое недвижимое имѣніе одному сыну, все движимое имущество, въ томъ числѣ весь живой и мертвый инвентарь имѣнія, завѣщалъ другимъ сыновьямъ. Новому владѣльцу приходилось въ этомъ случаѣ вступать въ соглашеніе съ своими братьями и предоставлять имъ то или иное участіе въ доставшемся ему имѣніи, такъ какъ безъ этого онъ не могъ получить отъ послѣдняго желательныхъ доходовъ. Въ результатѣ подобныхъ уловокъ дѣйствіе закона 1714 г., поскольку онъ былъ направленъ къ установленію единойнаслѣдїя дворянскихъ имѣній, на

практикѣ оказалось сильно ограниченнымъ. Съ другой стороны, Петръ, обѣщавшій было въ этомъ законѣ лишившимся имѣній дворянскимъ сыновьямъ свободу отъ обязательной службы, на дѣлѣ подъ давленіемъ обстоятельствъ продолжалъ требовать ея отъ всѣхъ дворянъ. Въ этихъ условіяхъ та глубокая перемѣна, какая намѣчалась въ положеніи дворянъ даннымъ закономъ, въ дѣйствительной жизни не могла осуществиться.

При всемъ томъ за время Петровскаго царствованія это положеніе во многомъ измѣнилось. Служилые люди и при Петрѣ остались привязанными къ государственной, притомъ главнымъ образомъ къ военной, службѣ и, въ частности, только подъ условіемъ службы могли владѣть своими имѣніями. Но эта служба стала теперь для нихъ постоянной и была вдобавокъ осложнена вновь созданной учебной повинностью. Зато сближавшіяся постепенно и раньше права служилыхъ людей на различные виды ихъ имѣній, на вотчины и помѣстья, были теперь вполне сравнены и въ то же время вмѣстѣ съ установленіемъ постоянной службы установлено было и постоянное денежное жалованье за нее, а дальнѣйшая раздача помѣстій была прекращена. Наконецъ, на службѣ личнымъ заслугамъ данъ былъ рѣшительный перевѣсъ надъ происхожденіемъ и всѣ служащіе были поставлены при прохожденіи ея въ одни и тѣ же условія. Благодаря этому существовавшіе прежде различные разряды служилыхъ людей отъ бояръ до городскихъ дворянъ окончательно слились въ одинъ классъ, члены котораго несли одинаковыя обязанности и обладали одинаковыми правами. При этомъ служба уже не въ видѣ болѣе или менѣе частаго исключенія, какъ это бывало прежде, а по общему правилу открывала доступъ въ этотъ классъ и лицамъ, ранѣе не принадлежавшимъ къ нему.

Такъ подъ вліяніемъ условій, въ какихъ оказались служилые люди въ Петровскую эпоху, въ ихъ быту частью получили дальнѣйшее и притомъ ускоренное развитіе процессы, начавшіеся еще въ XVII вѣкѣ задолго до Петра, частью сложились нѣкоторыя новыя черты. Вмѣстѣ съ этими измѣненіями измѣнилось и самое названіе даннаго класса. Имя „служилыхъ людей“ постепенно вышло изъ употребленія и на его мѣсто стало входить въ обиходъ имя дворянства. На первыхъ порахъ, впрочемъ, это послѣднее имя, съ которымъ связывалась еще слишкомъ свѣжая память объ одномъ изъ низшихъ разрядовъ служилаго класса, не пользовалось большою популярностью и часто замѣнялось заимствованнымъ изъ польскаго языка именемъ шляхетства.

Положеніе городского класса. Если войны Петровской эпохи и произведенное Петромъ преобразование русской арміи и административнаго аппарата русскаго государства повлекли за собой измѣненія въ быту служилаго класса, то финансовая и экономическая политика Петровскаго прави-

тельства въ свою очередь повела къ нѣкоторымъ переменамъ въ положеніи городского торгово-промышленнаго класса.

Московское правительство еще съ середины XVII вѣка старалось содѣйствовать развитію торговли и промышленности, но мѣры, принимавшіяся имъ съ этой цѣлью, имѣли очень скромный характеръ и не дали большихъ результатовъ. Петръ придалъ такимъ мѣрамъ гораздо болѣе широкой размахъ и вложилъ въ нихъ гораздо бѣльшую энергію. Уже отправляясь въ первое свое заграничное путешествіе, онъ стремился ознакомиться не только съ военной, но и съ промышленной техникой Запада и перенести ее въ Россію. То, что онъ увидѣлъ въ западно-европейскихъ странахъ, только укрѣпило его въ этихъ мысляхъ и, вернувшись на родину, онъ предпринялъ цѣлый рядъ мѣръ, направленныхъ къ улучшенію и развитію какъ техники сельскаго хозяйства въ различныхъ его отрасляхъ, такъ, въ особенности, торговли и промышленности. Русской торговлѣ онъ, въ частности, старался при этомъ привить приемы заграничнаго купечества и указомъ 1699 г. предписывалъ русскимъ купцамъ объединяться въ торговыя компаніи. Но конецъ XVII и первые годы XVIII вѣка, когда Петровское правительство въ своихъ лихорадочныхъ поискахъ необходимыхъ для веденія начатой имъ Сѣверной войны новыхъ доходовъ все болѣе расширяло торговыя монополіи казны, были мало благопріятны для развитія русской частной торговли. Болѣе успѣшно совершалось въ это время развитіе промышленности, въ особенности въ тѣхъ ея отрасляхъ, которыя были связаны съ военнымъ дѣломъ. Петръ съ одной стороны, усердно выписывалъ изъ-за границы различныхъ нужныхъ ему мастеровъ, съ другой, отправлялъ въ западно-европейскія страны немалое количество русскихъ людей для обученія разнаго рода мастерствамъ и обѣ эти мѣры не оставались безъ результатовъ.

Когда миновалъ первый, наиболѣе тяжелый періодъ Сѣверной войны и Петръ получилъ возможность удѣлить больше вниманія внутреннимъ дѣламъ, его заботы о торговлѣ и промышленности приобрѣли бѣльшую систематичность. Во время своихъ новыхъ поѣздокъ за границу онъ смогъ ближе приглядѣться къ хозяйственному быту западно-европейскихъ странъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ черезъ посредство приглашенныхъ имъ на русскую службу иностранныхъ специалистовъ онъ познакомился съ популярной тогда въ Западной Европѣ теоріей меркантилизма, согласно которой государственная власть въ интересахъ народнаго благосостоянія должна была всячески поощрять торговлю и промышленность, добиваясь того, чтобы добываемые въ странѣ сырые продукты въ ней же и обрабатывались и чтобы вывозъ товаровъ изъ данной страны превышалъ ввозъ въ нее. Усвоивъ себѣ эти взгляды, Петръ сталъ энергично проводить ихъ въ жизнь. Для содѣйствія расшире-

нію русской внѣшней торговли онъ завелъ въ нѣсколькихъ крупныхъ западно-европейскихъ центрахъ русскихъ торговыхъ агентовъ. Съ другой стороны, онъ предоставилъ болѣе широкую свободу частной инициативѣ, уничтоживъ бѣольшую часть и существовавшихъ до него, и введенныхъ имъ самимъ торговыхъ монополій казны. Завладѣвъ устьемъ Невы и основавъ здѣсь г. Петербургъ, вскорѣ обращенный имъ въ новую столицу, а на островѣ Котлинѣ построивъ г. Кронштадтъ, онъ тѣмъ самымъ открылъ для русской торговли новый, гораздо болѣе удобный и короткій по сравненію съ старой дорогой черезъ Архангельскъ, путь морскихъ сношеній съ Западной Европой. Чтобы сдѣлать этотъ путь еще болѣе удобнымъ, Петръ распорядился прорыть Вышневолоцкій каналъ, связавшій бассейнъ р. Волхова съ бассейномъ Волги и позволившій доставлять товары съ послѣдней непрерывною водной дорогой въ устье Невы. А такъ какъ и послѣ того на этомъ пути оставалось еще серьезное неудобство въ видѣ частыхъ бурь на Ладожскомъ озерѣ, то Петръ въ 1718 г. предпринялъ постройку Ладожскаго канала, который долженъ былъ соединить Волховъ въ обходъ Ладожскаго озера непосредственно съ Невой. Постройка эта, послѣ первыхъ неудачныхъ опытовъ другихъ лицъ, была поручена Петромъ вступившему на русскую службу нѣмецкому военному инженеру, Миниху, который и довелъ благополучно до конца это предпріятіе, правда, уже послѣ смерти самого Петра. Но однѣми мѣрами содѣйствія торговлѣ Петръ не ограничился. Наряду съ ними онъ прибѣгалъ и къ мѣрамъ властнаго принужденія. Такъ, для того, чтобы перевести русскую внѣшнюю торговлю съ Бѣлаго моря на Балтійское, онъ наложилъ запретъ на продажу ряда русскихъ товаровъ иностраннымъ купцамъ въ Архангельскѣ. Въ результатѣ всѣхъ этихъ мѣръ къ концу Петровскаго царствованія внѣшняя торговля Россіи перешла, дѣйствительно, главнымъ образомъ на Балтійское море, значительно расширившись при этомъ въ своемъ размѣрѣ. Въ 1710 г. къ Архангельску пришло 153 корабля иноземныхъ купцовъ. Къ Петербургу еще въ 1722 г. явилось только 116 такихъ кораблей, но уже черезъ два года, въ 1724 г., ихъ пришло сюда 240, а во всѣ пріобрѣтенные Россіей балтійскіе порты, включая и Петербургъ, 758. Балансъ внѣшней торговли по прежнему складывался при этомъ въ пользу Россіи: черезъ два года послѣ смерти Петра цѣнность русскаго вывоза опредѣлялась въ 2.400.000 рублей, а ввоза въ 1.600.000 р. Но при этомъ по прежнему же Россія вывозила по преимуществу сырье, а вмѣстѣ съ тѣмъ и роль русскаго купечества во внѣшней торговлѣ оставалась, какъ и раньше, пассивной и вплоть до конца Петровскаго царствованія на Балтійскомъ морѣ не создано русскаго торговаго флота, какъ не созданъ онъ передъ тѣмъ на Бѣломъ морѣ.

Наряду съ мѣрами, направленными къ расширенію торговли, Петръ съ теченіемъ времени усилилъ свои заботы и о промышленности. Главное вниманіе его продолжали до послѣднихъ его дней привлекать къ себѣ тѣ ея отрасли, которыя должны были служить нуждамъ арміи, и въ томъ числѣ прежде всего горное дѣло. Онъ предпринялъ при помощи выписанныхъ изъ за границы спеціалистовъ развѣдку природныхъ богатствъ Россіи, обновилъ и расширилъ добываніе и обработку желѣза въ тульскомъ и олонецкомъ округахъ и создалъ для той же цѣли рядъ заводовъ на Уралѣ, гдѣ были обнаружены богатые залежи высококачественной руды. Не менѣе усердно заботился онъ о созданіи суконныхъ фабрикъ, которыя доставили бы матеріаль для обмундированія арміи, и о заведеніи фабрикъ, нужныхъ для оборудованія флота. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ стремился создать въ Россіи и различные другіе виды фабричной промышленности. Въ заботахъ о насажденіи ея онъ всячески поощрялъ и частную инициативу, давая основателямъ новыхъ фабрикъ и денежныя ссуды и разнаго рода привилегіи и охраняя производство этихъ фабрикъ отъ заграничной конкуренціи запретительными пошлинами.

На пути развитія фабрично-заводской промышленности стояли однако два серьезныя препятствія — недостатокъ капиталовъ и отсутствіе свободныхъ рабочихъ рукъ. Первое изъ этихъ препятствій Петръ пытался устранить, содѣйствуя образованію промышленныхъ компаній, въ которыхъ объединяли бы свои средства нѣсколько лицъ, причемъ въ число ихъ могли входить и люди, не принадлежавшіе къ купечеству. Иногда это содѣйствіе переходило даже въ прямое принужденіе. Заведя и устроивъ на средства казны ту или иную фабрику, правительство затѣмъ передавало ее промышленной компаніи, а если такая не возникала добровольно, создавало ее въ принудительномъ порядкѣ („неволею“). Чаше однако дѣло ограничивалось тѣмъ, что компаніи, образовывавшіяся для устройства фабрикъ, получали особенно широкія и щедрыя льготы. Всѣ такія льготы не помогали однако разрѣшить чрезвычайно труднаго при наличіи крѣпостного права вопроса о нахожденіи для фабрично-заводской промышленности достаточнаго количества рабочихъ рукъ и Петръ кончилъ тѣмъ, что рѣшилъ строить эту промышленность на невольномъ трудѣ. Къ казеннымъ фабрикамъ и заводамъ съ самаго начала приписывались въ качествѣ рабочихъ государственные крестьяне и къ концу царствованія число такихъ приписанныхъ къ заводамъ и обязанныхъ работать на нихъ крестьянъ въ одномъ только уральскомъ округѣ доходило до 25.000. А въ 1721 г. особымъ указомъ частнымъ фабрикантамъ и заводчикамъ, хотя бы они принадлежали и къ купечеству, разрѣшено было покупать къ своимъ предпріятіямъ населенныя крестьянами имѣнія съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы имѣнія эти, получавшія

названіе поссессионныхъ, и на будущее время оставались при данныхъ предпріятіяхъ и не могли быть отчуждаемы отдѣльно отъ нихъ.

Надѣленная такими широкими привилегіями крупная промышленность оказалось однако мало жизнеспособной. Охотниковъ получить различныя льготы, предоставлявшіяся промышленнымъ компаніямъ, нашлось не мало, въ томъ числѣ даже среди ближайшихъ сотрудниковъ Петра. Но далеко не всѣ такіе охотники добросовѣстно исполняли принятыя на себя обязательства и не одна проектированная фабрика осталась на бумагѣ, послуживъ лишь поводомъ къ пріобрѣтенію авторами проекта разнаго рода выгодъ и льготъ. Съ другой стороны, и изъ тѣхъ лицъ, которыя серьезно собирались поставить фабрики, не всѣ успѣли справиться съ этимъ новымъ для нихъ дѣломъ. Наконецъ, до извѣстной степени помѣхой развитію промышленной дѣятельности являлось и то обстоятельство, что Петръ, смотря на нее, какъ на своего рода службу государству, нерѣдко соединялъ покровительство ей съ мелочной и придирчивой регламентаціей. Въ результатъ, хотя къ моменту смерти Петра въ Россіи насчитывалось 233 фабрики и завода, сравнительно немногіе изъ нихъ надолго пережили его. Уцѣлѣла, правда, металлургическая промышленность, успѣвшая развиться настолько, что уже при Петрѣ снабжала пушками и ружьями всю его армію и флотъ. Уцѣлѣли также въ значительной мѣрѣ полотняныя и суконныя фабрики, хотя все же Петру до конца его жизни приходилось прикупать для арміи заграничныя сукна. Зато изъ остальныхъ основанныхъ при немъ фабрикъ и заводовъ бѣольшая часть просуществовала недолго и вскорѣ закрылась. Такимъ образомъ при всѣхъ жертвахъ, принесенныхъ страной для созданія крупной промышленности, сохранились и продолжали развиваться въ сущности почти исключительно тѣ ея отрасли, которыя обслуживали не свободный рынокъ, а нужды государства въ тѣсномъ смыслѣ этого слова.

При такихъ условіяхъ развитія торговли и промышленности не могла осуществиться и надежда Петра на быстрое созданіе въ Россіи путемъ усиленнаго покровительства даннымъ отраслямъ народнаго хозяйства крѣпкаго и зажиточнаго торгово-промышленнаго класса на подобіе того, какой существовалъ въ западно-европейскихъ странахъ. Немаловажнымъ препятствіемъ для успѣшнаго развитія экономической дѣятельности городского класса служило и то, что на немъ продолжала тяжелымъ бременемъ лежать повинность поставки изъ своей среды государству людей для несенія бесплатной службы по финансовому вѣдомству. Петръ въ 1722 г. снялъ было съ горожанъ эту повинность, но уже въ слѣдующемъ году, въ виду обнаружившагося недостатка въ людяхъ для занятія освободившихся должностей вернулся къ старому по-

рядку и предписалъ на этихъ должностяхъ „быть изъ купечества по прежнему“. Въ связи со всѣмъ этимъ подъемъ благосостоянія городовъ за время Петровскаго царствованія не получилъ особенно большихъ размѣровъ. Число торговцевъ и промышленниковъ, правда, увеличилось, отдѣльныя лица изъ ихъ среды успѣли составить себѣ болѣе или менѣе значительныя состоянія, но въ общемъ города за рѣдкими исключеніями оставались слабо населенными и въ большинствѣ своемъ не представляли собою крупныхъ хозяйственныхъ центровъ. Это обусловило собою и малый успѣхъ произведенной Петромъ въ послѣдніе годы его жизни реформы городского управленія. Освободивъ высшіе слои горожанъ, получившіе названіе „регулярныхъ гражданъ“, отъ рекрутской повинности и тѣмъ выдѣливъ ихъ изъ остального податного населенія, эта реформа вмѣстѣ съ тѣмъ передавала въ ихъ руки управленіе и судъ въ городахъ и такимъ образомъ должна была, по мысли законодателя, создать независимость послѣднихъ отъ мѣстныхъ администраторовъ — воеводъ и губернаторовъ. На дѣлѣ однако, вслѣдствіе слабости и этихъ высшихъ слоевъ городского класса, такая независимость не осуществилась, и города съ ихъ выборными властями нерѣдко бывали вынуждены подчиняться даже произвольнымъ распоряженіямъ представителей общей администраціи.

Положеніе крестьянъ. Параллельно съ измѣненіями въ положеніи дворянъ и горожанъ за время царствованія Петра произошли перемѣны и въ положеніи крестьянства, въ особенности той его части, которая населяла владѣльческія имѣнія. Широкая власть, какою пользовались владѣльцы этихъ имѣній надъ жившими въ нихъ крестьянами, давала большой просторъ для разнаго рода злоупотребленій и ко времени Петра такіа злоупотребленія стали уже очень частымъ явленіемъ. „Помѣщики — писалъ одинъ изъ современниковъ Петра, дворцовый крестьянинъ Посошковъ, — на крестьянъ своихъ налагаютъ бремена неудобноносимыя, ибо есть такіе безчеловѣчные дворяне, что въ рабочую пору не даютъ крестьянамъ ни одного дня на себя что сработать. Многіе дворяне говорятъ: крестьянину не давай обрости, но стриги его, какъ овцу, до гола. Говоря такъ, царство пустошатъ, такъ ихъ обижаютъ, что у иного и козы не оставляютъ. Отъ такой нужды крестьяне дома свои оставляютъ и бѣгутъ, иные въ понизовыя (приволжскія) мѣста, другіе въ украинскія, нѣкоторыя и въ зарубежныя: чужія страны населяютъ, а свою пусту покидаютъ“.

Это явленіе не укрылось отъ вниманія Петра. „Есть — писалъ онъ въ одномъ изъ своихъ указовъ 1719 г. — непотребные люди, которые своимъ деревнямъ сами безпутные разорители суть и ради пьянства или иного какого непостояннаго житія вотчины свои не только не улучшаютъ, но ра-

зоряють, налагая на крестьянъ своихъ всякія несносныя тягости, бьютъ ихъ и мучать, отъ чего крестьяне, покинувъ тягла свои, бѣгають и происходитъ отсюда пустота, а въ государевыхъ податяхъ умножается доимка“. И Петръ, предписывая мѣстнымъ администраторамъ, воеводамъ и комиссарамъ „до того разоренія не допускать“, одновременно поручалъ сенату передавать имѣнія виновныхъ въ такомъ поведеніи помѣщиковъ въ завѣдываніе ихъ родственниковъ съ тѣмъ, чтобъ послѣдніе довольствовались ихъ доходами съ этихъ имѣній, тѣхъ виновныхъ, на кого это не подѣйствовало бы, указъ предписывалъ „посылать подъ началь (т. е. въ монастырь) для исправленія“, а „которые не исправятся и подъ началомъ, тѣхъ не освободить, но доходами довольствоваться ихъ самихъ, женъ ихъ и дѣтей, а по смерти отдавать деревни“ законному наслѣднику. Такимъ образомъ, охраняя интересы казны, Петръ, идя въ данномъ случаѣ дальше своего отца, обязывалъ администрацію защищать крестьянъ отъ притѣсненія со стороны помѣщиковъ и грозилъ послѣднимъ за такое притѣсненіе отрѣшеніемъ отъ управленія имѣніями, а въ случаѣ упорства и заключеніемъ въ монастырь. Когда же насиліе помѣщика переходило въ посягательство на жизнь крестьянина, виновнаго постигала и болѣе суровая кара. Такъ, въ 1721 г. Василій Головинъ, нанесшій своему человѣку такіе побои, что онъ отъ нихъ умеръ, былъ за это сосланъ на 10 лѣтъ въ каторжныя работы.

Ограждая личность крестьянъ, Петръ обратилъ вниманіе и на другое явленіе въ жизни владѣльческихъ крестьянъ, именно на нерѣдко уже практиковавшуюся помѣщиками продажу крестьянъ безъ земли, уподоблявшую ихъ рабамъ. Въ одномъ изъ указовъ 1721 г. онъ, отозвавшись съ осужденіемъ о случаяхъ такой продажи, „чего во всемъ свѣтѣ не водится и отъ чего не малой вопль бываетъ“, поручалъ сенату „оную продажу людей пресѣчь“. А ежели — прибавлялъ онъ — невозможно будетъ того вовсе пресѣчь, то бы хотя по нуждѣ продавали цѣлыми фамиліями или семьями, а не порознь“. Сенатъ однакоже за все остальное время жизни Петра не удосужился выполнить это порученіе. По всей видимости, не особенно ретиво исполнялъ онъ и предписаніе насчетъ принятія энергичныхъ мѣръ противъ „разорителей своихъ имѣній“.

Но, если попытки Петра, не измѣняя основъ установившагося соціального строя, нѣсколько улучшить все же положеніе крестьянъ не имѣли большого успѣха, то нѣкоторыя мѣры, принятыя имъ въ области финансовой и экономической политики, оказали на это положеніе прямо обратное дѣйствіе. Распространивъ введенную имъ подушную подать на холоповъ и сблизивъ такимъ путемъ послѣднихъ въ податномъ отношеніи съ крестьянами, онъ тѣмъ самымъ облегчилъ и усилилъ стремленіе помѣщиковъ сблизить крестьянъ съ холопами во

всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Съ другой стороны, его усилія создать въ Россіи крупную промышленность привели къ образованію въ составѣ русскаго крестьянства двухъ новыхъ разрядовъ, приписанныхъ къ казеннымъ заводамъ и посессионныхъ крестьянъ, положеніе которыхъ, какъ невольныхъ фабрично-заводскихъ рабочихъ, было еще тяжелѣе, чѣмъ положеніе крестьянъ, занятыхъ земледѣльческимъ трудомъ. Въ общемъ такимъ образомъ за время Петровскаго царствованія судьба русскаго крестьянства, не смотря на попытки самого Петра улучшить ее, скорѣе ухудшилась.

Эволюція соціальныхъ отношеній въ Малороссіи. Въ томъ же самомъ направленіи развивались за это время соціальныя отношенія и въ вошедшей въ составъ русскаго государства Малороссіи. Петръ и въ ней пытался оградить низшіе общественные классы отъ чрезмѣрной эксплуатаціи со стороны высшихъ, и здѣсь такія его попытки носили даже болѣе рѣшительный характеръ. На это были свои причины. Не питая довѣрія къ малорусской старшинѣ, большинство которой онъ послѣ измѣны Мазепы подозрѣвалъ въ желаніи оторваться отъ Россіи, Петръ охотно готовъ былъ защищать отъ притѣсненій этой старшины подчиненное ей крестьянство и рядовое козачество. Въмѣстѣ съ тѣмъ, желая въ виду испытывавшейся имъ острой нужды въ средствахъ привлечь Малороссію къ участию въ общегосударственныхъ расходахъ, онъ недоброжелательно смотрѣлъ на тѣ податныя привилегіи, какія старшина въ предшествовавшей періодъ успѣла пріобрѣсти для своихъ имѣній. Наконецъ, дорожа наличностью козацкаго войска, онъ считалъ необходимымъ бороться съ распространеннымъ среди старшины стремленіемъ переводить, подчасъ даже путемъ насилія, козаковъ въ ряды своихъ крестьянъ. Все это и вызвало со стороны Петра рядъ мѣръ, направленныхъ къ охранѣ интересовъ малорусскаго козачества и крестьянства.

Учредивъ въ 1722 г. составленную изъ великорусскихъ офицеровъ Малороссійскую Коллегію, Петръ поручилъ ей общее наблюденіе за дѣятельностью гетмана и старшины. При этомъ въ инструкціи, данной предсѣдателю Коллегіи бригадиру Вельяминову, Петръ предписывалъ ему не допускать раздачи имѣній гетманомъ безъ царскаго утвержденія, а наряду съ этимъ поручалъ выяснить состояніе финансовъ Малороссіи и упорядочить ихъ. Особый пунктъ инструкціи обязывалъ Вельяминова защищать козаковъ и крестьянъ отъ обидъ старшины даже въ тѣхъ случаяхъ, когда къ нему не поступить жалобы отъ самихъ обиженныхъ. Въ слѣдующемъ 1723 году Петръ издалъ указъ, согласно которому всякій крестьянинъ, который могъ письменными документами или свидѣтельскими показаніями доказать, что самъ онъ, его отецъ или дѣдъ служили въ козацкомъ войскѣ, долженъ былъ быть возвращенъ

въ ряды козаковъ. Старательное исполненіе этихъ предписаній привело Вельяминова къ столкновенію съ Полуботкомъ, который послѣ смерти гетмана Скоропадскаго былъ поставленъ Петромъ во главѣ малорусской администраціи съ титуломъ наказного гетмана и въ этомъ званіи пытался отстаивать интересы старшины. Столкновеніе окончилось не въ пользу Полуботка и послѣ постигшей его кары тѣ члены генеральной старшины, которымъ Петръ поручилъ управленіе краемъ подъ надзоромъ Малороссійской Коллегіи, уже не рѣшались противиться ея предсѣдателю. Вслѣдъ за тѣмъ Петръ распорядился произвести слѣдствіе обо всѣхъ поселеніяхъ въ Малороссіи, въ которыхъ имѣлись крестьяне, и выяснить, на какихъ основаніяхъ перешли въ частное владѣніе тѣ изъ этихъ поселеній, которыя въ данное время находились въ рукахъ членовъ старшины и другихъ лицъ. Повидимому, онъ собирался на основѣ этого слѣдствія предпринять нѣчто вродѣ произведенной въ концѣ XVII вѣка шведскимъ правительствомъ въ Лифляндіи „редукціи“, т. е. отбора въ казну неправильно перешедшихъ въ частныя руки имѣній. Осуществленіе подобной мѣры, конечно, могло бы уменьшить экономическую мощь старшины и серьезно улучшить положеніе значительной части малорусскаго крестьянства.

Производство слѣдствія объ имѣніяхъ не закончилось однако до самой смерти Петра и онъ не успѣлъ принять на основѣ этого слѣдствія никакихъ мѣръ. А указанныя выше мѣры, направленные къ ограниченію власти старшины надъ козаками и крестьянами, находили себѣ серьезный противовѣсъ въ рядѣ другихъ дѣйствій самого же Петра по отношенію къ Малороссіи. Непосредственное назначеніе имъ новыхъ лицъ, сперва малороссовъ, а затѣмъ и великороссовъ, на должности полковниковъ и сотниковъ не ослабило, а скорѣе усилило произволь малорусской администраціи, такъ какъ эти назначенныя самимъ царемъ лица нерѣдко отказывались подчиняться контролю мѣстныхъ властей и, выходя далеко за предѣлы своихъ полномочій, позволяли себѣ большія злоупотребленія. Наряду съ этимъ продолжало быстро разрастаться въ Малороссіи и крупное землевладѣніе. Самъ Петръ, частью непосредственно, частью черезъ Скоропадскаго, роздалъ немало имѣній лицамъ, проявившимъ свою вѣрность ему въ моментъ измѣны Мазепы, а послѣ неудачнаго Прутскаго похода надѣлилъ должностями и имѣніями въ Малороссіи рядъ волоховъ, молдаванъ и сербовъ, вставшихъ на его сторону во время этого похода и въ силу этого вынужденныхъ бѣжать изъ своего отечества. Съ своей стороны поставленный Петромъ въ гетманы Скоропадскій, идя по стопамъ прежнихъ носителей гетманскаго сана, роздалъ много имѣній членамъ старшины и независимо отъ царя. Помимо того, стремясь найти себѣ покровительство у послѣдняго, онъ далъ крупныя имѣ-

нія нѣсколькимъ ближайшимъ сподвижникамъ Петра и такимъ образомъ въ Малороссіи появились владѣльцы имѣній и изъ великороссовъ и служившихъ въ Россіи иноземцевъ, главнымъ образомъ нѣмцевъ. Съ ростомъ частныхъ имѣній увеличивалось и количество зависимаго отъ крупныхъ землевладѣльцевъ крестьянства и это увеличеніе шло тѣмъ быстрѣе, что владѣльцы имѣній часто стремились привлечь въ ряды такого крестьянства и козаковъ. Успѣху этого стремленія, помимо находившейся въ рукахъ многихъ владѣльцевъ благодаря занимавшимся ими должностямъ административной и судебной власти, много содѣйствовала и увеличившаяся при Петрѣ тяжесть козацкой службы. Козацкіе полки при немъ совершали походы не только въ Польшу и въ турецкія владѣнія на берегахъ Чернаго моря, но и въ прибалтійскія провинціи Швеціи, и на сѣверный Кавказъ, и въ персидскія области у Каспійскаго моря. Помимо собственно военной службы, козаки должны были, подобно великорусскимъ солдатамъ, участвовать въ строеніи крѣпостей и въ другихъ строительныхъ работахъ, притомъ не только въ Малороссіи, но и въ далекихъ отъ нея краяхъ. Особенно тяжелы были работы на Ладожскомъ каналѣ. Среди посылавшихся на нихъ козаковъ царя большая смертность и едва двѣ трети ихъ болѣе или менѣе благополучно возвращались съ этихъ работъ на родину, а остальные — порою даже въ количествѣ, далеко превышавшемъ треть общаго числа, — становились жертвами изнурительнаго труда въ непривычномъ и нездоровомъ климатѣ и соединенныхъ съ этимъ трудомъ разнообразныхъ лишеній. Все это подрывало хозяйство козаковъ и многіе изъ нихъ, стремясь избавиться отъ тяжелой службы, добровольно отказывались отъ козацкаго званія и переходили въ подданство крупныхъ землевладѣльцевъ, пополняя собою ряды крестьянства. Въ результатѣ число свободныхъ крестьянъ и козаковъ все болѣе уменьшалось, а количество зависимаго крестьянства, наоборотъ, непрерывно возрастало. И, хотя крѣпостного права въ Малороссіи не существовало и крестьяне и во владѣльческихъ имѣніяхъ оставались лично свободными людьми, все же въ этихъ условіяхъ и самая зависимость ихъ отъ владѣльцевъ имѣній замѣтно увеличилась. Такъ въ Малороссіи, какъ и въ Великороссіи, жертвы, какихъ потребовала отъ населенія преобразовательная дѣятельность Петровскаго правительства, сообщили новый и сильный толчокъ совершавшемуся и до того въ жизни страны процессу разобщенія высшихъ общественныхъ классовъ отъ низшихъ и подчиненія послѣднихъ первымъ.

Культурная реформа. Параллельно съ преобразованиями, производившимися Петромъ въ организациі военныхъ силъ, административнаго аппарата и финансовъ русскаго государства, и съ измѣненіями, въ связи съ этими преобразованиями происходившими въ строеніи русскаго общества, въ

Россіи совершалась и культурная реформа. Петръ началъ ее даже раньше всѣхъ другихъ преобразованій, едва вернувшись изъ перваго своего заграничнаго путешествія. Начало это носило характеръ чисто внѣшняго сближенія русскаго быта съ западно-европейскимъ. Петръ ввелъ — по крайней мѣрѣ, для высшихъ общественныхъ классовъ — брандобритіе, переодѣлъ ихъ въ нѣмецкое платье, замѣнилъ существовавшее въ Россіи лѣтосчисленіе отъ сотворенія міра исчисленіемъ годовъ отъ Р. Хр., наконецъ, перенесъ начало новаго года, какимъ считалось въ Московскомъ государствѣ 1 сентября, на 1 января и установилъ празднованіе этого дня. Но за этими внѣшними переменами скоро послѣдовали другія, болѣе глубокія.

Отправляясь въ 1697 г. въ Западную Европу, Петръ прежде всего хотѣлъ познакомиться съ ея корабельнымъ строительствомъ. Ему учился въ ней онъ самъ, работать на корабельныхъ верфяхъ должно было и большинство его спутниковъ, учиться кораблестроенію и управленію кораблями посылалъ онъ молодыхъ русскихъ дворянъ, и вернувшись въ Россію. Но путешествіе расширило его кругозоръ и вернулся онъ изъ за границы съ желаніемъ перенести въ Россію не только морскую, но и вообще промышленную или, по меньшей мѣрѣ, военно-промышленную технику Запада и съ мыслью о необходимости для этого соотвѣтственнаго образованія. На первыхъ порахъ эта мысль нашла себѣ осуществленіе въ области все того же наиболѣе близкаго сердцу Петра морского дѣла. Еще въ 1698 г. онъ пригласилъ на русскую службу въ качествѣ преподавателя связанныхъ съ мореплаваніемъ наукъ англичанина Фарварсона и въ 1701 г. въ Москвѣ была открыта подъ руководствомъ Фарварсона „школа математическихъ и навигацкихъ наукъ“. Въ 1715 г. она была перенесена въ Петербургъ и при этомъ получила названіе Морской Академіи. Но еще раньше того къ морской школѣ присоединилось нѣсколько другихъ. Въ 1707 г. въ Москвѣ была основана медицинская школа, а въ 1712 г. въ Петербургѣ была устроена артиллерійская школа и въ Москвѣ инженерная, черезъ 7 лѣтъ, въ 1719 г., въ свою очередь переведенная въ Петербургъ.

Всѣ эти школы носили спеціальныи характеръ и должны были готовить своихъ учениковъ къ опредѣленнымъ профессіямъ. Но наряду съ людьми, въ большей или меньшей мѣрѣ обладающими профессиональными знаніями, Петру при широкомъ размахѣ его преобразованій нужны были для замѣщенія низшихъ должностей въ арміи, во флотѣ и въ гражданской администраціи также и люди съ хотя бы начальнымъ образованіемъ. Въ виду этого онъ рѣшилъ въ 1715 г. создать въ губерніяхъ школы, которыя обучали бы арифметикѣ и геометріи, и распорядился посылать преподавателями въ эти школы учениковъ морской школы, успѣвшихъ выучиться въ ней геометріи и географіи. За время съ 1716 по 1722 г. въ губер-

скихъ и провинціальныхъ городахъ были, дѣйствительно, открыты 42 такія школы, получившія названіе „цифирныхъ“. Такъ стараніями Петровскаго правительства впервые создана была въ Россіи свѣтская школа — высшая, имѣвшая профессиональный характеръ, и низшая, имѣвшая самостоятельное назначеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ могшая служить подготовительной ступеню и для первой. Вскорѣ затѣмъ Петръ принялъ мѣры къ устройству церковной школы. Въ Москвѣ еще въ правленіе царевны Софьи была основана высшая духовная школа подъ именемъ славяно-греко-латинской академіи. Ко времени Петра она пришла, правда, въ значительной мѣрѣ въ упадокъ, но все же продолжала существовать. Петръ рѣшилъ въ дополненіе къ ней создать начальныя школы и въ 1721 г. предписалъ архіереямъ открыть такія школы въ ихъ епархіяхъ. Въ результатъ этого предписанія за время 1721—25 гг. было основано 46 епархіальныхъ школъ, причемъ учителей для нихъ поставляла главнымъ образомъ славяно-греко-латинская академія.

Появленіе этихъ епархіальныхъ школъ неблагопріятно отразилось на судьбѣ цифирныхъ школъ. Ученики послѣднихъ частью поступали въ нихъ добровольно, частью же, и притомъ въ бѣльшей мѣрѣ, набирались принудительно. При этомъ однако дворянъ среди нихъ было очень мало, такъ какъ дворяне неохотно посылали своихъ дѣтей въ эти школы, и правительство, съ своей стороны, скоро перестало принуждать ихъ къ этому. Немного, лишь около $\frac{1}{20}$, было среди учащихся и дѣтей посадскихъ людей и вдобавокъ эти послѣдніе очень скоро успѣли освободиться отъ школьной повинности, сославшись на то, что ихъ дѣти должны обучаться дома занятіямъ своихъ отцовъ. Главную же часть учащихся въ цифирныхъ школахъ составляли, съ одной стороны, дѣти солдатъ и мелкихъ чиновниковъ, не принадлежавшихъ къ дворянскому званію, т. н. „приказныхъ“, съ другой, дѣти духовенства, причемъ на долю послѣднихъ приходилась почти половина (45%) всѣхъ учащихся. Съ возникновеніемъ епархіальныхъ школъ духовенство перевело своихъ дѣтей въ нихъ и послѣ того 16 цифирныхъ школъ пришлось за отсутствіемъ учащихся совершенно закрыть, а въ остальныхъ продолжали учиться почти исключительно сыновья солдатъ и приказныхъ.

Нѣсколько иначе стояло дѣло съ высшей свѣтской школой. На первыхъ порахъ дворяне и въ нее неохотно отдавали своихъ дѣтей. Такъ, въ морской школѣ въ первые годы ея существованія среди учениковъ, поступившихъ въ нее добровольно, преобладали лица, принадлежавшія къ низшимъ слоямъ общества. Однако большинство ихъ, пройдя младшіе классы школы, получало назначеніе на различныя должности, старшіе же ея классы наполнялись уже главнымъ образомъ дворянами, немалая часть которыхъ и поступала прямо въ

нихъ. Въ дальнѣйшемъ, съ переводомъ этой школы въ Петербургъ, младшіе ея классы были все же оставлены въ Москвѣ и предназначены для не-дворянскихъ дѣтей, а въ старшіе классы, перенесенные въ Петербургъ, стали принимать по преимуществу сыновей зажиточныхъ дворянъ. Приблизительно то же самое повторилось и въ другихъ высшихъ школахъ, основанныхъ Петромъ. Сохраняя свой профессиональный характеръ, онѣ вмѣстѣ съ тѣмъ скоро стали обращаться въ сословныя школы, обслуживавшія главнымъ образомъ дворянскій классъ. Сословною стала и низшая церковная школа, а равно приближалась къ сословной и низшая свѣтская школа, набиравшая своихъ учениковъ преимущественно изъ среднихъ общественныхъ классовъ. Въ послѣдніе годы своей жизни Петръ собирался внести въ создающуюся такимъ образомъ систему школъ еще одно дополненіе. Онъ составилъ именно при содѣйствіи западно-европейскихъ ученыхъ планъ основанія въ Петербургѣ Академіи Наукъ и устройства при ней общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній — университета и гимназіи. Но осуществить этотъ планъ онъ уже не успѣлъ.

Во всякомъ случаѣ и то, что было осуществлено при Петрѣ въ области школьнаго строительства, представило собою серьезный шагъ впередъ въ развитіи просвѣщенія въ Россіи. Однимъ созданиемъ школъ дѣло къ тому же не ограничилось. Стараясь привить въ Россіи новыя для нея знанія, Петръ озаботился и созданиемъ соотвѣтственной литературы. По его приказаніямъ были частью составлены, частью переведены съ иностранныхъ языковъ, главнымъ образомъ съ нѣмецкаго, различные учебники и руководства. Сперва это были почти исключительно книги, имѣвшія своею цѣлью ознакомленіе съ техническими знаніями. Однако по мѣрѣ того, какъ съ теченіемъ времени болѣе близкое знакомство съ Западной Европой расширило умственный кругозоръ Петра, къ нимъ стали присоединяться и книги иного содержанія, въ частности, книги, трактовавшія юридическіе вопросы. Такъ, по распоряженію Петра, были переведены и напечатаны произведенія двухъ виднѣйшихъ представителей теоріи „естественнаго права“, Гуго Гроція и Пуффендорфа. Съ другой стороны, еще раньше заботы о созданіи учебной и ученой литературы Петръ пытался создать газету и театръ. Слабые зародыши такихъ явленій возникли въ Москвѣ при отцѣ Петра въ видѣ т. н. „курантовъ“ — составлявшихся для царя извѣстій о происшествіяхъ въ другихъ странахъ — и театральныхъ представленій, дававшихся во дворцѣ, для царя и его приближенныхъ. Петръ вынесъ оба эти явленія изъ дворца на улицу, въ широкую публику. Въ 1703 г. въ Москвѣ стала выходить первая русская газета, носившая названіе „Вѣдомостей“. Годомъ раньше на одной изъ московскихъ площадей было устроено

помѣщеніе для театра и въ немъ начались спектакли выпитанной изъ Германіи нѣмецкой труппы, которой вмѣстѣ съ тѣмъ было отдано въ обученіе нѣсколько русскихъ — посадскихъ и подъячихъ. Черезъ два года нѣмецкіе спектакли стали чередоваться съ русскими, а еще черезъ годъ всѣ представленія этой труппы происходили уже на русскомъ языкѣ.

Нельзя сказать, правда, чтобы всѣ эти культурныя начинанія имѣли большой успѣхъ. Такъ, устроенные въ Москвѣ спектакли очень скоро перестали привлекать посѣтителей и за отсутствіемъ ихъ въ 1707 г. должны были прекратиться. Немногимъ больше былъ и успѣхъ большинства свѣтскихъ книгъ, изданныхъ при Петрѣ. Съ одной стороны, крайняя рѣдкость обладавшихъ достаточными знаніями переводчиковъ, съ другой, недостаточная выработанность тогдашняго русскаго языка для передачи научной терминологіи являлись серьезными препятствіями для такого успѣха. Не всегда удачно выбранныя и неизмѣнно отличавшіяся крайне тяжелымъ изложеніемъ, книги эти находили для себя лишь ничтожное число читателей и въ большей своей части оставались лежать на складахъ. Только одна изъ вышедшихъ при Петрѣ свѣтскихъ книгъ выдержала при немъ же три изданія и эта книга — „Юности честныя зеркало или показаніе къ житейскому обхожденію“ — представляла собою сборникъ правилъ насчетъ того, какъ слѣдуетъ молодому дворянину держать себя въ обществѣ. Тотъ классъ русскаго общества, которому Петръ стремился привить техническія знанія, въ большинствѣ своемъ, видимо, съ гораздо бѣльшимъ рвеніемъ старался пріобрѣсти знаніе свѣтскихъ манеръ. Не очень великъ былъ въ этихъ условіяхъ и успѣхъ петровскихъ школъ. Принудительно въ большинствѣ своемъ набравшіеся въ школу и принудительно же обучавшіеся въ ней ученики старались не столько выучиться въ ней, сколько вырваться изъ нея. Такъ, немалая часть учениковъ цифирныхъ школъ оказалась — можно думать, не всегда по своей винѣ — неспособной къ ученью, а еще бѣльшая часть попросту сбѣжала отъ него. То же происходило и въ другихъ школахъ. Изъ числа учениковъ морской школы, на примѣръ, въ 1722 г. числились въ бѣгахъ 127 человекъ, среди которыхъ было 33 дворянина. При всемъ томъ усилія Петра внести въ Россію новую для нея свѣтскую науку и сблизить русскій бытъ съ западно-европейскимъ не остались безплодными. Извѣстные результаты они все же дали, создавъ въ русскомъ обществѣ нѣкоторое, хотя и не особенно большое, количество получившихъ свѣтское образованіе людей и измѣнивъ до нѣкоторой степени на западный образецъ порядки жизни въ домахъ по крайней мѣрѣ столичнаго дворянства.

Мѣры по отношенію къ церкви. Вмѣстѣ съ тѣмъ частью эти усилія, частью испытывавшаяся государствомъ острая нужда въ людяхъ и средствахъ привели Петра къ ряду мѣропріятій, существенно измѣнившихъ положеніе русской церкви. Послѣдняя ко времени Петра была уже въ значительной мѣрѣ подчинена государству. Въ то же время она владѣла большими имѣніями, пользовалась широкими привилегіями и, опираясь на поддержку государства, стремилась властно руководить умственной жизнью общества. Эту жизнь она ревниво охраняла отъ всѣхъ иноземныхъ вліяній, усматривая въ нихъ недопустимую ересь, и стараясь воздѣйствовать въ этомъ смыслѣ и на политику правительства. Петру еще въ годы правленія его матери, когда самъ онъ не принималъ активнаго участія въ правительственной дѣятельности, пришлось столкнуться съ этимъ стремленіемъ церковныхъ властей. Патріархъ Іоакимъ, поддерживавшій царицу Наталью и Петра въ ихъ борьбѣ съ царевной Софьей, былъ ревностнымъ поклонникомъ московской старины. Поэтому онъ недоброжелательно смотрѣлъ на сближеніе Петра съ иноземцами и на усвоеніе имъ ихъ обычаевъ и въ своихъ обращеніяхъ къ паствѣ рѣзко осуждалъ такое усвоеніе. Въ свою очередь и смѣнившій Іоакима въ 1690 г. на патріаршемъ престолѣ Адріанъ раздѣлялъ то же настроеніе и, хотя проявлялъ онъ его съ бѣльшей сдержанностью и осторожностью, такъ что вызывалъ противъ себя даже нареканія болѣе горячихъ приверженцевъ старины, все же Петръ не могъ не видѣть въ немъ противника своимъ преобразовательнымъ планамъ. Равнымъ образомъ не встрѣчалъ Петръ полнаго сочувствія своимъ преобразованіямъ и у другихъ іерарховъ русской церкви. Въ то же время въ рядахъ низшаго духовенства наблюдалось явное недоумѣніе по поводу поведенія и дѣйствій царя и находились даже люди, рѣшавшіеся выступить съ открытымъ осужденіемъ этихъ дѣйствій. Это заставляло опасаться, что въ томъ случаѣ, если мѣсто патріарха займетъ достаточно энергичный человѣкъ, онъ, пользуясь авторитетомъ своего сана, легко сможетъ собрать вокругъ себя всѣхъ недовольныхъ и такимъ путемъ создать широкое оппозиціонное движеніе.

При такомъ положеніи дѣлъ, когда Адріанъ въ 1700 г. умеръ, Петръ, не находя удобнаго для себя преемника ему, рѣшилъ оставить патріаршій престолъ вакантнымъ. Не возводя никого въ санъ патріарха, онъ назначилъ лишь „мѣстоблюстителя патріаршаго престола“ одного изъ наиболѣе просвѣщенныхъ архіереевъ той поры, малоросса по происхожденію и воспитанника кіевской духовной академіи, рязанскаго епископа Стефана Яворскаго. Съ ученымъ малороссомъ Петръ, видимо, надѣялся поладить скорѣе, чѣмъ съ кѣмъ-либо изъ епископовъ-великороссовъ. Въ общемъ его надежда и оправдалась. Временами, правда, Яворскій рѣшался публично осуж-

дать отдѣльныя его дѣйствія, но это бывало не часто. И во всякомъ случаѣ, не имѣя сана патріарха, Яворскій не имѣлъ и его авторитета. Съ другой стороны, ставъ лишь блюстителемъ патріаршаго престола, онъ не получилъ и той власти, какою располагалъ до того патріархъ. Петръ воспользовался смертью Адріана, чтобы сократить церковную юрисдикцію и измѣнить порядокъ управленія церковными имѣніями. Въ этихъ видахъ онъ въ 1701 г. возстановилъ созданный было его отцомъ, но затѣмъ въ 1675 г. уничтоженный Монастырскій приказъ и передалъ въ вѣдѣніе этого учрежденія, составленнаго изъ свѣтскихъ людей, и судъ надъ духовенствомъ въ тяжбахъ между нимъ и свѣтскими людьми, и управленіе церковными имѣніями. При этомъ лишь часть доходовъ съ послѣднихъ должна была впредь идти на содержаніе монастырей и епископовъ, другая же часть поступала въ распоряженіе государства, обращавшаго ее на общія свои нужды. За поставленнымъ во главѣ церкви Яворскимъ оставалось такимъ образомъ только управленіе собственно церковными дѣлами, причемъ дѣятельное участіе въ немъ, продолжая и расширяя въ этомъ случаѣ практику прежнихъ московскихъ государей, принималъ и самъ Петръ.

Эта организація церковнаго управленія явно носила временный характеръ. Тѣмъ не менѣе она просуществовала довольно долго и только въ 1721 г. произведено было Петромъ новое, на этотъ разъ коренное преобразование. При проведеніи его видную роль сыгралъ другой ученый малороссъ Феофанъ Прокоповичъ. Какъ и Яворскій, онъ былъ воспитанникомъ кіевской академіи. Послѣ нея онъ побывалъ и въ католическихъ школахъ Запада, но ихъ схоластическая наука не удовлетворила его и, въ противоположность Яворскому, который въ своихъ богословскихъ взглядахъ до извѣстной степени клонился къ католичеству, онъ усвоилъ себѣ нѣкоторыя протестантскія воззрѣнія, въ частности и по вопросу объ отношеніи церкви къ государству. Познакомившись съ нимъ въ Кіевѣ въ 1706 г., Петръ оцѣнилъ его живой умъ, широкую образованность и большую энергію и черезъ нѣсколько лѣтъ вызвалъ его на сѣверъ и возвелъ на епископскую кафедру въ Псковѣ. Въ санѣ епископа Прокоповичъ и явился помощникомъ и апологетомъ Петра въ дѣлѣ проведенія имъ новой церковной реформы.

Реформа эта совершенно устраняла изъ русской церкви патріарха и замѣняла его коллегіальнымъ учрежденіемъ, получившимъ названіе Святѣйшаго Правительствующаго Синода. Въ Духовномъ Регламентѣ — составленномъ Феофаномъ Прокоповичемъ и проредактированнымъ Петромъ уставѣ, которымъ долженъ былъ руководиться синодъ въ своей дѣятельности, — были откровенно указаны побужденія, вызывавшія такую замѣну. При существованіи патріарха — говорилось

здѣсь — въ случаѣ разногласій между нимъ и монархомъ народная масса, видящая въ патріархѣ главу церкви и какъ бы „второго самодержца“, легко можетъ быть вовлечена въ сопротивление монаршей волѣ и въ государствѣ могутъ возникнуть „мятежи и смущенія“. При управленіи же церкви коллегіей, установленной монаршимъ указомъ, такой опасности не будетъ: „народъ пребудетъ въ кротости и потеряетъ надежду на помощь духовнаго чина въ бунтахъ“. Исходя изъ этихъ побужденій, Петръ далъ синоду и соотвѣтственную организацію, уподоблявшую его другимъ центральнымъ государственнымъ учрежденіямъ, созданнымъ въ эти годы. Синодальная коллегія состояла изъ президента, двухъ вице-президентовъ, четырехъ совѣтниковъ и четырехъ ассесоровъ. Всѣ эти члены ея, принадлежавшіе къ черному и бѣлому духовенству, назначались царемъ, притомъ по большей части лишь на время. Помимо этихъ духовныхъ лицъ, въ синодъ назначался свѣтскій чиновникъ съ именемъ оберъ-прокурора. Онъ долженъ былъ наблюдать за рѣшеніями членовъ синода, выполняя въ немъ въ общемъ ту же роль, какую игралъ генераль-прокуроръ въ сенатѣ. Наконецъ, при синодѣ создавалась для надзора за подчиненнымъ ему духовнымъ вѣдомствомъ сѣтъ „инквизиторовъ“, въ точности соотвѣтствовавшихъ слѣдившимъ за дѣятельностью свѣтской администраціи фискаламъ.

Такая организація синода, включая церковное управленіе въ общую систему административныхъ учрежденій, вмѣстѣ съ тѣмъ ставила его въ полное подчиненіе государственной власти. Хотя синодъ, замѣняя патріарха, въ церковныхъ дѣлахъ и получалъ, по выраженію Духовнаго Регламента, „силу и власть патріаршескую“, однако въ дѣйствительности всѣ рѣшенія его и въ этой области находились черезъ посредство оберъ-прокурора подъ непрерывнымъ контролемъ верховной власти. Въ виду этого Петръ нашелъ возможнымъ закрыть Монастырскій приказъ и передать въ вѣдѣніе синода и управленіе церковными имѣніями. Такая передача, дѣйствительно, не явилась возстановленіемъ того порядка, какой существовалъ для этихъ имѣній до 1701 г. Матеріальныя обязательства, возложенныя на нихъ въ этомъ году, были не только сохранены, но и увеличены Духовнымъ Регламентомъ и послѣдовавшими за нимъ указами Петра. Епископамъ вмѣнялось въ обязанность открывать въ своихъ епархіяхъ школы, монастыри должны были призрѣвать нищихъ и больныхъ и содержать отставныхъ военныхъ, не могшихъ по инвалидности продолжать службу и не имѣвшихъ своихъ средствъ.

Учрежденіе синода, сопровождаемое изданіемъ Духовнаго Регламента, завершило собою такимъ образомъ процессъ подчиненія церкви государству, начавшійся въ Московской Руси задолго до Петра. Яркимъ выраженіемъ этого подчиненія явился указъ, изданный синодомъ на второмъ году его

существованія и предписывавшій священникамъ доносить правительству объ услышанныхъ ими на исповѣди замыслахъ противъ государя или государства. Созданное Петромъ высшее церковное учрежденіе находило, слѣдовательно, не только возможнымъ, но и обязательнымъ для служителей церкви нарушение тайны исповѣди, разъ дѣло касалось интересовъ государства.

Наряду съ преобразованиемъ церковнаго управленія Петръ на протяженіи своего царствованія принялъ и рядъ мѣръ по отношенію къ духовенству, какъ особому сословію. Въ нихъ онъ опять таки руководился государственными интересами въ томъ видѣ, какъ они ему представлялись, и прежде всего стремленіемъ привлечь возможно больше людей къ производительному труду и къ прямой службѣ государству. Въ этихъ цѣляхъ онъ предписывалъ сдавать въ солдаты и записывать въ подушный окладъ не получившихъ образованія сыновей духовныхъ лицъ, вель борьбу съ бродячимъ духовенствомъ, не прикрѣпленнымъ ни къ какимъ приходамъ и храмамъ, уменьшалъ число приходовъ и увеличивалъ ихъ размѣры, пытаясь всѣми этими путями сократить количество блага духовенства и вмѣстѣ создать для него болѣе прочное матеріальное положеніе. Еще болѣе рѣшительныя мѣры принималъ онъ по отношенію къ черному духовенству. Человѣкъ исключительно трезваго ума, чуждый всякой мистикѣ, онъ считалъ, что въ монашество люди уходятъ по большей части „отъ податей и отъ лѣности, чтобы даромъ хлѣбъ ѣсть“, и, пребывая въ монастыряхъ, „поѣдаютъ чужіе труды“. Но кромѣ того, его настраивало враждебно къ монахамъ и то обстоятельство, что именно въ ихъ средѣ онъ встрѣчалъ особенно упорныхъ противниковъ измѣненій, вводившихся имъ въ старый московскій бытъ, и что изъ монастырей шла подчасъ и соотвѣтственная пропаганда. Поэтому онъ не только сократилъ число монастырей, закрывъ тѣ изъ нихъ, которые не имѣли достаточныхъ средствъ для своего содержанія, и затруднилъ пріемъ новыхъ лицъ въ монашество, но и подчинилъ всю жизнь монаховъ строгому надзору и ряду стѣсненій. Не только бродяжить, но даже и переходить изъ одного монастыря въ другой монахамъ воспрещалось. Число ихъ въ уцѣлѣвшихъ монастыряхъ было опредѣлено, какъ опредѣлены были — на очень невысокомъ уровнѣ — и нормы ихъ содержанія. Жизнь каждаго монаха въ стѣнахъ монастыря должна была проходить на глазахъ другихъ его обитателей и, прежде всего, монастырскаго начальства. Еще въ 1701 г. состоялся указъ, согласно которому монахи не должны были держать въ своихъ кельяхъ чернилъ и могли писать что-либо только въ трапезѣ, пользуясь общей чернильницей. Въ 1723 г. эти предписанія были повторены и мотивировались утвержденіемъ, что участіе въ политической литературѣ несовмѣстимо съ за-

вѣтами монашества. „Ничто — говорилось въ указѣ — такъ монашескаго безмолвія не разоряетъ, какъ суетныя ихъ и тщетныя письма“, Въ интересахъ того же „монашескаго безмолвія“ ограничено было, наконецъ, и личное общеніе монаховъ съ мірянами.

Съ своимъ окончательнымъ подчиненіемъ государству, сопровождавшимся измѣненіемъ порядка ея управленія и, до извѣстной степени, условій жизни ея служителей, православная церковь и при Петрѣ оставалась однако въ Россіи господствующей церковью, рядомъ съ которой другія вѣроисповѣданія въ лучшемъ случаѣ могли пользоваться только терпимостью, не шедшей къ тому же очень далеко. Увлеченіе православнаго человѣка католическою или протестантскою „ересью“ по прежнему признавалось преступленіемъ, которое могло повлечь за собою смертную казнь. Но все же по сравненію съ предыдущей эпохой предѣлы терпимости замѣтно расширились. И протестанты, и католики не испытывали теперь въ Россіи никакихъ стѣсненій и свободно отправляли свои религіозные обряды, а въ 1721 г. синодъ разрѣшилъ и запрещавшіяся до того браки православныхъ съ протестантами и католиками.

Вмѣстѣ съ тѣмъ смягчилось и отношеніе власти къ т. н. „раскольникамъ“ или старообрядцамъ, отколовшимся отъ официальной русской церкви изъ-за произведенной въ ней патріархомъ Никономъ обрядовой реформы. Послѣ того, какъ церковные соборы 1666 и 1667 гг. возложили на нихъ, какъ на ослушниковъ церкви, проклятіе, государственная власть въ лицѣ правительства ц. Алексѣя, а затѣмъ и его сына Федора обрушила на вождей старообрядчества тяжелыя кары, доходившія до смертной казни. Правительство царевны Софьи пошло въ этомъ направленіи еще дальше. Подавивъ попытку старообрядцевъ использовать для торжества своихъ взглядовъ стрѣлецкій мятежъ, оно издало въ 1684 г. указъ, грозившій всѣмъ упорнымъ старообрядцамъ сожженіемъ на кострѣ, и эта угроза не осталась безъ примѣненія. Положеніе измѣнилось, когда дѣло правленія взялъ въ свои руки молодой Петръ. Собственно церковныя власти и при немъ настаивали на необходимости примѣненія къ старообрядцамъ суровыхъ каръ. Не говоря уже о патріархахъ Іоакимѣ и Адріанѣ, и такой просвѣщенный іерархъ, какъ Стефанъ Яворскій, рѣшительно заявилъ, что „еретиковъ достойно и праведно есть убивати“. „Искусъ научаетъ, — писалъ онъ въ своемъ произведеніи, озаглавленномъ имъ „Камень Вѣры“, — яко иного на еретиковъ врачеванія нѣсть, паче смерти“, такъ какъ „проклятію еретики смѣются и глаголють быти громъ безъ молніи, отъятія имѣній не боятся“. Поэтому, заключалъ онъ, „едино точію таковымъ врачеваніе смерть“ и дѣло „мірскихъ начальниковъ“ церкви, держащихъ въ своихъ рукахъ ея „ве-

щественный мечъ“, примѣнять это „врачеваніе“. Однако Петръ не считалъ нужнымъ слѣдовать этимъ совѣтамъ и наставленіямъ. Онъ не находилъ, правда, возможнымъ отказаться отъ поддержки церковныхъ порядковъ силою государственной власти. Специальными указами онъ предписывалъ священникамъ слѣдить за тѣмъ, чтобы „разночинцы, посадскіе и поселяне“ по праздникамъ посѣщали церкви, стояли въ нихъ „со всякимъ благоговѣніемъ“ и ежегодно исповѣдывались, на уклоняющихся же отъ этого налагать денежный штрафъ и доносить объ нихъ мѣстнымъ властямъ. Не находилъ онъ также возможнымъ и не принимать никакихъ мѣръ противъ старообрядцевъ, тѣмъ болѣе, что въ ихъ лицѣ онъ встрѣтилъ наиболѣе ожесточенныхъ противниковъ вводившихся имъ новшества. Въ этихъ новшествахъ старообрядцы, дѣйствительно, усматривали доказательство окончательнаго отпаденія официальной Россіи отъ правой вѣры, страстно возмущались такимъ отпаденіемъ и наиболѣе непримиримые изъ нихъ одно время даже утверждали, что въ лицѣ Петра въ Московскомъ государствѣ воцарился никто иной, какъ антихристъ. Все же на первыхъ порахъ Петръ, сурово карая отдѣльныхъ людей, уличенныхъ въ подобной пропагандѣ противъ него, въ качествѣ общей мѣры по отношенію къ старообрядчеству, ограничился лишь тѣмъ, что обратилъ его въ источникъ экстреннаго дохода для казны, обложивъ старообрядцевъ двойною податью. Эта мѣра, конечно, тяжело отзывалась на матеріальномъ положеніи старообрядцевъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ она заключала въ себѣ какъ бы признаніе ихъ со стороны государства. Съ теченіемъ времени однако, убѣдившись, что число старообрядцевъ непрерывно растетъ и что среди нихъ продолжаютъ существовать враждебныя новымъ порядкамъ настроенія, Петръ присоединилъ къ этой мѣрѣ и другія. Въ помощь духовнымъ лицамъ, занятымъ увѣщаніемъ старообрядцевъ, назначенъ былъ гвардейскій капитанъ и ему предписано было воздѣйствовать на увѣщеваемыхъ путемъ наложенія суровыхъ каръ на ихъ вождей и проповѣдниковъ. Все же и тутъ Петръ постарался еще избѣжать вида явнаго гоненія на вѣру и, приказывая „съ наказаніемъ и вырѣзавъ ноздри ссылатъ на галеры“ старообрядческихъ „учителей“, рекомендовалъ примѣнять къ нимъ эту мѣру въ томъ случаѣ, если на нихъ возможно будетъ „явную вину сыскать кромѣ раскола“. Въ послѣдніе же годы своего царствованія онъ пошелъ и дальше, ограничивъ гражданскія права старообрядцевъ и даже обязавъ ихъ особымъ указомъ, изданнымъ въ 1722 г., носить отличавшій ихъ отъ всѣхъ другихъ костюмъ, специально придуманный съ цѣлью выставить ихъ на посмѣяніе. Такъ по существу и при Петрѣ продолжалось начатое до него преслѣдованіе старообрядцевъ. Но сравнительно съ предшествовавшимъ періодомъ оно во всякомъ случаѣ носило

болѣе мягкія формы и въ основѣ его лежали мотивы не столько религіознаго, сколько государственнаго характера. Поэтому оно не являлось безусловнымъ и въ отдѣльныхъ случаяхъ, когда власть была увѣрена въ безопасности для нея старообрядцевъ, смѣнялось терпимостью къ нимъ.

Общій характеръ Петровской реформы. При всемъ разнообразіи, при всей широтѣ и глубинѣ проводившихся Петромъ преобразованій они не были какимъ-либо кореннымъ переворотомъ. Основнымъ мотивомъ, вызывавшимъ эти преобразованія, былъ интересъ государства и результатомъ ихъ являлось развитіе и укрѣпленіе въ жизни страны государственнаго начала. Послѣднее однако задолго до Петра укоренилось и возобладало въ московской Руси, и Петръ своими мѣрами только проводилъ его дальше и послѣдовательнѣе. Вполнѣ новымъ при этомъ было лишь то, что, требуя отъ всѣхъ слоевъ населенія прежде всего служенія государству, онъ распространялъ это требованіе и на носителя верховной власти, рассматривая самого себя, какъ слугу государства, и тѣмъ самымъ устраняя тотъ собственническій, „вотчинный“ оттѣнокъ, который свойствененъ былъ власти его предшественниковъ на московскомъ тронѣ. Самыя же преобразованія, вводившіяся Петромъ, начиная съ его военной реформы и кончая культурной, не только намѣчались, но частично и осуществлялись при его непосредственныхъ предшественникахъ. Стличало его отъ нихъ не столько содержаніе его преобразовательной дѣятельности и не столько даже ея приемы, сколько чрезвычайное ея напряженіе, созданное частью общими условіями, въ которыхъ она протекала, частью обстоятельствами личной жизни преобразователя.

Вызванныя прежде всего потребностями государства, Петровскія преобразованія и проводились въ жизнь силою государственной власти, часто, если не постоянно, прибѣгавшей для ихъ осуществленій къ мѣрамъ принудительнаго характера. „Многомысленная и безпокойная глава“, умѣющая понимать тѣхъ, кто ищетъ „правды и народу обороны“, какъ характеризовалъ его одинъ изъ его второстепенныхъ сотрудниковъ, Петръ, унаслѣдовавъ традиціи прежнихъ московскихъ царей и подкрѣпивъ ихъ тѣмъ, что дало ему его знакомство съ Западной Европой, глубоко вѣрилъ въ возможность отыскать эту правду на путяхъ властнаго принужденія. Если — разсуждалъ онъ — даже въ такомъ старомъ и богатомъ опытомъ государствѣ, какъ Голландія, купцамъ „принужденіе чинится“, то „колыми паче у насъ надобно принужденіе, яко у новыхъ людей во всемъ“. „Сами знаете, — писалъ онъ въ 1721 г. въ указѣ одному изъ своихъ губернаторовъ — хотя что добро и надобно, а новое дѣло, то наши люди безъ принужденія не сдѣлають“. Въ другомъ указѣ онъ сравнивалъ

свой народъ съ дѣтьми, которыя не возьмутся за азбуку, пока ихъ не приневолятъ учитель, а выучившись, благодарятъ. Это — прибавлялъ онъ — „явно изъ всѣхъ нынѣшнихъ дѣлъ — не все-ль неволею сдѣлано и уже за многое благодареніе слышится“. Обращаясь съ своими предписаніями къ населенію, онъ, правда, сопровождалъ ихъ не только угрозами жестокихъ каръ въ случаѣ ихъ неисполненія, какъ дѣлали это его предшественники на престолѣ, но и обстоятельными разъясненіями причинъ и цѣлей этихъ предписаній. Однако, при этомъ онъ всегда оставался убѣжденнымъ, что лучшіе порядки во всемъ могутъ и должны быть указываемы населенію властью, какъ указываются они дѣтямъ ихъ воспитателями. Недаромъ въ одномъ изъ его законодательныхъ актовъ — въ Регламентѣ Главнаго Магистрата — былъ помѣщенъ своего рода панегирикъ полиціи, закончившійся утвержденіемъ, что она „есть душа гражданства и всѣхъ добрыхъ порядковъ и фундаментальный подпоръ человѣческой безопасности и удобства“. Государство, какъ его понималъ и строилъ Петръ, было именно полицейскимъ государствомъ, въ которомъ власть стремилась руководить всею жизнью подданныхъ. И въ соотвѣтствіи съ этимъ однимъ изъ результатовъ преобразованій Петра явилось дальнѣйшее развитіе начавшейся при его предшественникахъ централизаціи и бюрократизаціи государственнаго аппарата.

Но наряду съ этимъ въ преобразовательной дѣятельности Петра рѣзко сказались и его индивидуальныя черты. Выросшій въ обстановкѣ борьбы двухъ дворцовыхъ партій, съ которой переплеталась борьба общественныхъ движеній, въ дѣтствѣ видѣвшій кровавыя сцены этой борьбы, мальчикомъ и юношей испытавшій покушенія на признанную за нимъ царскую власть, онъ на всю жизнь сохранилъ память объ этихъ впечатлѣніяхъ своего дѣтства и юношества. Вытѣсненный сестрою изъ кремлевскаго дворца, покинутый въ критическій моментъ большинствомъ стараго боярства, воспитавшійся внѣ привычной для московскихъ царевичей обстановки, онъ проникся враждой не только къ соперницѣ-сестрѣ и къ поддерживавшимъ ее стрѣльцамъ, но и къ царскому дворцу съ его порядками и къ родовитымъ боярамъ и создалъ для себя иные порядки и иное окруженіе. Строгій дворцовый этикетъ съ его пышностью и натянутостью замѣнился при немъ крайней простотой, нерѣдко соединявшейся съ большой распушенностью, мѣсто стоявшаго раньше около царя сплоченнаго круга боярской знати заняла пестрая компанія людей самаго различнаго происхожденія и даже различныхъ національностей, наконецъ, самую Москву, съ которой у Петра связывалось воспоминаніе о направленныхъ противъ него заговорахъ и мятежахъ, онъ скоро замѣнилъ новой столицей — построеннымъ имъ на финскихъ болотахъ Петербургомъ. И въ другія

свои преобразованія онъ внесъ это чувство личной вражды къ старымъ московскимъ порядкамъ. Онъ не просто измѣнялъ старину, а гналъ ее, боролся съ нею и тѣмъ часто безъ нужды осложнялъ свое дѣло. При этомъ, ревниво охраняя свою власть, онъ въ каждомъ осужденіи своихъ дѣйствій готовъ былъ видѣть покушеніе на нее и созданная имъ въ первые годы правленія политическая полиція, воплотившаяся въ учрежденіи, получившемъ имя Преображенскаго Приказа, неустанно работала и во все остальное время его царствованія, принимая доносы, производя по нимъ разслѣдованія при помощи жестокихъ пытокъ и щедро разсыпая суровыя кары въ видѣ тѣлесныхъ наказаній и смертныхъ казней. Въ этихъ условіяхъ преобразованія Петра часто пріобрѣтали отпечатокъ произвола и насилія и производили впечатлѣніе гораздо болѣе рѣзкаго разрыва съ прошлымъ по сравненію съ тѣмъ, какой заключался въ нихъ въ дѣйствительности. На дѣлѣ же въ нихъ осуществлялась программа, сложившаяся и въ отдѣльныхъ своихъ частяхъ даже проводившаяся въ московской жизни еще до воцаренія Петра. Только осуществлена она была Петромъ съ такимъ размахомъ и съ такой энергіей, какихъ не доставало прежнимъ ея сторонникамъ.

Сотрудники и противники Петра. При осуществленіи этой программы Петръ не былъ и одинокъ. Въ его распоряженіи находился немалый кругъ сотрудниковъ, подобранныхъ, правда, имъ самимъ. По составу своему этотъ кругъ былъ не однороднымъ, включая въ себя людей различнаго происхожденія и разнаго общественнаго положенія. Изъ потомковъ старыхъ боярскихъ родовъ въ число ближайшихъ сотрудниковъ Петра вошли лишь немногіе. Видное мѣсто среди приближенныхъ къ Петру лицъ занималъ въ первое время его царствованія пріобрѣтшій громкую и печальную извѣстность начальникъ Преображенскаго приказа князь Ромодановскій, выдвинувшійся своею безграничною преданностью царю. Но онъ былъ лишь оберегателемъ Петра и его власти, а не его сотрудникомъ въ точномъ смыслѣ этого слова. Иную роль игралъ другой членъ старой знати, Борисъ Петровичъ Шереметевъ, ставшій при Петрѣ первымъ фельдмаршаломъ изъ русскихъ. До званія фельдмаршала дослужились и два члена старыхъ княжескихъ фамилій, кн. Никита Ивановичъ Рѣпнинъ и кн. Михаилъ Михайловичъ Голицынъ. Старшій братъ послѣдняго, кн. Дм. Голицынъ, при образованіи губерній занялъ мѣсто кievскаго губернатора, а затѣмъ былъ возведенъ Петромъ въ званіе сенатора. Виднымъ сенаторомъ былъ и одинъ изъ князей Долгоруковыхъ, кн. Яковъ Федоровичъ. Но всѣ эти лица, помогая Петру въ его правительственныхъ заботахъ, далеко не были безусловными поклонниками его дѣятельно-

сти и ко многому въ ней относились критически. Соотвѣтственно этому и отношеніе Петра къ нимъ было болѣе или менѣе сдержаннымъ.

Гораздо ближе къ Петру стояла другая группа его сотрудниковъ, состоявшая изъ выдвинутыхъ имъ на высокіе посты незнатныхъ и даже „худородныхъ“ людей. Наболѣе виднымъ представителемъ этой группы былъ А. Д. Меншиковъ. Человѣкъ темнаго происхожденія, онъ въ раннемъ возрастѣ былъ взятъ юнымъ Петромъ въ его потѣшные солдаты, скоро вошелъ въ милость къ нему и благодаря своему живому уму, большой воспріимчивости и выдающейся энергіи постепенно сталъ его правой рукой и на поляхъ войны, и въ дѣлахъ гражданскаго управленія, занявъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду правительственныхъ лицъ. Это мѣсто онъ сохранилъ за собою до конца Петровскаго царствованія, не смотря даже на то, что нерѣдко навлекалъ на себя гнѣвъ царя своимъ крайнимъ корыстолюбіемъ и готовностью пользоваться своимъ высокимъ положеніемъ въ цѣляхъ личнаго обогащенія. Вмѣстѣ съ Меншиковымъ въ число близкихъ сотрудниковъ Петра входили и другія лица, по своему происхожденію принадлежавшія къ среднему и мелкому дворянству, а то и къ еще болѣе низкому слою общества. Не одинъ изъ нихъ, подобно тому же Меншикову, пользовался этимъ сотрудничествомъ ради личной выгоды, однако были среди нихъ и люди, сознательно раздѣлявшіе преобразовательныя стремленія Петра. И во всякомъ случаѣ даже тѣ лица этой группы, которыя не вполне раздѣляли эти стремленія, все же помогали успѣху преобразованій, такъ какъ съ нимъ было связано ихъ собственное положеніе.

Наконецъ, третью группу дѣятельныхъ сотрудниковъ Петра составляли поступившіе на русскую службу и болѣе или менѣе обрусѣвшіе иноземцы. Дорожа знаніями и опытомъ иностранцевъ и въ большемъ количествѣ привлекая ихъ на свою службу, Петръ все же, за рѣдкими исключеніями, старался не выдвигать ихъ на первыя мѣста, а держать подъ начальствомъ русскихъ людей въ качествѣ помощниковъ и совѣтниковъ послѣднихъ. Однако нѣкоторые изъ такихъ иноземцевъ успѣли подняться до высокихъ постовъ и явиться исполнителями важныхъ порученій. Такъ сынъ выходца изъ Литвы Ягужинскій сталъ генераль-прокуроромъ сената, а ученый нѣмецъ Брюсъ былъ назначенъ президентомъ бергъ-коллегіи. Сынъ плѣннаго еврея Шафировъ, проявившій дипломатическія способности и оказавшій, въ частности, большую услугу Петру при заключеніи мира съ турками послѣ неудачнаго прутскаго похода, дослужился до должности вице-канцлера. На дипломатическомъ же поприщѣ выдѣлился выѣхавшій изъ Германіи на русскую службу сынъ вестфальскаго пастора Остерманъ, котораго Петръ сдѣлалъ однимъ изъ своихъ

уполномоченныхъ при заключеніи Ништадтскаго мира. Другому выѣхавшему въ Россію нѣмцу, инженеру Миниху, Петръ поручилъ постройку Ладожскаго канала послѣ того, какъ съ нею не успѣлъ справиться Меншиковъ.

Къ этому пестрому кругу болѣе или менѣе видныхъ и вліятельныхъ участниковъ работы Петровскаго правительства примыкалъ широкій кругъ рядовыхъ исполнителей правительственныхъ предначертаній. Такими исполнителями при Петрѣ, какъ и при его предшественникахъ, являлись по преимуществу дворяне. Петръ, правда и на эти роли нерѣдко набиралъ какъ людей изъ низшихъ классовъ русскаго общества, не исключая даже холоповъ, такъ и пріѣзжихъ иноземцевъ. Но въ созданныхъ имъ новыхъ условіяхъ государственной службы тѣ и другіе скоро входили въ составъ дворянства и постепенно сливались съ нимъ. Съ другой стороны, будучи окончательно уравниено Петромъ съ потерявшимъ всѣ свои привилегіи боярствомъ и въ гораздо бѣльшей мѣрѣ, чѣмъ прежде, выдѣляя непосредственно изъ своихъ рядовъ дѣятелей правительства, дворянство тѣмъ самымъ значительно приблизилось къ положенію правящаго класса. Это не мѣшало однако тому, что полное сочувствіе своей преобразовательной дѣятельности Петръ встрѣтилъ только у части дворянства. Другая же, и немалая, часть его относилась къ этой дѣятельности безъ особаго сочувствія, а то и прямо являлась ея противниками. И точно также находила она себѣ противниковъ и въ рядахъ другихъ общественныхъ классовъ.

Въ первые же годы правленія Петра его личное поведеніе и его правительственныя дѣйствія вызвали у сторонниковъ московской старины вражду къ нему. И чѣмъ дальше шло время, чѣмъ шире развертывались преобразовательные планы Петра, тѣмъ сильнѣе разгоралась и тѣмъ ожесточеннѣе становилась эта вражда. Уже передъ первой поѣздкой Петра за границу раскрытъ былъ направленный противъ него заговоръ, а во время эгой поѣздки вспыхнулъ стрѣлецкій мятежъ. Въ обоихъ этихъ случаяхъ враждебное Петру движеніе исходило изъ націоналистическихъ мотивовъ. И заговорщики 1697 г., и главари стрѣлецкаго мятежа 1698 г. обвиняли Петра въ томъ, что онъ „предался нѣмцамъ“, вводитъ иноземные обычаи и отступаетъ отъ старыхъ московскихъ порядковъ, тѣмъ самымъ отступаясь и отъ правой вѣры. Жестокія репрессіи, какія Петръ обрушилъ на заговорщиковъ и мятежниковъ, еще усилили возбужденіе поклонниковъ старины. Среди нихъ даже пошли толки, будто подъ именемъ Петра государствомъ править не настоящій царь, а не то ставшій на его мѣсто самозванецъ-нѣмчикъ, не то самъ антихристъ. Между тѣмъ скоро оказались на лицо и новыя причины для недовольства и возбужденія. Въ 1705—6 гг. разразился бунтъ въ Астрахани и его участники оправдывали свое поведеніе не только отступ-

леніемъ Петровскаго правительства отъ старыхъ благочестивыхъ порядковъ, но и большими тяготами, наложенными имъ на населеніе въ результатъ Сѣверной войны. Послѣдовавшіе затѣмъ башкирскій бунтъ на Волгѣ и козацкій подъ предводительствомъ Булавина на Дону въ свою очередь были вызваны усиленіемъ требованій государства къ населенію. Такимъ образомъ къ оппозиціи, вдохновлявшейся націоналистическими и религіозными мотивами, присоединилась и оппозиція, руководившаяся соціальными интересами.

Послѣ разгрома Петромъ стрѣльцовъ и донскихъ козаковъ оба эти оппозиціонныя теченія не располагали уже сколько-нибудь организованной силой, способной оказать открытое сопротивление правительству. Тѣмъ не менѣе оба они продолжали существовать, находя себѣ сторонниковъ въ различныхъ общественныхъ классахъ. Проповѣдь старообрядцевъ, связывавшихъ производившіяся государственной властью преобразованія съ ея отступленіемъ отъ стараго благочестія, пользовалась въ народныхъ массахъ большимъ успѣхомъ и въ то же время внутри самого старообрядчества складывались крайнія теченія, рѣзко враждебныя создавшимся въ государствѣ порядкамъ. Съ другой стороны, и въ тѣхъ кругахъ, которые оставались болѣе или менѣе холодны къ старообрядческой проповѣди, широко разлито было недовольство этими порядками. Крестьяне и горожане роптали на требовавшіяся отъ нихъ тяжелыя подати и работы и на рекрутскую повинность и, не видя возможности прямого сопротивленія, нерѣдко прибѣгали къ пассивному протесту, покидая свои жилища и уходя въ болѣе или менѣе отдаленныя мѣста. Въ свою очередь роптали и многіе дворяне, тяготясь возложенной на нихъ постоянной службой и всячески уклоняясь отъ нея. Раздавался ропоть и въ рядахъ духовенства, недовольнаго выпавшими на его долю стѣсненіями и перемѣнами въ порядкѣ церковнаго управленія. Наконецъ, въ кругахъ боярской знати, оскорбленной пренебреженіемъ къ ней Петра и косившейся на его демократическія привычки и пестрое окруженіе, даже тѣ лица, которыя сами не чужды были тяготѣнія къ западной культурѣ, являлись подчасъ противниками преобразовательныхъ пріемовъ Петра и предпочитали вернуться, съ нѣкоторыми лишь измѣненіями, къ порядкамъ московской старины. Такимъ образомъ Петру вплоть до послѣднихъ лѣтъ его дѣятельности пришлось имѣть дѣло съ многочисленными противниками, ожидавшими только удобнаго случая для того, чтобы открыто выступить противъ него. И въ концѣ концовъ онъ встрѣтилъ такого противника и въ своей собственной семьѣ.

Семейныя отношенія Петра и судьба царевича Алексѣя. Семейная жизнь Петра въ первые годы его царствованія сложилась неудачно. Его первая жена Евдокія Ло-

пухина, выбранная для него его матерью и давшая ему въ 1690 г. сына Алексѣя, недолго пользовалась привязанностью молодого мужа. Воспитанная въ старыхъ московскихъ традиціяхъ, она совершенно не раздѣляла ни вкусовъ, ни стремленій Петра. Онъ скоро охладѣлъ къ ней и открыто сдѣлалъ своей подругой дочь одного изъ иноземныхъ купцовъ, жившихъ въ Нѣмецкой слободѣ, Монса. Вернувшись же въ 1698 г. изъ своего заграничнаго путешествія, онъ рѣшилъ окончательно разстаться съ женой и заставилъ ее постричься въ монахини.

До этого момента малолѣтній Алексѣй жилъ съ нелюбимой мужемъ матерью, въ естественномъ отчужденіи отъ отца. Но и послѣ постриженія Евдокии сближенія между отцомъ и сыномъ не произошло. Поглощенный государственными дѣлами, лишь изрѣдка и ненадолго бывая въ Москвѣ, Петръ не имѣлъ времени заниматься сыномъ и оставилъ мальчика на попеченіи своихъ сестеръ въ заброшенномъ имъ самимъ кремлевскомъ дворцѣ, утратившемъ прежнюю свою пышность, но сохранившемъ старые порядки и нравы. Позже, когда Алексѣй нѣсколько подросъ, Петръ пригласилъ въ воспитатели къ нему одного за другимъ двухъ иностранцевъ и собирался даже отправить его для образованія за границу. Но этотъ послѣдній планъ остался неосуществленнымъ, а приглашенные воспитатели не сумѣли и не смогли ни пріохотить царевича, какъ этого ждалъ отъ нихъ Петръ, къ серьезнымъ занятіямъ, ни пріобрѣсти большое вліяніе на него. Неглупый отъ природы, онъ ни въ чемъ не походилъ однако на своего отца, не обладалъ ни его любознательностью, ни его кипучей энергіей, ни его не знавшей усталости работоспособностью. Свои духовныя свойства онъ унаслѣдовалъ скорѣе отъ матери и отличался крайнимъ слабоволіемъ, апатичностью и склонностью къ бездѣйствію. Выросши въ обществѣ женщинъ, священниковъ и монаховъ, тяготѣвшихъ къ московской старинѣ и совершенно чуждыхъ стремленіямъ Петра, въ большинствѣ своемъ болѣе или менѣе откровенно осуждавшихъ его преобразование и не любившихъ его самого, Алексѣй прочно усвоилъ себѣ ихъ вкусы и взгляды. Онъ воспиталъ въ себѣ интересъ къ церковной обрядности и наружному благочестію, охотно читалъ книги религіознаго и нравоучительнаго содержанія, но упорно отворачивался отъ той свѣтской науки, къ которой старался привлечь его Петръ. Строгаго, требовательнаго и скорога на расправу отца Алексѣй боялся, но не любилъ и, по виду подчиняясь его требованіямъ, на дѣлѣ уклонялся отъ ихъ исполненія, не находя въ себѣ силы преодолѣть свою апатію. Къ тому же онъ рано пріучился къ неумѣренному употребленію вина и это еще больше ослабляло его и безъ того небольшія силы. Какъ ни мало Петръ при своихъ многостороннихъ трудахъ и заботахъ удѣлялъ вниманія

сыну, онъ не могъ въ концѣ концовъ не замѣтить его настроеній и поведенія. Когда Алексѣй достигъ юношескаго возраста, отецъ, рассчитывая, быть можетъ, увлечь его практическимъ дѣломъ, сталъ было давать ему серьезныя и отвѣтственные порученія, но скоро долженъ былъ убѣдиться, что сынъ совершенно не интересуется его дѣятельностью и относится къ ней отрицательно.

При такомъ положеніи вещей Алексеѣй независимо даже отъ своей воли становился человѣкомъ, на которомъ сосредоточивались надежды и упованія недовольныхъ его отцомъ, противниковъ Петра и его преобразованій. Около царевича самъ собою сложился кружокъ такихъ противниковъ, своимъ воздѣйствіемъ укрѣплявшій въ немъ чувство вражды къ отцу. Когда однажды Алексѣй признался своему духовнику въ появляющемся у него желаніи смерти отца, духовникъ поторопился успокоить его заявленіемъ, что это не только его, а общее желаніе. И Алексѣй постепенно привыкалъ все отрицательнѣе относиться къ дѣятельности отца и все громче осуждать ее. На указанія опасности, связанной съ такимъ осужденіемъ, онъ отвѣчалъ, что ему нечего бояться, такъ какъ симпатіи народныхъ массъ („черни“) на его сторонѣ. Онъ зналъ, кромѣ того, что къ нему и къ его взглядамъ питаютъ симпатію и многія лица изъ среды боярской знати, въ томъ числѣ даже нѣкоторые изъ тѣхъ ея членовъ, которые являлись дѣятельными сотрудниками Петра. И въ ожиданіи того момента, когда смерть отца передастъ власть въ его руки, онъ строилъ уже планы будущей своей дѣятельности. Близкимъ къ нему людямъ онъ говорилъ, что, ставъ царемъ, онъ заключитъ миръ со всѣми сосѣдями, не будетъ вести никакихъ войнъ, сохранитъ лишь небольшую армію для обороны границъ, не станетъ держать флота и перенесетъ столицу изъ Петербурга обратно въ Москву. Помышлялъ онъ и о томъ, что власть могла бы перейти къ нему въ результатъ не только естественной смерти отца, но и поднятаго противъ него возстанія. Самъ онъ поднимать такое возстаніе не собирался, но еслибы оно возникло помимо него и къ нему обратились съ призывомъ возглавить его, онъ могъ бы, казалось ему, отозваться на этотъ призывъ и выступить противъ отца.

Во всей своей полнотѣ эти планы и мечты оставались неизвѣстными Петру, но въ общемъ консервативное настроеніе сына не было для него тайной. Онъ сдѣлалъ еще одну попытку измѣнить это настроеніе и въ 1711 г. устроилъ бракъ Алексѣя съ Вольфенбюттельской принцессой Шарлотой. Царевичъ и въ этомъ случаѣ пассивно подчинился волѣ отца, бракъ состоялся, но и послѣ него ни настроеніе, ни поведеніе Алексѣя не измѣнились. Петръ бранилъ сына, даже билъ его, годами не разговаривалъ съ нимъ, но ничто не помогало и пропасть между отцомъ и сыномъ становилась все глубже.

Тѣмъ временемъ въ 1715 г. жена Алексѣя родила ему сына, названнаго Петромъ, и послѣ родовъ умерла. Съ появленіемъ на свѣтъ этого сына Алексѣя послѣдній переставалъ быть единственнымъ возможнымъ наслѣдникомъ своего отца, такъ какъ теперь такимъ наслѣдникомъ могъ явиться и внукъ царя. Помимо того, самъ Петръ къ этому времени вступилъ уже во второй бракъ. Его женою на этотъ разъ стала латышская крестьянка Марта Скавронская или Василевская. Въ началѣ Сѣверной войны она служила въ семьѣ пастора Глюка въ г. Маріенбургѣ въ Ливоніи и при взятіи этого города русскими войсками подъ начальствомъ Шереметева попала вмѣстѣ съ семьей Глюка въ число плѣнныхъ. Шереметевъ взялъ было ее къ себѣ, но затѣмъ уступилъ Меншикову. Въ его домѣ съ нею познакомился и сблизился Петръ и эта случайная связь постепенно обратилась для него въ прочную привязанность. Обладавшая живымъ и веселымъ характеромъ крестьянка, неприхотливая и непритязательная, способная переносить всѣ неудобства его походной жизни и всегда готовая считаться со всѣми его желаніями, оказалась для него незамѣнимой подругой. Изъ Марты Скавронской она, принявъ православіе, превратилась въ Екатерину Алексѣевну Михайлову, подъ этимъ именемъ принесла Петру двухъ дочерей, Анну и Елизавету, и въ 1712 г. онъ, наконецъ, оформилъ свою связь съ нею церковнымъ бракомъ. Бывшая прислужница пастора стала русской царицей и Петръ могъ надѣяться имѣть отъ нея законныхъ сыновей. И, дѣйствительно, она очень скоро послѣ смерти Шарлоты родила ему сына, названнаго также по его имени.

Но еще до рожденія этого сына, въ самый день похоронъ Шарлотты, Петръ передалъ Алексѣю письмо, въ которомъ рѣшительно ставилъ ему на выборъ или радикально измѣнить свое поведеніе и стать настоящимъ помощникомъ отцу, или отказаться отъ наслѣдованія престола. Я — писалъ онъ — „за мое отечество и люди живота своего не жалѣлъ и не жалѣю“ и грозно спрашивалъ сына: „тебя ли пожалѣю?“ Алексѣй обратился за совѣтомъ къ окружавшимъ его пріятелямъ и они убѣдили его, что его отказъ отъ престола послѣ смерти отца не будетъ имѣть никакого значенія. Тогда онъ отвѣтилъ Петру, что чувствуетъ себя умственно и физически неспособнымъ нести тяготы правленія и отказывается отъ своихъ правъ на престолъ тѣмъ легче, что у царя есть другой сынъ. Однако и Петръ хорошо понималъ то, что понимали пріатели царевича, и поставилъ сыну новое требованіе — если онъ отказывается отъ престола, идти въ монахи. Приверженцы царевича убѣдили его принять и это требованіе. „Клобукъ не гвоздями къ головѣ прибить“, мотивировали они свое мнѣніе, и Алексѣй извѣстилъ отца о своемъ согласіи постричься. Однако потому ли, что Петръ заподозрилъ въ этомъ согласіи задній умыселъ, или потому, что онъ просто не ожидалъ та-

кого быстрого согласія, только онъ не сталъ торопить сына Собираясь въ это время уѣхать къ находившейся за границей русской арміи, онъ далъ ему шестимѣсячный срокъ для того, чтобы вновь обдумать вопросъ и принять окончательное рѣшеніе. Изъ за границы онъ черезъ нѣкоторое время вновь написалъ сыну, вызывая его къ себѣ, если онъ раздумалъ идти въ монахи. Алексѣй — опять-таки не безъ совѣтовъ друзей — увидѣлъ въ этомъ вызовѣ возможность ускользнуть изъ-подъ власти отца. Онъ заявилъ Меншикову, что ѣдетъ къ отцу, взялъ у него денегъ на поѣздку и выѣхалъ не къ Петру, а въ Австрію просить убѣжища и защиты у императора Карла VI, которому онъ по своей покойной женѣ приходился свойственникомъ. Императоръ, которому вовсе не хотѣлось ссориться съ русскимъ царемъ, былъ сильно стѣсненъ этой просьбой. Все же онъ не рѣшился отказать въ ней и укрылъ бѣглеца въ замкѣ Сантъ-Эльмо около Неаполя. Однако черезъ нѣкоторое время посланные Петра разыскали убѣжище царевича, добились свиданія съ нимъ и уговорили его вернуться въ Россію, обѣщавъ ему отъ имени царя полное прощеніе.

Въ началѣ 1718 года Алексѣй былъ привезенъ въ Москву и Петръ подтвердилъ ему въ присутствіи собранныхъ во дворцѣ многочисленныхъ свидѣтелей свое обѣщаніе прощенія, если онъ отречется отъ правъ на престолъ и назоветъ тѣхъ лицъ, которыя посовѣтывали ему бѣжать отъ отца. Царевичу пришлось выполнить это условіе и надъ названными имъ лицами начато было слѣдствіе, сопровождавшееся жестокими пытками и закончившееся рядомъ казней. Оно раскрыло всѣ подробности предыдущей жизни царевича, раскрыло, въ частности, и тѣ его планы и помыслы, которые до того оставались неизвѣстны Петру и о которыхъ самъ царевичъ въ первоначальныхъ своихъ показаніяхъ промолчалъ. Въ результатѣ передъ Петромъ обрисовалась во всей своей неприглядной наготѣ та угроза, какою являлась для всего его дѣла жизнь его сына, и судьба Алексѣя была этимъ рѣшена. То обстоятельство, что онъ не рассказалъ сразу всего о своихъ замыслахъ и планахъ, послужило для Петра поводомъ взять назадъ обѣщанное было прощеніе и предать сына, какъ государственнаго преступника, суду, специально составленному на этотъ случай изъ высшихъ духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ и включавшему въ себя болѣе 100 человекъ. Судъ этотъ состоялся въ Петербургѣ и послѣ допросовъ подсудимаго, сопровождавшихся пыткой, духовныя лица, входившія въ составъ суда, признали царевича виновнымъ, но уклонились отъ окончательнаго приговора, предоставивъ его волѣ монарха, свѣтскіе же судьи приговорили Алексѣя къ смертной казни. Формально однако этотъ приговоръ не былъ исполненъ. Уже послѣ того, какъ онъ былъ вынесенъ, царевичъ вновь былъ подвергнутъ пыткамъ въ присутствіи Петра и Меншикова и, измученный ею,

въ тотъ же день, 27 іюня (8 іюля) 1718 г., скончался въ служившей ему тюрьмою Петропавловской крѣпости.

Законъ 1722 г. о престолонаслѣдіи и смерть Петра I. Смерть царевича Алексѣя сама по себѣ еще не разрѣшала волновавшаго Петра вопроса о престолонаслѣдіи. Вскорѣ послѣ нея къ тому же умеръ сынъ Петра отъ брака его съ Екатериной, а затѣмъ смерть унесла и второго его сына отъ этого брака. Единственнымъ наслѣдникомъ оставался внукъ Петра, сынъ царевича Алексѣя, но можно было опасаться, что съ его воцареніемъ у власти рано или поздно стануть бывшіе приверженцы его отца и въ государственной жизни Россіи возобладаетъ то направленіе, представителями котораго они являлись. При такомъ положеніи вещей Петръ рѣшился измѣнить существовавшій въ государствѣ и покоившійся на вѣковомъ обычаѣ порядокъ престолонаслѣдія. Въ 1722 г. онъ издалъ указъ, которымъ на будущее время царствующему государю предоставлялось неограниченное право назначать себѣ наслѣдника по своему желанію, а равно и отмѣнять такое назначеніе, если назначенное лицо окажется недостойнымъ.

Создавъ для себя такое право, Петръ однако воспользоваться имъ не спѣшилъ. Тѣмъ временемъ его здоровье, подорванное и тяжелыми трудами и волненіями, и невоздержною жизнью, какую онъ велъ съ ранней юности, все больше разстраивалось. Въ концѣ 1724 года онъ простудился, спасаясь подъ Петербургомъ экипажъ потерпѣвшаго крушеніе судна, и эта простуда, обострившая болѣзнь, которою онъ страдалъ уже давно, оказалась для него роковою. Все же онъ до послѣдняго момента не назначалъ своего наслѣдника. Только наканунѣ смерти, лишившись уже употребленія языка, онъ знаками потребовалъ бумаги и чернилъ, но написавъ „отдайте все“, не смогъ продолжать дальше. На другой день, 28 января (8 февраля) 1725 г., онъ скончался, такъ и не указавъ преемника себѣ.

Воцареніе Екатерины I. Смерть Петра I вновь открыла собою въ Россіи эпоху дворцовыхъ переворотовъ и первый изъ нихъ произошелъ немедленно послѣ этой смерти. Такъ какъ Петръ не успѣлъ воспользоваться изданнымъ имъ закономъ о престолонаслѣдіи и назначить себѣ преемника, то вставалъ вопросъ, кто же долженъ явиться такимъ преемникомъ. Сомнѣніямъ на этотъ счетъ какъ будто не было мѣста. Царскій домъ состоялъ послѣ смерти Петра, не считая оставшихся еще въ живыхъ его сестеръ, изъ его второй жены Екатерины, внука Петра, дочерей Анны и Елизаветы, и племянницъ, дочерей его брата Ивана, Екатерины и Анны, изъ которыхъ первая была выдана Петромъ замужъ за герцога

мекленбургскаго. а вторая за герцога курляндскаго. Вдовы царей, случалось, бывали въ Московскомъ государствѣ регентшами при своихъ малолѣтнихъ сыновьяхъ, но сами никогда не занимали престола. Точно также никогда не занимали его и царскія дочери. Единственнымъ безспорнымъ наслѣдникомъ являлся такимъ образомъ внукъ Петра, носившій то же имя сынъ царевича Алексѣя. Но этому внуку было только десять лѣтъ и онъ не могъ самъ предъявить свои права, а въ то же время его воцареніе представляло собою явную угрозу для ряда ближайшихъ сотрудниковъ его дѣда, рисковавшихъ въ этомъ случаѣ быть отрѣшенными отъ власти тѣмъ кругомъ лицъ, изъ котораго въ свое время выходили приверженцы покойнаго царевича.

При такихъ условіяхъ въ ту ночь, когда Петръ I лежалъ въ предсмертной агоніи въ своемъ петербургскомъ дворцѣ, въ одной изъ комнатъ того же дворца собрались сенаторы и высшіе сановники государства для рѣшенія вопроса о престолонаслѣдіи. Между собравшимися завязался горячій споръ. Представители старой знати отстаивали при этомъ права малолѣтняго Петра, не принадлежавшіе же къ ней сановники выставили кандидатуру жены императора, Екатерины. Особенно усердно защищалъ эту кандидатуру одинъ изъ нихъ, Толстой, участвовавшій въ привозѣ царевича Алексѣя изъ заграницы и имѣвшій поэтому особыя основанія опасаться воцаренія его сына. Сама по себѣ рѣчь Толстого, въ которой онъ доказывалъ, что Екатерина, бывшая помощницей и участницей дѣлъ своего мужа, имъ самимъ намѣчалась его преемницей и потому должна быть предпочтена малолѣтнему Петру, едва-ли оказала бы большое вліяніе на сторонниковъ послѣдняго, но имъ скоро пришлось убѣдиться, что продолжать споръ бесполезно. Еще до того, какъ началось совѣщаніе сановниковъ, Екатерина при содѣйствіи Меншикова вступила въ сношенія съ офицерами гвардіи, щедро разсыпая среди нихъ деньги и обѣщанія. И, пока длилось это совѣщаніе, подъ окнами дворца выстроились оба гвардейскіе полка, Преображенскій и Семеновскій, а нѣсколько офицеровъ изъ ихъ рядовъ проникли въ самую комнату совѣщанія и, какъ будто разговаривая между собою, громко заявили, что разобьютъ головы тѣмъ, кто станетъ противиться воцаренію Екатерины. На возмущенный вопросъ одного изъ участниковъ совѣщанія, кто осмѣлился вызвать гвардію, послѣдовалъ отвѣтъ, что она приведена по волѣ императрицы, которой должны повиноваться всѣ, въ томъ числѣ и самъ спрашивавшій. Послѣ этого членамъ совѣщанія оставалось только согласиться съ предложеніемъ одного изъ сторонниковъ Екатерины и съ своей стороны обратился къ ней съ просьбой принять власть. Немедленно послѣ смерти Петра I его вдова и была провозглашена самодержавною императрицей Россіи.

Царствованіе Екатерины I. Роль Меншикова и учрежденіе Верховнаго Тайнаго Совѣта. Взойдя на престолъ при помощи гвардіи, Екатерина в теченіе всего своего царствованія старалась сохранить за собою ея расположеніе, проявляя постоянную заботу о гвардейскихъ полкахъ и осыпая ихъ своими милостями. Но править сама государствомъ она не могла, для этого у нея не было ни знаній, ни способностей. Занявъ тронъ, она всецѣло отдалась пирамъ и удовольствіямъ, а дѣйствительнымъ правителемъ государства сталъ пользовавшійся неограниченнымъ ея довѣріемъ и распоряжавшійся ея именемъ Меншиковъ. При этомъ если и во время жизни Петра онъ нерѣдко позволялъ себѣ различныя злоупотребленія, то теперь, освободившись отъ той сдержки, какою являлся для него грозный царь, онъ далъ полную волю своей жаднѣ денегъ и власти. вмѣстѣ съ тѣмъ, будучи увѣренъ въ своемъ вліяніи на императрицу, онъ крайне высокомерно обращался со всѣми другими сановниками, въ томъ числѣ и со своими товарищами по сенату. Это создавало среди нихъ большое раздраженіе и оно въ концѣ концовъ прорвалось наружу. Случилось однажды, что въ сенатѣ обсуждалась просьба Миниха объ отправкѣ 15.000 солдатъ для работъ на Ладожскомъ каналѣ. Обсужденіе длилось уже нѣсколько часовъ, когда внезапно Меншиковъ заявилъ, что, каково бы ни было рѣшеніе сената, въ этомъ году по волѣ императрицы ни одинъ солдатъ не будетъ посланъ на каналъ. Этотъ поступокъ вызвалъ такое возмущеніе среди сенаторовъ, что часть ихъ рѣшила было не посѣщать болѣе засѣданій сената. По Петербургу пошли слухи, что обиженные Меншиковымъ представители старой знати во главѣ съ кн. Дм. Голицынымъ замышляютъ переворотъ съ цѣлью возвести на тронъ внука Петра. Рассказывали даже, будто расположенная на Украинѣ армія, находившаяся подъ начальствомъ кн. Мих. Голицына, движется уже съ этою цѣлью на сѣверъ. Обезпокоенный Толстой приложилъ всѣ усилія, чтобы примирить враждующія стороны, и послѣ ряда переговоровъ между ними состоялось соглашеніе. Рѣшено именно было создать новое учрежденіе, которое, стоя надъ сенатомъ, объединяло бы дѣйствія всей администраціи и черезъ которое проходили бы до доклада ихъ императрицѣ всѣ „государственныя важныя дѣла“. Такое учрежденіе подъ именемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта и было создано указомъ Екатерины въ февралѣ 1726 г. Сенатъ на будущее время подчинялся этому Верховному Совѣту и въ соотвѣтствіи съ этимъ, утративъ данное ему Петромъ названіе „правительствующаго“, получалъ наименованіе „высокаго“. Указы же Верховнаго Совѣта должны были имѣть такую же силу, какъ и указы самой императрицы. Членами Совѣта, включавшаго въ себѣ шесть человекъ, были назначены Мен-

шиковъ, Толстой, Апраксинъ, Головинъ, Остерманъ и кн. Дм. Голицынъ. Такимъ образомъ наряду съ пятью не-родовитыми сановниками Петровской эпохи, изъ которыхъ одинъ былъ пріѣзжимъ нѣмцемъ, въ этотъ Совѣтъ вошелъ и наиболѣе видный представитель старой русской знати.

Съ учрежденіемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта заканчивалось недоконченное при Петрѣ объединеніе дѣятельности центральныхъ учреждений: три коллегіи — военная, морская и иностранныхъ дѣлъ, — оставшіяся неподчиненными сенату, теперь наравнѣ съ нимъ подчинялись Верховному Совѣту. Вмѣстѣ съ тѣмъ существованіе Совѣта, предполагалось, должно было ограничить и власть Меншикова, замѣнивъ рѣшенія, единолично подсказывавшіяся имъ императрицѣ, коллективными рѣшеніями членовъ новаго учрежденія. Въ дѣйствительности однако это послѣднее ожиданіе не осуществилось. Меншиковъ и послѣ созданія Верховнаго Совѣта порою докладывалъ дѣла императрицѣ помимо него и успѣвалъ добиться отъ нея желательныхъ ему рѣшеній. Въ результатѣ состоявшееся было между сановниками примиреніе оказалось непрочнымъ и противники Меншикова вновь настроились враждебно по отношенію къ нему. Нашелся у него и новый противникъ, на этотъ разъ внутри самой царской семьи. Еще при жизни Петра В. для старшей его дочери Анны найденъ былъ женихъ въ лицѣ герцога Голштинскаго, племянника Карла XII. Этотъ бракъ состоялся уже послѣ смерти Петра В., лѣтомъ 1725 года, и, войдя такимъ образомъ въ русскую царскую семью, герцогъ Голштинскій, подталкиваемый своимъ министромъ Бассевичемъ, увлекся мечтою занять видное мѣсто и въ русскомъ правительствѣ, а современемъ, быть можетъ, даже возложить на себя и русскую императорскую корону или по крайней мѣрѣ, увидѣть ее на своей женѣ. Питая такія честолюбивыя мечты, онъ вскорѣ послѣ учрежденія Верховнаго Тайнаго Совѣта добился отъ Екатерины назначенія въ его члены и повелъ въ немъ борьбу противъ Меншикова.

Тѣмъ не менѣе Меншиковъ все же сохранилъ свое вліяніе на императрицу и при ея жизни могъ не слишкомъ опасаться своихъ многочисленныхъ противниковъ. Но здоровье Екатерины быстро разстраивалось и въ виду излишествъ, какія она себѣ позволяла, становилось ясно, что долго она не проживетъ. Меншикову приходилось думать о будущемъ, а оно обѣщало ему мало хорошаго. Второй разъ устранить отъ престола внука Петра В. было очень трудно. И, если бы даже Екатерина, какъ надѣялись герцогъ Голштинскій и его министръ, рѣшилась на это и, воспользовавшись закономъ своего мужа, смогла безпрепятственно передать престоль мимолетно своей старшей дочери, то и въ этомъ случаѣ Меншиковъ рисковалъ, по меньшей мѣрѣ, потерять первенствующее положеніе въ правительствѣ. Однако возможность появленія на рус-

скомъ престолѣ жены голштинскаго герцога пугала не только Меншикова и не только русскихъ сторонниковъ мальчика Петра, она таила въ себѣ угрозу и для нѣкоторыхъ иностранныхъ государствъ. Особенно обезпокоена такой возможностью была Данія, которая въ результатѣ Сѣверной войны успѣла отхватить отъ Голштиніи Шлезвигъ, и датскій посланникъ въ Петербургѣ былъ крайне озабоченъ тѣмъ, чтобы предотвратить переходъ русской короны къ Аннѣ Петровнѣ. Дѣятельнаго помощника себѣ онъ нашель въ другомъ иностранномъ дипломатѣ, посланникѣ императора, въ своемъ качествѣ свойственника малолѣтняго Петра считавшаго себя въ правѣ охранять его интересы. Этотъ послѣдній дипломатъ указаль Меншикову возможный выходъ изъ ставшаго труднымъ для него положенія — устроить переходъ престола послѣ смерти Екатерины къ Петру съ тѣмъ, чтобы онъ женился на дочери Меншикова и тѣмъ самымъ обезпечиль ему власть и въ будущемъ. Меншиковъ ухватился за этотъ планъ и сталъ добиваться согласія на него Екатерины.

Этотъ переходъ главнаго дѣятеля правительства въ лагерь сторонниковъ Петра повлекъ за собою рѣзкую перемѣну настроеній въ правительственныхъ и дворцовыхъ кругахъ. Представители старой знати вновь примирились съ Меншиковымъ, удовлетворенные тѣмъ, что престолъ во всякомъ случаѣ перейдетъ къ кандидату, котораго они считали единственнымъ законнымъ наследникомъ и которому они въ душѣ все время оставались вѣрными. Зато Толстой, продолжавшій считать для себя опаснымъ воцареніе Петра, попытался противодѣйствовать Меншикову. Онъ собралъ вокругъ себя кружокъ единомышленниковъ, къ которому примкнулъ и герцогъ голштинскій, и пытался убѣдить Екатерину въ опасности предлагаемаго ей проекта. Съ своей стороны дочери Екатерины молили ее не соглашаться на бракъ Петра съ дочерью Меншикова, усматривая въ такомъ бракѣ униженіе для себя. Однако вліяніе Меншикова пересилило. Екатерина дала свое согласіе на проектъ Меншикова и онъ не замедлилъ расправиться съ своими противниками. Толстой и нѣсколько его единомышленниковъ были сосланы и герцогу Голштинскому пришлось примириться съ понесеннымъ имъ пораженіемъ.

Царствованіе Петра II. Паденіе Меншикова и возвышеніе Долгорукихъ. 6 (17) мая 1727 г. Екатерина умерла и на другой день было торжественно оглашено ея завѣщаніе. Въ немъ наследникомъ престола назначался Петръ, причемъ предусматривался его бракъ съ дочерью Меншикова, а до совершеннолѣтія Петра учреждалось регентство изъ членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта и тетокъ императора, Анны и Елизаветы. Въ случаѣ бездѣтной смерти Петра престолъ долженъ былъ перейти къ Аннѣ Петровнѣ и ея потом-

ству, а въ случаѣ прекращенія и этой линіи царскаго дома къ Елизаветѣ Петровнѣ и ея потомкамъ. Такимъ образомъ этимъ завѣщаніемъ отмѣнялся законъ Петра I о престолонаслѣдіи. Нѣкоторые утверждали, правда, тогда, что въ дѣйствительности завѣщаніе это не было подписано Екатериной и, слѣдовательно, является подложнымъ. Однако никто не рѣшился оспаривать его, тѣмъ болѣе, что на ближайшее время оно передавало престоль лицу, права котораго по общему мнѣнію были безспорны.

Императоромъ сталъ такимъ образомъ 11-лѣтній мальчикъ, получившій при этомъ имя Петра II. Дѣйствительная же власть осталась въ рукахъ Меншикова. Въ своей новой роли отца царской невѣсты, будущаго тестя императора, онъ достигъ верха могущества и, казалось, надолго упрочилъ свое положеніе. Черезъ двѣ недѣли послѣ смерти Екатерины онъ обручилъ Петра съ своей дочерью и перевелъ его на жительство въ свой домъ, тѣмъ самымъ облегчивъ себѣ надзоръ за мальчикомъ-императоромъ. Образование его онъ поручилъ занимавшему постъ вице-канцлера Остерману, а вмѣстѣ съ тѣмъ, стремясь закрѣпить свое примиреніе съ старою знатью, назначилъ канцлеромъ къ нему молодого князя Ивана Долгорукаго. И на первыхъ порахъ отношенія между Петромъ и его будущимъ тестемъ не оставляли какъ будто желать ничего лучшаго. Меншиковъ даже получилъ отъ Петра званіе генералиссимуса, ставившее подъ его верховное начальство всѣ сухопутныя войска государства.

Но такія отношенія длились не долго. Властный характеръ Меншикова, его гордость, высокомеріе и грубость создали ему слишкомъ многочисленныхъ противниковъ. Всѣ оставшіеся въ живыхъ члены царской семьи не терпѣли его. Не были расположены къ нему и лица, приставленные имъ къ Петру. Въ частности Долгорукіе вовсе не склонны были долго мириться съ главенствомъ Меншикова и скоро нашли средство борьбы съ нимъ. Иванъ Долгорукій, живой, веселый и легкомысленный юноша, быстро успѣлъ завоевать расположеніе Петра и, слѣдуя наставленіямъ своихъ родственниковъ, постепенно возстанавливалъ его противъ Меншикова, дѣйствуя на самолюбіе мальчика, котораго и безъ того начала тяготить установленная надъ нимъ властная опека. Прошло немного времени, и онъ вырвался изъ-подъ нея. Началось съ того, что онъ переѣхалъ изъ дома Меншикова во дворецъ. Вскорѣ послѣ этого Меншиковъ былъ по приказу Петра внезапно арестованъ, лишенъ всѣхъ чиновъ и должностей и отправленъ со всею своей семьей, въ томъ числѣ и бывшей невѣстой императора, въ ссылку въ одно изъ своихъ имѣній въ центральной Россіи. Немного погодя, когда нѣкоторые его благожелатели попытались было вернуть ему императорскую милость, судьба его была еще болѣе отягчена. Всѣ его громад-

ныя имѣнія и все его движимое имущество были конфискованы, а самъ онъ съ женой и дѣтьми былъ сосланъ въ Березовъ, глухой городокъ въ Сибири. Жена его по дорогѣ туда умерла и онъ ненадолго пережилъ ее. Въ концѣ 1729 года онъ умеръ въ Березовѣ, а черезъ мѣсяць сошла въ могилу и его старшая дочь, бывшая невѣста Петра II.

Паденіе Меншикова повлекло за собою возвышеніе Долгорукихъ. Иванъ Долгорукій получилъ должность оберъ-камергера, которую раньше занималъ сынъ Меншикова. Отецъ Ивана, Алексѣй Григорьевичъ, и другой его близкій родственникъ, Василій Лукичъ Долгорукій, были назначены членами Верховнаго Тайнаго Совѣта. Въ то же время, сейчасъ же послѣ паденія Меншикова, было объявлено, что императоръ собирается ѣхать на коронацію въ Москву. Въ самомъ началѣ 1728 года Петръ со всѣмъ своимъ дворомъ и членами правительства, дѣйствительно, выѣхалъ туда и остался въ Москвѣ и послѣ своей коронаціи. Черезъ нѣкоторое время былъ опубликованъ даже указъ, грозившій суровой карой всякому, кто станетъ говорить о возвращеніи императора въ Петербургъ. Но этимъ переносомъ мѣстопробыванія царя и его правительства въ старую столицу и ограничилась перемѣна, происшедшая въ теченіи государственной жизни въ связи съ приходомъ къ власти Долгорукихъ. Свою близость къ мальчику-императору и свое возвышеніе они использовали исключительно въ личныхъ цѣляхъ. Идя въ данномъ случаѣ по стопамъ Меншикова, они, подобно ему, беззастѣнчиво обогащались за счетъ государственныхъ средствъ и, подобно ему же, держали себя съ крайнимъ высокомеріемъ и гордостью, отталкивавшими отъ нихъ всѣхъ другихъ лицъ, принадлежавшихъ къ правительственнымъ кругамъ. Только по отношенію къ Петру они держались тактики, прямо обратной той, какую примѣняли Меншиковъ. Тогда какъ послѣдній все же заботился объ его образованіи и старался подготовить его къ занятіямъ государственными дѣлами, Долгорукіе, стремясь возможно болѣе привязать къ себѣ Петра, потакали всѣмъ его прихотямъ и приучали его проводить время во всевозможныхъ забавахъ и развлеченіяхъ, на безконечныхъ балахъ, празднествахъ и охотахъ. Въ результатѣ онъ совершенно забросилъ свои учебныя занятія и всѣ усилія Остермана вернуть его къ нимъ были бесполезны. вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря небрежности Долгорукихъ, и въ правительственной работѣ, на руководство которою они претендовали, наступилъ почти полный застой. Всецѣло поглощенные заботой о томъ, чтобы сохранить и упрочить свое вліяніе на императора, они рѣшились, наконецъ, повторить то средство, къ которому собирался въ свое время прибѣгнуть Меншиковъ, и связать Петра съ собою родственными узами. Алексѣй Григорьевичъ Долгорукій постарался увлечь 14-лѣтняго мальчика своей старшей дочерью Екатериной и въ концѣ

1729 года Петръ, дѣйствительно, торжественно обручился съ нею. Но и этому браку не суждено было состояться. Въ самомъ началѣ слѣдующаго года Петръ заболѣлъ оспой и въ ночь съ 18 на 19 (съ 29 на 30 по н. ст.) января 1730 г. умеръ.

Избраніе Анны Ивановны. Ограничительныя „пункты“ верховниковъ и возстановленіе самодержавія. Въ ту же ночь, немедленно послѣ смерти Петра II, во дворцѣ собрались члены Верховнаго Тайнаго Совѣта. Ихъ къ этому времени было пятеро: Головинъ, Остерманъ, Дм. Голицынъ и два Долгорукихъ. Прежде всего они рѣшили пополнить свой составъ и пригласили войти въ Совѣтъ еще трехъ лицъ: фельдмаршала Мих. Мих. Голицына, бывшаго младшимъ братомъ Димитрія, и двухъ Долгорукихъ, сибирскаго губернатора Михаила Владиміровича и фельдмаршала Василя Владиміровича. Въ этомъ составѣ Верховный Совѣтъ приступилъ къ обсужденію вопроса о томъ, кто долженъ занять опустѣвшій престолъ. У части Долгорукихъ былъ на этотъ счетъ свой планъ. Въ послѣдніе дни жизни Петра II они, стремясь сохранить власть въ своихъ рукахъ, составили было отъ его имени завѣщаніе, передававшее престолъ его невѣстѣ. Дать это завѣщаніе на подпись умиравшему императору имъ правда, не удалось, но послѣ его смерти умѣвшій подражать его почерку Иванъ Долгорукій подписалъ его именемъ этотъ документъ. Опираясь на него, часть Долгорукихъ и думала возвести на престолъ княжну Екатерину, рассчитывая, что къ поддержкѣ ея кандидатуры имъ удастся склонить гвардію, въ которой нѣсколько членовъ ихъ семьи занимали видныя должности. Однако другая часть Долгорукихъ возражала противъ такого плана и не вѣрила въ возможность его осуществленія. И, дѣйствительно, когда въ засѣданіи Верховнаго Совѣта Алексѣй Долгорукій попытался заговорить о завѣщаніи Петра II, онъ немедленно наткнулся на протестъ Дм. Голицына, рѣшительно заявившаго, что это завѣщаніе подложно. Планъ Долгорукихъ потерпѣлъ такимъ образомъ неудачу.

Взамѣнъ его тотъ же Дм. Голицынъ предложилъ другой планъ. Въ немъ онъ, въ противоположность Долгорукимъ, исходилъ не изъ чисто личныхъ, а изъ болѣе широкихъ интересовъ и побужденій. И самый планъ этотъ въ главныхъ своихъ основахъ былъ обдуманъ имъ задолго до того, какъ онъ выступилъ съ нимъ передъ своими товарищами по Верховному Совѣту. Будучи однимъ изъ наиболѣе образованныхъ людей въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ, обладая свѣтлымъ умомъ и соединяя въ себѣ любовь къ просвѣщенію и интересъ къ жизни другихъ странъ съ преданностью старымъ русскимъ обычаямъ, онъ съ неодобреніемъ смотрѣлъ на многое изъ того, что дѣлалось въ Россіи при Петрѣ В., и съ еще болѣе неодобреніемъ на то, что происходило послѣ смерти

царя-преобразователя. Возвышеніе случайныхъ людей, только благодаря своей близости къ носителямъ самодержавной власти пріобрѣтавшихъ чрезвычайную силу и значеніе, использование ими этой силы исключительно ради личныхъ выгодъ и вытекавшее отсюда разстройство государственныхъ дѣлъ огорчали и возмущали его и, ища средства противодѣйствовать этимъ явленіямъ, онъ старался при помощи книгъ и бесѣдъ съ свѣдущими иностранцами познакомиться съ порядками управленія въ другихъ европейскихъ государствахъ. Особенное вниманіе его привлекла при этомъ къ себѣ сосѣдняя Швеція, въ которой власть монарха подверглась въ 1719—20 гг. существеннымъ ограниченіямъ. Подобныя ограниченія представлялись ему желательными и въ Россіи и, найдя моментъ, послѣдовавшій за смертью Петра II, подходящимъ для осуществленія такой задачи, онъ и развилъ передъ Верховнымъ Совѣтомъ свой планъ. Свое изложеніе его онъ началъ съ того, что, отвергая мнимое завѣщаніе Петра II, отвергалъ и возможность при замѣщеніи трона считаться съ завѣщаніемъ Екатерины. Последняя, по его словамъ, будучи низкаго происхожденія, не имѣла права ни сама занимать русскій престолъ, ни распоряжаться имъ, а къ тому же ея дочери, какъ рожденныя до ея законнаго брака съ Петромъ, уже по одному этому не могли быть наслѣдницами престола. На основаніи этихъ соображеній онъ признавалъ право на престолъ только за дочерью брата Петра В., царя Ивана. Однако старшую изъ этихъ дочерей, Екатерину, онъ находилъ неподходящей въ виду явнаго сумасбродства ея мужа, герцога мекленбургскаго, и потому предложилъ призвать на престолъ вторую дочь ц. Ивана, Анну, выданную Петромъ В. за герцога курляндскаго, вскорѣ послѣ своей свадьбы овдовѣвшую и все продолжавшую жить въ Курляндіи. Но, предлагая избрать на царство Анну Ивановну, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ предложилъ членамъ Верховнаго Совѣта „воли себѣ прибавить“, иначе говоря, ограничить власть избираемой императрицы.

Въ первую минуту это предложеніе вызвало у членовъ Совѣта нѣкоторыя сомнѣнія. Сама по себѣ кандидатура Анны не встрѣтила возраженій. Не встрѣтила возраженій по существу и мысль объ ограниченіи власти новой императрицы, но кое-къмъ изъ участниковъ совѣщанія высказаны были сомнѣнія въ возможности удачи такого шага. Однако настойчивость Голицына побѣдила и Совѣтомъ были выработаны — точнѣе говоря, были приняты выработанные Голицынымъ — „пункты“, содержавшіе въ себѣ условія, на какихъ предполагалось предложить престолъ Аннѣ. Условія эти сводились къ слѣдующему: Анна должна была обязаться не выходить замужъ и не назначать себѣ преемника, править вмѣстѣ съ состоящимъ изъ восьми членовъ Верховнымъ Совѣтомъ и безъ его согласія не начинать войны и не заключать мира, не вво-

дить новыхъ податей и не расходовать государственныхъ доходовъ, не жаловать вотчинъ и деревень и не производить никого въ придворные и генеральскіе чины. Гвардія, какъ и армейскіе полки, должна была находиться подъ начальствомъ Верховнаго Совѣта и, наконецъ, помимо всего сказаннаго, Анна обязывалась безъ суда не отнимать у дворянъ ни жизни, ни чести, ни имущества. Въ случаѣ же неисполненія ею какого-либо изъ этихъ условій она лишалась трона. Русское государство обращалось такимъ образомъ въ избирательную монархію, причемъ власть монарха ограничивалась состоящимъ при немъ Верховнымъ Совѣтомъ, изъ восьми членовъ котораго шесть въ данное время принадлежало къ двумъ знатымъ семьямъ и который въ будущемъ долженъ былъ пополняться путемъ кооптаціи.

Принявъ ночью такое рѣшеніе, верховники, какъ стали въ это время называть членовъ Верховнаго Совѣта, утромъ слѣдующаго дня созвали собраніе высшихъ чиновъ государства и объявили ему о своемъ рѣшеніи предложить престолъ Аннѣ Ивановнѣ. Собраніе одобрило это рѣшеніе и было немедленно распущено, причемъ объ условіяхъ, поставленныхъ Аннѣ, верховники ничего ему не сообщили. Оставшись одни, они окончательно проредактировали принятые ночью „пункты“, придавъ имъ форму исходящихъ отъ самой Анны обязательствъ, и В. Л. Долгорукій отправился въ Митаву предложить Аннѣ тронъ и эти пункты. Она не задумываясь, приняла предложеніе, подписанные ею пункты были отосланы въ Москву, а вслѣдъ затѣмъ туда же выѣхала и сама Анна въ сопровожденіи и подъ надзоромъ Долгорукаго.

Тѣмъ временемъ въ Москвѣ уже пошли слухи о намѣреніи верховниковъ ограничить въ свою пользу власть новой императрицы и эти слухи породили большое волненіе и въ кругахъ сановниковъ, не входившихъ въ составъ Верховнаго Совѣта, и среди рядового дворянства, какъ разъ къ этому времени въ большомъ количествѣ съѣхавшагося въ Москву на предполагавшуюся свадьбу Петра II и затѣмъ оставшагося на его похороны. Проникли эти слухи и въ провинцію и всюду почти вызывали недовольство верховниками. Казанскій губернаторъ Волинскій писалъ своему знакомому въ Москву: „Боже сохрани, чтобы не сдѣлалось вмѣсто одного самодержавнаго государя десяти самовластныхъ и сильныхъ фамилій, такъ мы шляхетство, совсѣмъ пропадемъ“. Среди недовольныхъ не было однако согласія. Если одни, опасаясь господства „сильныхъ фамилій“, предпочитали сохранить самодержавіе, то другіе ничего не имѣли противъ его ограниченія, желая лишь, чтобы оно совершилось въ пользу всего дворянства. Во всякомъ случаѣ тѣ и другіе объединялись въ протестъ противъ проекта верховниковъ и этотъ протестъ вскорѣ проявился болѣе или менѣе открыто. Когда въ Москву пришло

извѣстіе о согласіи Анны, вновь созвано было собраніе Верховнаго Совѣта, сената, синода и высшихъ чиновъ государства. Въ этомъ собраніи были оглашены письмо Анны и присланные ею „пункты“, и Дм. Голицынъ пригласилъ собравшихся высказаться по этому поводу. Отвѣтомъ на это приглашеніе было однако полное молчаніе. Собраніе согласилось, правда, затѣмъ подписать протоколъ съ выраженіемъ благодарности императрицѣ, но при этомъ однимъ изъ участниковъ предъявлена была просьба, чтобы желающимъ изъ дворянъ разрѣшено было подать въ Верховный Совѣтъ свои мнѣнія о новомъ порядкѣ, какой долженъ былъ теперь установиться въ государствѣ. Верховникамъ, чувствовавшимъ вокругъ себя враждебное настроеніе, пришлось согласиться на эту просьбу и въ короткое время къ нимъ поступилъ за многочисленными подписями рядъ проектовъ новаго государственнаго устройства, составленныхъ въ различныхъ образовавшихся въ Москвѣ дворянскихъ кружкахъ. Ни одинъ изъ этихъ проектовъ не совпадалъ съ планомъ самого Верховнаго Совѣта. Въ однихъ изъ нихъ предлагалось уничтожить Совѣтъ и замѣнить его расширеннымъ сенатомъ, въ другихъ предполагалось сохранить и Совѣтъ, и сенатъ, съ тѣмъ однако, чтобы въ обоихъ этихъ учрежденіяхъ число членовъ было увеличено и они опять-таки избирались дворянствомъ, въ третьихъ намѣчались еще иныя комбинаціи, но въ общемъ во всѣхъ этихъ проектахъ проявлялось желаніе привлечь къ участию въ дѣлахъ законодательства и управленія значительно болѣе широкій кругъ лицъ сравнительно съ тѣмъ какой предполагался Верховнымъ Совѣтомъ. вмѣстѣ съ тѣмъ въ дворянскихъ проектахъ высказывались пожеланія, чтобы обязательная служба дворянъ была ограничена 20 годами, петровскій законъ объ единослѣдїи дворянскихъ имѣній былъ отмѣненъ, дворянамъ было предоставлено право поступать въ армію прямо на офицерскія должности и съ этою цѣлью устроены были для дворянъ соотвѣтственныя школы.

Наряду съ конституціонными стремленіями, отразившимися въ этихъ проектахъ, въ дворянской средѣ проявлялось однако и другое теченіе политической мысли, представленное лицами, желавшими сохранить самодержавіе. Во главѣ ихъ стали въ данный моментъ Феофанъ Прокоповичъ, Ягужинскій и Остерманъ. Изъ нихъ Ягужинскій вначалѣ самъ высказывался за ограниченіе самодержавія, но вскорѣ, обиженный тѣмъ, что верховники не посвящали его въ свои планы и относились къ нему высокомерно, перешелъ въ противоположный лагерь. Прокоповичъ же и Остерманъ опасались, что введеніе конституціоннаго порядка повлечетъ за собою побѣду консервативнаго теченія, которая могла бы неблагоприятно отразиться и на ихъ личной судьбѣ. Они успѣли войти въ тайныя сношенія съ охранявшейся В. Л. Долгорукимъ Анной еще

до прїѣзда ея въ Москву и продолжали эти сношенія и въ Москвѣ, увѣряя императрицу, что планъ верховниковъ не встрѣчаетъ общаго сочувствія и что ей легко будетъ возстановить самодержавіе. Съ другой стороны, они повели оживленную пропаганду среди собравшихся въ Москвѣ дворянъ и, главнымъ образомъ, среди гвардейскихъ офицеровъ, убѣждая ихъ, что рядовое дворянство только выиграетъ при сохраненіи самодержавія и что всѣ не чисто политическія желанія дворянъ легко могутъ быть удовлетворены самодержавной императрицей.

Верховники оказались такимъ образомъ передъ двумя враждебно настроенными къ нимъ группами дворянства. Они попытались напугать наиболее непримиримыхъ своихъ противниковъ и еще до прїѣзда Анны распорядились арестовать Ягужинскаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ они постарались достигнуть соглашенія съ конституціонно настроенными дворянскими кругами и съ этой цѣлью Дм. Голицынъ внесъ въ свой первоначальный планъ нѣкоторыя измѣненія и дополненія. Однако всѣ эти измѣненія не носили принципиальнаго характера и въ силу этого не привели къ поставленной цѣли — соглашеніе осталось недостижимымъ. Въ свою очередь арестъ Ягужинскаго не прекратилъ пропаганды его единомышленниковъ и въ концѣ концовъ обѣ враждебныя верховникамъ группы рѣшились привлечь къ разрѣшенію затянувашагося спора самоѣ императрицу.

Черезъ десять дней послѣ прїѣзда въ Москву Анны, 25 февраля (8 марта), въ занятый ею дворецъ явилась большая группа дворянъ — по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, до 900 человекъ — и подала ей просьбу о разсмотрѣніи пожеланій дворянства, оставленныхъ безъ вниманія Верховнымъ Совѣтомъ. Въ то же время собравшіеся во дворцѣ въ большомъ числѣ гвардейскіе офицеры подняли шумъ, заявляя съ своей стороны требованіе, чтобы императрица правила самодержавно. Среди водворившагося беспорядка Анна передала начальство надъ гвардіей своему родственнику генералу Салтыкову, тѣмъ самымъ нарушивъ подписанныя ею условія своего воцаренія. Вмѣстѣ съ тѣмъ она, послѣ нѣкотораго колебанія, согласилась на поданную ей просьбу, поставивъ однако условіе, чтобы представившіе ее дворяне формулировали свои пожеланія въ тотъ же день, не выходя изъ дворца. Имъ отведена была для ихъ совѣщанія особая зала и имъ пришлось обсуждать въ ней формулировку своихъ желаній, въ деталяхъ которыхъ они далеко не во всемъ были между собою согласны, подъ доносившіеся до нихъ изъ сосѣднихъ залъ крики гвардейскихъ офицеровъ, продолжавшихъ настойчиво требовать возстановленія самодержавія. Въ этихъ условіяхъ просители нашли наиболѣе благоразумнымъ отказаться отъ всякихъ конституціонныхъ проектовъ и присоединиться къ пожеланію са-

модержавной власти для монархини, присовокупивъ къ этому лишь просьбу объ уничтоженіи Верховнаго Тайнаго Совѣта, о возстановленіи сената въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ при Петрѣ I, и о замѣщеніи высшихъ административныхъ должностей выборными отъ дворянства. Когда они вернулись съ этимъ рѣшеніемъ къ Аннѣ, она приказала принести подписанные ею „пункты“, демонстративно разорвала ихъ и объявила себя самодержавной императрицей. Не имѣвшимъ за собою никакой силы верховникамъ оставалось примириться съ понесеннымъ пораженіемъ.

Правленіе Анны Ивановны. Ставъ самодержицей, Анна Ивановна однако, подобно своимъ непосредственнымъ предшественникамъ на русскомъ тронѣ, не обладала такими данными, которыя позволяли бы ей самостоятельно править государствомъ. Неглупая отъ природы, она не имѣла случая развить свои способности и не получила сколько-нибудь серьезнаго образованія. Въ то же время жизнь ея до вступленія на престоль складывалась для нея неудачно. Въ дѣтскихъ годахъ она не пользовалась любовью своей матери. Затѣмъ, едва она достигла 17 лѣтъ, Петръ I выдалъ ее замужъ за герцога курляндскаго, который, по отзывамъ знавшихъ его современниковъ, далеко не былъ для нея образцовымъ мужемъ. Очень скоро послѣ ихъ свадьбы онъ умеръ, герцогство унаслѣдовалъ его дядя, но и Анна Ивановна, сохранивъ титулъ герцогини, осталась, по волѣ Петра, а затѣмъ и его наслѣдниковъ, жить въ Курляндіи, служа какъ бы нѣкоторою связью между этою страной и Россіей. При этомъ средства къ жизни, какими располагала Анна, были крайне ограничены и ей приходилось постоянно просить помощи у своихъ петербургскихъ родственниковъ и для достиженія успѣха унижаться не только передъ ними, но и передъ окружавшими ихъ вліятельными людьми. Все это содѣйствовало развитію въ ней крайней сухости и черствости, которыя вмѣстѣ съ большою властью стали основными чертами ея характера. Къ людямъ она относилась недоувѣрчиво и подозрительно и настоящую сердечную привязанность питала, повидимому, только къ своей сестрѣ, герцогинѣ мекленбургской, и къ человѣку, который ей самой современемъ замѣнилъ мужа, офиціально нося при ея курляндскомъ дворѣ званіе камергера, — Эрнесту-Юганну Бирону, вышедшему изъ рядовъ мелкаго курляндскаго дворянства.

Ставъ неожиданно для себя, когда ей исполнилось уже 37 лѣтъ, русской императрицей, Анна постаралась вознаградить себя за всѣ перенесенныя въ прошломъ лишенія. Жизнь ея съ этой поры проходила въ постоянныхъ развлеченіяхъ. Однимъ изъ нихъ явилась охота, которой императрица отдавалась съ настоящей страстью. Не только изъ различныхъ

областей Россіи, но и изъ другихъ странъ выписывались для Анны въ большихъ количествахъ и охотничьи собаки, и разныя животныя, которыя должны были служить предметами охоты. Другимъ, не менѣе частымъ развлеченіемъ были пышныя приемы и празднества во дворцѣ. Въ Петербургѣ, куда Анна вскорѣ послѣ своего воцаренія вновь перенесла мѣсто-пребываніе двора и правительства, при ея дворѣ водворилась небывалая до того роскошь. Нѣкоторые иностранные дипломаты утверждали даже, что ни при какомъ другомъ европейскомъ дворѣ того времени имъ не случилось видѣть такого великолѣпія и такой безумной роскоши, какъ при дворѣ Анны Ивановны. Но съ этой роскошью соединялась большая грубость нравовъ, царившихъ среди этого двора. Анна наполнила свой дворецъ сказочниками и сказочницами, шутами и шутихами, которые должны были своими рассказами, шутками и драками забавлять и развлекать ее. Въ число такихъ шутовъ она не постѣснялась включить и нѣсколькихъ болѣе или менѣе слабоумныхъ представителей знатныхъ русскихъ семей. Между прочимъ для ея развлеченія зимою 1740 года была сыграна свадьба одного изъ этихъ шутовъ, кн. Голицына, съ служившей во дворцѣ старой и безобразной калмычкой, причемъ для составленія свадебнаго кортежа высланы были въ Петербургъ представители всѣхъ обитавшихъ въ Россіи племенъ и народностей въ ихъ національныхъ костюмахъ. Послѣ церковнаго обряда происходилъ пиръ въ специально построенномъ для этой цѣли на льду р. Невы ледяномъ домѣ, а затѣмъ новобрачные были оставлены подъ стражей ночевать въ немъ на устроенной для нихъ ледяной же кровати.

Отдавая большую часть своего времени такимъ развлечениямъ, Анна мало занималась государственными дѣлами. Они перешли въ руки ея любимца Бирона. Опасаясь вліянія послѣдняго на Анну, верховники, приглашая ее, потребовали, чтобы она не брала его съ собою въ Россію. Анна подчинилась, но, какъ только освободилась отъ опеки верховниковъ, немедленно вызвала Бирона къ себѣ и онъ сталъ ея главнымъ совѣтникомъ и въ сущности дѣйствительнымъ правителемъ государства, хотя не занялъ въ немъ никакой официальной должности. Позже, въ 1737 г. онъ, по настоянію русскаго правительства и подъ давленіемъ посланнаго въ Митаву отряда русскаго войска, былъ избранъ курляндскимъ сенатомъ въ герцоги Курляндіи. Тѣмъ не менѣе онъ и послѣ того остался при Аннѣ и управлялъ Курляндіей изъ Петербурга, продолжая въ то же время неофициально управлять Россіей.

Это управленіе получило особый характеръ. Человѣкъ средняго ума и среднихъ способностей, не обладавшій ни большими знаніями, ни широкимъ кругозоромъ, Биронъ вмѣстѣ съ тѣмъ нисколько не интересовался страной, въ которую онъ попалъ, и заботился только о томъ, чтобы удержать

надъ нею власть своей покровительницы и свою собственную и устроить благосостояніе свое и своихъ близкихъ. Свысока смотря на русскихъ, относясь къ нимъ чуть не съ презрѣніемъ, онъ въ то же время однако и опасался ихъ. Эти опасенія не были чужды и Аннѣ. Ставъ самодержицей благодаря помощи гвардіи, она ласкала послѣднюю, но вмѣстѣ съ тѣмъ не вполнѣ довѣряла ей. Въ еще бѣльшей мѣрѣ такое недовѣріе питалъ Биронъ. И вскорѣ послѣ воцаренія Анны къ двумъ прежнимъ гвардейскимъ полкамъ, Преображенскому и Семеновскому, были прибавлены два новые, конно-гвардейскій и Измайловскій, причемъ начальникомъ второго былъ назначенъ шотландецъ Кифъ, а офицеровъ въ этотъ полкъ предписано было набрать главнымъ образомъ изъ прибалтійскихъ нѣмцевъ.

Уже не съ недовѣріемъ, а съ прямой враждой относились Анна и ея любимецъ къ кругу тѣхъ лицъ, которыя призывали ее на престолъ, попытавшись вмѣстѣ съ тѣмъ ограничить ея власть. Этимъ лицамъ скоро пришлось испытать на себѣ ея месть. Первый ударъ выпалъ на долю Долгорукихъ, доставившихъ Аннѣ наибольшее количество личныхъ неприятностей и въ то же время пользовавшихся наименьшею популярностью среди другихъ сановниковъ и дворянства. Уже въ 1730 г. В. Л. Долгорукій былъ сосланъ на Соловки, а Ал. Гр. Долгорукій со всею своею семьей отправленъ сперва въ одно изъ отдаленныхъ его имѣній, а затѣмъ въ Березовъ, гдѣ незадолго до того умеръ Меншиковъ. Въ слѣдующемъ году былъ арестованъ и заключенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость фельдмаршалъ Вас. Вл. Долгорукій. Черезъ нѣсколько лѣтъ дошла очередь и до Голицыныхъ. Фельдмаршалъ Мих. Голицынъ умеръ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ воцаренія Анны, но его старшій братъ Дм. Голицынъ, истинный авторъ конституціоннаго плана, пережилъ брата и, удалившись отъ дѣлъ, жилъ въ своемъ имѣніи. Въ 1736 г. онъ былъ арестованъ, преданъ суду по совершенно фантастическому обвиненію и приговоренъ къ смертной казни, которую Анна замѣнила для него заточеніемъ въ Шлиссельбургской крѣпости, сопровождавшимся конфискаціей всѣхъ его имѣній. Прошло еще три года и противъ оставшихся еще въ живыхъ къ этому времени Долгорукихъ, въ результатѣ поступившихъ на нихъ доносовъ, возбуждено было новое дѣло по обвиненію ихъ въ составленіи якобы ими заговора противъ императрицы и Бирона. При слѣдствіи по этому дѣлу, сопровождавшемуся жестокими пытками, раскрыта была и исторія съ подложнымъ завѣщаніемъ Петра II и дѣло закончилось суровымъ приговоромъ: Иванъ Долгорукій былъ четвертованъ, двое его дядей по отцу и В. Л. Долгорукій обезглавлены. Приговорены были къ смертной казни и Вас. Вл. и Мих. Вл. Долгорукіе, но имъ Анна даровала жизнь. Въ связи съ этимъ же дѣломъ два младшіе брата Ивана Долгорукаго были наказаны кнутомъ и

вдобавокъ имъ обоимъ вырѣзали языки. Различнаго рода карамъ подвергся, наконецъ, въ результатѣ гоненія на Голицыныхъ и Долгорукихъ и рядъ ихъ родственниковъ, друзей и болѣе или менѣе близкихъ знакомыхъ, заподозрѣнныхъ въ единомыслии съ ними.

Вмѣстѣ съ тѣмъ опала, постигшая недавнихъ наиболѣе видныхъ дѣятелей правительства, на первыхъ же порахъ повела за собою измѣненія и въ строѣ высшихъ государственныхъ учрежденій, и въ личномъ ихъ составѣ. Изъ бывшихъ членовъ Верховнаго Совѣта двое, Головинъ и Остерманъ, не принимали дѣятельнаго участія въ осуществленіи конституціонныхъ замысловъ Голицына, а Остерманъ втайнѣ даже противодѣйствовалъ имъ и энергично помогаль возстановленію самодержавія. Обоихъ ихъ поэтому не коснулась немилость Анны и они сохранили свое положеніе среди правительственныхъ лицъ, а Остерманъ еще и укрѣпилъ его. Но Верховный Совѣтъ, въ который они раньше входили, былъ, согласно просьбѣ дворянства, совпавшей съ желаніемъ самой Анны, ею уничтоженъ. На время организація центральныхъ учрежденій вновь приняла тотъ видъ, какой она имѣла въ послѣдніе годы правленія Петра I и въ началѣ царствованія Екатерины I. Очень скоро однако опять дала себя почувствовать необходимость объединенія дѣятельности всѣхъ центральныхъ учреждений и въ концѣ 1731 года создано было съ этою цѣлью новое учрежденіе, получившее названіе Комитета министровъ. Включая въ себя вдвое меньше членовъ, чѣмъ ихъ было въ Верховномъ Совѣтѣ, этотъ Комитетъ преслѣдовалъ ту же задачу, какая ставилась послѣднему въ моментъ его основанія, и вскорѣ прибрѣлъ то же положеніе и тѣ же права, какія принадлежали Совѣту въ первое время его существованія, подчинивъ себѣ сенатъ, ставъ посредникомъ между нимъ и другими центральными учрежденіями, съ одной стороны, и верховною властью, съ другой, и получивъ возможность издавать указы, равносильные указамъ императрицы. Но при этомъ, какъ надъ Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ въ свое время стояли отдѣльные его члены, въ силу своей близости къ носителямъ верховной власти навязывавшіе ему свою волю, такъ теперь то же положеніе по отношенію къ Комитету министровъ занялъ Биронъ. Не будучи самъ членомъ Комитета, онъ тѣмъ не менѣе часто диктоваль ему рѣшенія и Комитетъ покорно принималъ ихъ. Сравнительно бѣольшую независимость проявлялъ только Остерманъ, который благодаря расположенію къ нему императрицы и своему трудолюбію, опыту въ дѣлахъ и дипломатическимъ способностямъ сталъ, оставаясь вице-канцлеромъ, подлиннымъ руководителемъ русской внѣшней политики, тогда какъ канцлеръ Головкинъ являлся лишь номинальнымъ главою своего вѣдомства. Въ то же время въ арміи за устраненіемъ ряда видныхъ русскихъ ея началь-

никовъ главнымъ лицомъ сталъ Минихъ. Такъ на наиболѣе видныя мѣста въ правительствѣ выдвинулись служившіе въ Россіи пріѣзжіе нѣмцы, при Петрѣ I занимавшіе въ ряду его сотрудниковъ второстепенное положеніе. Къ нимъ вдобавокъ вскорѣ присоединились вновь вступающіе на русскую службу нѣмцы въ лицѣ курляндскихъ дворянъ, вслѣдъ за Бирономъ являвшихся искать счастья въ Россіи. Благодаря расположенію къ нимъ Анны Ивановны и помощи Бирона, нѣкоторые изъ нихъ получили видныя должности при дворѣ, въ арміи и въ гражданской администраціи и постепенно это приняло характеръ своего рода захвата власти въ государствѣ нѣмцами.

Это обстоятельство само по себѣ уже вызывало недовольство и раздраженіе въ широкихъ кругахъ русскаго общества, тѣмъ болѣе, что находившіеся на русской службѣ нѣмцы, чувствуя за собой поддержку императрицы и ея любимца и подражая послѣднему, часто позволяли себѣ грубо и презрительно относиться къ русскимъ людямъ. Но на ряду съ этимъ для недовольства были и другія причины. Широкія траты двора императрицы и требованія, предъявлявшіяся Бирономъ, вынуждали правительство прилагать чрезвычайныя усилія къ увеличенію средствъ государственнаго казначейства. Въ этихъ видахъ создано было особое учрежденіе, которое должно было заботиться о взысканіи съ населенія недоплаченныхъ имъ за прошлые годы податей, и такая задача осуществлялась при помощи крайне рѣшительныхъ мѣръ. Тамъ, гдѣ населеніе не выплачивало числившихся за нимъ недоимокъ, налагались суровыя кары и на мѣстныхъ администраторовъ, и на помѣщиковъ, въ имѣніяхъ которыхъ жили неисправные въ уплатѣ податей крестьяне, и на самихъ этихъ неисправныхъ крестьянъ. Это въ свою очередь порождало въ самыхъ различныхъ общественныхъ слояхъ сильное недовольство правительственной дѣятельностью.

Сталкиваясь съ этимъ недовольствомъ и опасаясь, чтобы оно не вылилось въ какія-либо направленные противъ него дѣйствія, правительство старалось предотвратить такую возможность мѣрами полицейскаго характера. Созданный Петромъ I Преображенскій приказъ, воплощавшій въ себѣ политическую полицію, въ царствованіе Петра II, былъ закрытъ. Теперь онъ былъ воскрешенъ подъ новымъ именемъ Канцеляріи Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ и эта канцелярія развила крайне энергичную дѣятельность. Аресты, совершавшіеся часто по самымъ нелѣпымъ доносамъ, слѣдствія, производившіяся при помощи жестокихъ пытокъ, ссылки на каторжную работу и въ Сибирь и смертныя казни стали въ практикѣ этого учрежденія обыденнымъ явленіемъ и жертвами ихъ становились люди, принадлежавшіе къ самымъ различнымъ слоямъ населенія, отъ простыхъ крестьянъ до членовъ знатныхъ се-

мей. Нѣкоторые иностранные дипломаты, находившіеся въ то время въ Россіи, утверждали, что къ концу царствованія Анны Ивановны количество такихъ жертвъ дошло до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ. Возможно, что въ этихъ утвержденіяхъ была извѣстная доля преувеличенія, но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что руководимое Бирономъ правительство Анны въ очень широкихъ размѣрахъ примѣняло полицейскій терроръ.

Этотъ терроръ все же не могъ вполнѣ предотвратить попытки сопротивленія, но каждая такая попытка, независимо отъ ея формы и характера, неизмѣнно наталкивалась на суровыя репрессіи. Въ 1734 г. въ тамбовскомъ округѣ появились два самозванца, изъ которыхъ одинъ называлъ себя царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ, а другой Петромъ Петровичемъ. Оба они были схвачены и казнены. Четырьмя годами позже подобная же исторія разыгралась въ другомъ мѣстѣ. Давно уже жившій въ Россіи польскій шляхтичъ Миницкій вздумалъ въ свою очередь выдать себя за царевича Алексѣя Петровича. Священникъ с. Ярославца, въ которомъ Миницкій попытался приступить къ осуществленію своего замысла, и находившаяся въ этомъ селѣ солдатская команда уже признали было самозванца за подлиннаго царевича и готовы были подчиниться ему, но мѣстный козацкій сотникъ съ своими казаками успѣлъ арестовать его. Послѣ произведеннаго властями разслѣдованія нѣсколько участниковъ этой попытки было подвергнуто казни четвертованіемъ, другимъ были отрублены головы, а Миницкій и признавшій его священникъ были посажены на колъ. Не менѣе суровую расправу вызывали и попытки иного рода борьбы съ установившимся режимомъ. Въ 1738 г. Биронъ, желая создать въ Комитетѣ министровъ противовѣсъ Остерману, ввелъ въ число членовъ этого учрежденія переведеннаго на службу въ Петербургъ бывшаго казанскаго губернатора Волинскаго, на преданность котораго, какъ ему казалось, онъ могъ положиться. Но честолюбивый и энергичный Волинскій не захотѣлъ ограничиться предназначенной ему ролью. Получивъ возможность непосредственныхъ докладовъ императрицѣ и пріобрѣтя до извѣстной степени ея расположеніе, онъ черезъ нѣкоторое время попытался подорвать ея довѣріе не только къ Остерману, но и къ Бирону и вмѣстѣ съ тѣмъ началъ рѣшительно выступать противъ нихъ обоихъ въ Комитетѣ министровъ. Это закончилось для него печально. Онъ былъ обвиненъ въ замыслахъ противъ императрицы, при разслѣдованіи этого обвиненія подвергся пыткамъ и въ концѣ концовъ въ силу состоявшагося надъ нимъ приговора былъ въ іюлѣ 1740 г. казненъ. Вмѣстѣ съ нимъ пострадало и нѣсколько близкихъ ему людей, причемъ двое изъ нихъ также поплатились жизнью, а остальные подверглись наказанію кнутомъ и были сосланы въ Сибирь.

Это дѣло Волинскаго разыгрывалось тогда, когда уже

близился конецъ царствованія Анны Ивановны. Въ октябрѣ 1740 г. она серьезно заболѣла и послѣ 12-дневной болѣзни скончалась. Чувствуя приближеніе смерти, она специальнымъ манифестомъ подтвердила сдѣланное ею уже раньше распоряженіе о передачѣ послѣ ея смерти русскаго престола сыну ея племянницы, дочери ея сестры, герцогини мекленбургской. Эта племянница Анны Ивановны, носившая имя Анны Леопольдовны, была выдана ею замужъ за брауншвейгскаго принца Антона-Ульриха и отъ этого брака въ 1740 г. родился мальчикъ, получившій при крещеніи имя Ивана Антоновича. Онъ-то и явился наслѣдникомъ Анны Ивановны, но, такъ какъ ему было въ это время всего девять мѣсяцевъ, то ей предстояло еще рѣшить вопросъ о регентствѣ при немъ. Большинство сановниковъ нѣмцевъ, сознавая свою непопулярность, опасалось за свою судьбу въ томъ случаѣ, еслибы власть не осталась въ рукахъ Бирона, и потому въ послѣдніе дни жизни Анны обратилось къ ней черезъ Миниха съ просьбой вручить регентство Бирону. Съ своей стороны и русскіе сановники, видя, что таково желаніе самого Бирона, присоединились къ этой просьбѣ. Послѣ нѣкотораго колебанія Анна согласилась на нее и наканунѣ своей смерти подписала указъ, назначавшій Бирона регентомъ до совершеннолѣтія Ивана Антоновича.

Время царствованія Ивана Антоновича. Указъ Анны Ивановны, устанавливавшій регентство Бирона, создавалъ для него положеніе уже официальнаго правителя русскаго государства. Но удержался онъ въ этомъ положеніи недолго, всего лишь три недѣли. Если придворные круги и высшіе сановники готовы были мириться съ тѣмъ, чтобы власть и послѣ смерти Анны Ивановны оставалась въ его рукахъ, то иного рода настроеніе существовало въ широкихъ слояхъ общества, въ которыхъ личность любимца покойной императрицы давно уже вызывала рѣзкую вражду. Особенно ярко проявлялось это настроеніе въ гвардіи, въ рядахъ которой шли громкіе разговоры о томъ, что государство отдано нѣмцамъ и что слѣдовало бы „убрать регента и всѣхъ сообщниковъ его“. Между тѣмъ Биронъ съ первыхъ дней своего регентства повелъ себя такъ, что вооружилъ противъ себя и тѣхъ людей, которые первоначально не собирались выступить противъ него. Онъ такъ грубо и рѣзко обращался съ родителями малолѣтняго императора, въ особенности съ его отцомъ, что они чувствовали себя глубоко оскорбленными. Въ высшей степени высокомерно держалъ онъ себя и со всѣми высшими сановниками и они скоро должны были убѣдиться, что онъ не намѣренъ ни съ кѣмъ изъ нихъ дѣлиться властью и хочетъ видѣть въ нихъ лишь покорныхъ исполнителей его воли. При такомъ положеніи дѣлъ тотъ же Минихъ,

который просилъ Анну Ивановну вручить регентство Бирону, рѣшилъ избавиться отъ него. Онъ предложилъ Аннѣ Леопольдовнѣ свои услуги для сверженія его и, получивъ ея согласіе, въ слѣдующую же ночь, взявъ съ собою 80 человекъ изъ Преображенскаго полка, въ которомъ онъ считался главнымъ командиромъ, арестовалъ Бирона. Охранявшая домъ регента стража не только не воспротивилась этому аресту, но и сама помогала ему. Вслѣдъ за тѣмъ арестованы были два брата Бирона и нѣсколько лицъ, которыхъ считали наиболѣе преданными ему.

Когда, закончивъ эти аресты, Минихъ вернулся во дворецъ, Анна Леопольдовна объявила себя регентшею при своемъ сынѣ и собранные сановники поспѣшили признать за ней это званіе. Надъ бывшимъ регентомъ немного погодя былъ наряженъ судъ, который нашелъ его виновнымъ въ рядѣ преступленій и приговорилъ къ смертной казни. Она, впрочемъ, была замѣнена ему ссылкой въ маленькій сибирскій городокъ Пелымъ, куда онъ и былъ отправленъ вмѣстѣ со своей семьей. Братья его также были сосланы въ Сибирь и равнымъ образомъ ссылкѣ въ болѣе или менѣе отдаленныя мѣстности подверглись и другія лица, близкія къ Бирону и арестованныя въ ночь переворота. При новой же правительницѣ главнымъ лицомъ сталъ совершившій этотъ переворотъ Минихъ. По его совѣтамъ было организовано ею и правительство. Самъ онъ помимо большихъ денежныхъ наградъ, получилъ званіе „перваго министра“. Наиболѣе вліятельный передъ тѣмъ членъ Кабинета министровъ, Остерманъ, былъ произведенъ въ генераль-адмиралы, что отдавало подъ его начальство морское вѣдомство, къ которому онъ до того имѣлъ мало отношенія, но вмѣстѣ отдаляло его отъ дѣлъ внѣшней политики, составлявшихъ до сихъ поръ главную его спеціальность. Эти дѣла переходили теперь въ вѣдѣніе двухъ другихъ членовъ Кабинета министровъ, кн. Черкаскаго, назначеннаго канцлеромъ, и Головкина, получившаго должность вице-канцлера. Оба послѣднія лица не отличались большою самостоятельностью и Минихъ при такомъ составѣ правительства получалъ возможность въ качествѣ перваго министра оказывать рѣшающее вліяніе на дѣла какъ внутренней, такъ и внѣшней политики, а въ качествѣ фельдмаршала и на дѣла, спеціально касавшіяся арміи. Правда, мужъ Анны Леопольдовны, принцъ Антонъ-Ульрихъ, былъ сдѣланъ ею, съ согласія Миниха, генералиссимусомъ, что должно было дать ему главное начальство надъ сухопутной арміей, но на практикѣ распоряжался дѣлами послѣдней все же не онъ, а Минихъ не всегда при этомъ находившій даже нужнымъ совѣтоваться съ нимъ. При этихъ условіяхъ положеніе, занятое Минихомъ, было очень близко къ тому, какое занималось раньше Бирономъ.

Однако это положеніе въ свою очередь длилось не долго. Не удовлетворенный созданной для него ролью Остерманъ скоро сговорился съ принцемъ Антономъ-Ульрихомъ, также чувствовавшимъ себя обиженнымъ, и общими силами они успѣли убѣдить Анну Леопольдовну, что предоставляютъ слишкомъ много дѣлъ и власти честолюбивому фельдмаршалу опасно для нея самой. Въ результатѣ въ январѣ 1741 г. послѣдовалъ указъ, согласно которому Кабинетъ министровъ подраздѣлялся на департаменты. При этомъ внутреннія дѣла поручались Черкасскому и Головкину, вопросы внѣшней политики отходили въ вѣдѣніе Остермана, сохранившаго и надзоръ надъ морскимъ вѣдомствомъ, а за Минихомъ оставались только дѣла сухопутной арміи, при рѣшеніи которыхъ онъ къ тому же обязывался сообразоваться съ указаніями генералиссимуса. Такимъ образомъ бывшій первый министръ низводился на положеніе рядового министра, вдобавокъ подчиненнаго отцу императора. Минихъ не захотѣлъ примириться съ этимъ и послѣ безуспѣшныхъ попытокъ объясниться съ правительницею подалъ въ отставку, думая этимъ напугать ее. Она, дѣйствительно, испугалась было, но Остерманъ сумѣлъ успокоить ее. Отставка Миниха была принята и это, какъ и ожидалъ Остерманъ, не повлекло за собою никакихъ послѣдствій для правительства. Поднять гвардейцевъ противъ Бирона Миниху было легко, но побудить ихъ вступить за его собственные интересы онъ не могъ и не сдѣлалъ къ этому никакой попытки.

Тѣмъ не менѣе положеніе правительства далеко не было прочнымъ. Главнымъ совѣтникомъ правительницы сталъ теперь Остерманъ. Умѣлый и знающій дипломатъ, опытный дѣлецъ и вмѣстѣ мастеръ закулисныхъ интригъ, онъ не обладалъ однако ни большою энергіею, ни твердой волей, не пользовался и авторитетомъ въ широкихъ кругахъ общества и не былъ поэтому вполне увѣренъ въ своемъ положеніи. Онъ пытался найти себѣ опору въ мужѣ правительницы, но Антонъ-Ульрихъ было плохой опорой. Человѣкъ слабого характера, не одаренный какими-либо способностями, но не лишенный нѣкоторой доли честолюбія, заставлявшаго его мечтать о томъ, чтобы самому стать регентомъ при младенцѣ-сынѣ, онъ не имѣлъ почти никакого вліянія на свою жену и не вызывалъ ни симпатій, ни уваженія къ себѣ въ большинствѣ людей, знавшихъ его. Въ свою очередь и у Анны Леопольдовны не было свойствъ, которыя могли бы оправдать нахожденіе власти въ ея рукахъ, хотя и ей не чужды были честолюбивыя мечты, въ которыхъ она видѣла себя уже не регентшей, а самодержавной императрицей. Необразованная и неразвитая, настолько лѣнивая, что, ставъ уже правительницею, цѣлыми днями оставалась непричесанной и неодѣтой въ своей спальнѣ, безвольная и вмѣстѣ капризная, она неспособна была сама

заниматься государственными дѣлами и не умѣла выбирать людей, которымъ могла бы ихъ довѣрить. Ко всему этому, плохо живя съ мужемъ, она увлеклась саксонскимъ посланникомъ Линаромъ и въ придворныхъ кругахъ въ немъ уже провидѣли второго Бирона. При такомъ характерѣ и такихъ отношеніяхъ главныхъ лицъ, входившихъ въ составъ правительства, оно не могло имѣть большой силы. А между тѣмъ передъ нимъ выростала опасность, гораздо болѣе серьезная, нежели та, какой ожидала Анна Леопольдовна отъ Миниха.

Броженіе, проявившееся въ широкихъ кругахъ русскаго общества во время регентства Бирона, не прекратилось съ паденіемъ послѣдняго. Правительство Анны Леопольдовны не принесло съ собою желанной для этихъ круговъ переменъ, не устранило тяжелаго для нихъ нѣмецкаго засилья. Бирона смѣнилъ Минихъ, Миниха Остерманъ, Остермана готовился смѣнить Линаръ, но все это были нѣмцы. По прежнему нѣмцы занимали господствующее положеніе и въ центральномъ правительствѣ, и въ различныхъ отрасляхъ администраціи. Больше того. На тронѣ былъ младенецъ-императоръ, а около него стояли его мать и отецъ, также нѣмцы. Въ этихъ условіяхъ въ тѣхъ кругахъ, въ которыхъ возбужденіе долго подавлявшагося національнаго чувства достигло наибольшей силы, постепенно крѣпко убѣжденіе, что отъ существующаго правительства они не могутъ ждать желательной для нихъ переменъ и что она можетъ быть осуществлена только путемъ его сверженія. И эти настроенія являлись тѣмъ болѣе опасными для правительства, что существовало лицо, которое могло ими воспользоваться. Такимъ лицомъ была младшая дочь Петра В. и Екатерины, Елизавета Петровна.

Воцареніе Елизаветы. Къ этому времени Елизаветѣ исполнился 31 годъ и она успѣла уже пережить рядъ переменъ въ своей судьбѣ. Одаренная природнымъ умомъ и красивою внѣшностью, веселая и живая по характеру, она не получила серьезнаго образованія, не пополнила его и позже, но научилась говорить на нѣсколькихъ иностранныхъ языкахъ. Петръ въ послѣдніе свои годы хотѣлъ выдать ее замужъ за молодого короля Франціи, Людовика XV, но французское правительство отклонило этотъ проектъ. Екатерина, ставъ императрицей, возобновила его, затѣмъ замѣнила проектомъ брака Елизаветы съ герцогомъ Орлеанскимъ, но оба эти проекта опять-таки не имѣли успѣха. Послѣ для Елизаветы нашли жениха въ лицѣ одного изъ владѣтельныхъ принцевъ голштинскаго дома, Карла-Августа, князя-епископа любекскаго. До свадьбы однако дѣло не дошло, такъ какъ раньше, чѣмъ она могла состояться, женихъ внезапно умеръ. Елизавета, успѣвшая было привязаться къ нему, больше не думала о замужествѣ, а послѣ смерти ея матери о немъ перестали думать и другіе. Воцаре-

ніе Петра II, съ которымъ у Елизаветы установились близкія дружественныя отношенія, не лишеныя со стороны юнаго царя оттѣнка влюбленности въ нее, принесло ей большую свободу и она жила въ годы царствованія своего племянника весело и беззаботно, предаваясь всевозможнымъ забавамъ и развлеченіямъ, среди которыхъ съ теченіемъ времени видное мѣсто стали занимать и любовныя увлеченія. Смерть Петра II, и восшествіе на престолъ Анны Ивановны создали въ этой жизни рѣзкую перемѣну, Анна видѣла въ Елизаветѣ возможную претендентку на власть, относилась къ ней недоброжелательно и, въ частности, сильно стѣсняла ее въ средствахъ. Ей приходилось поэтому жить крайне скромно. Она и замкнулась въ тѣсномъ кругу своихъ родственниковъ по матери и своего маленькаго двора, состоявшаго главнымъ образомъ изъ дворянъ средней руки, среди которыхъ наиболѣе видныя мѣста занимали братья Шуваловы и Воронцовъ. Въ этомъ кругу она нашла себѣ современемъ и интимнаго друга въ лицѣ Алексѣя Разумовскаго. Сынъ простаго малорусскаго козака, онъ взятъ былъ за хорошій голосъ въ придворную пѣвческую капеллу, оттуда по просьбѣ прельщенной его голосомъ Елизаветы былъ переведенъ на службу къ ней и вскорѣ сталъ на долгіе годы самымъ близкимъ къ ней человѣкомъ. Согласно сохранившемуся преданію, она впослѣдствіи даже тайно обвѣнчалась съ нимъ. Съ высшимъ столичнымъ обществомъ въ годы царствованія Анны Ивановны у нея не было близкихъ отношеній, частью потому, что она боялась навлечь на себя лишнія подозрѣнія, частью потому, что представители этого общества сами сторонились отъ нея. Зато она охотно сближалась съ простыми людьми, въ деревнѣ, когда ей случалось жить тамъ, устраивала игры крестьянскихъ дѣвушекъ и порою сама участвовала въ этихъ играхъ, въ Петербургѣ часто крестила дѣтей у гвардейскихъ солдатъ и своею ласковостью и привѣтливостью пріобрѣтала себѣ все бѣльшую популярность. Но никакого употребленія изъ этой популярности она, повидимому, дѣлать не собиралась, о политикѣ не думала и единственнымъ огорченіемъ въ ея жизни какъ будто были тяготѣвшій надъ нею стѣснительный надзоръ и крайняя ограниченность ея средствъ.

Со смертью Анны Ивановны положеніе Елизаветы мало измѣнилось. Правда, Биронъ, котораго подозрѣвали въ томъ, что онъ хочетъ женить на ней своего сына, относился къ ней хорошо и значительно увеличилъ отпускавшіяся ей средства. Но смѣнившіе его во власти Минихъ и Остерманъ смотрѣли на Елизавету съ подозрѣніемъ и совѣтовали правительницѣ отправить ее въ заточеніе. Апатичная Анна Леопольдовна не послѣдовала этимъ совѣтамъ. Однако слухи о нихъ разошлись по городу. Проникли они и въ гвардію, гдѣ и безъ того уже шли разговоры о томъ, что на престолѣ скорѣ слѣдо-

вало бы сидѣть взрослой дочери Петра В., чѣмъ малолѣтнему сыну внучки ц. Ивана, рожденной отъ нѣмца и женѣ нѣмца. И къ этимъ слухамъ и разговорамъ, доходившимъ до Елизаветы и вызывавшимъ ее на дѣйствія, присоединились разговоры, поведенные съ нею представителями двухъ иностранныхъ державъ.

Швеція послѣ Ништадтскаго мира не переставала мечтать объ уничтоженіи условій этого мира и о возвращеніи отвоеванныхъ у нея Петромъ В. провинцій. Время, послѣдовавшее за смертью Анны Ивановны, являлось какъ будто вполне подходящимъ моментомъ для осуществленія этой мечты. Отъ слабаго правительства Анны Леопольдовны, казалось, нельзя было ожидать серьезнаго сопротивленія. Но все же шведскіе государственные люди считали, что ихъ успѣхъ будетъ болѣе обезпеченъ, если они найдутъ себѣ союзниковъ въ самой Россіи и къ нападенію на нее извнѣ присоединится смута внутри ея. Поэтому шведскій посолъ въ Петербургъ получилъ предписаніе войти въ сношенія съ Елизаветой и предложить ей помощь Швеціи для вступленія на русскій престолъ въ обмѣнъ на обязательство, ставъ царицей, возвратитъ Швеціи отнятыя у нея Петромъ земли. Выполненію этого плана долженъ былъ содѣйствовать и французскій посланникъ въ Петербургъ маркизь Шетарди. Находящаяся въ союзѣ съ Швеціей Франція съ своей стороны желала вернуть ей прежнее ея положеніе на сѣверѣ Европы и устранить Россію отъ европейскихъ дѣлъ, тѣмъ болѣе, что она была союзницей враждебной Франціи Австріи. Выполняя порученія своихъ правительствъ, оба посла вошли, дѣйствительно, въ сношенія съ Елизаветой черезъ посредство состоявшаго врачомъ при ней съ лѣтъ ея юности француза Лестока. Напуганная слухами о намѣреніяхъ правительства по отношенію къ ней и вмѣстѣ съ тѣмъ освѣдомленная о настроеніяхъ, существовавшихъ въ гвардіи, Елизавета не отвергла сдѣланныхъ ей предложеній. Она только не соглашалась дать требовавшееся отъ нея обязательство уступки шведамъ завоеванныхъ ея отцомъ провинцій и взамѣнъ того лишь обѣщала въ случаѣ своего воцаренія заключить союзъ съ Швеціей и предоставить ей различныя льготы въ Россіи. Но, не отказываясь отъ предлагаемой ей помощи и даже сама прося у Шетарди нужныхъ для пропаганды въ гвардіи денегъ, она все еще не отваживалась на рѣшительные шаги. Скоро однако обстоятельства окончательно вывели ее изъ этого состоянія нерѣшимости и бездѣйствія. Шведское правительство, и не дождавшись отъ нея желательнаго обязательства, объявило войну Россіи и, хотя первыя столкновенія были для него неудачны и его войско было разбито русскимъ главнокомандующимъ Лесси, все же продолжало эту войну, объявивъ притомъ, что ведетъ ее въ защиту правъ потом-

ства Петра I. Въ то же время Анна Леопольдовна получила отъ Линара свѣдѣнія о сношеніяхъ Елизаветы черезъ Лестока съ французскимъ посломъ и нашла нужнымъ объясниться съ ней по этому поводу. Елизавета успѣла убѣдить ее въ своей невинности, но не могла не понять, что надъ ней нависла уже вполне реальная опасность. Къ тому же стало извѣстно, что гвардія получила приказъ выступить въ походъ противъ шведовъ и такимъ образомъ Елизавета лишалась возможныхъ защитниковъ. Въ этихъ условіяхъ ея приближеннымъ удалось убѣдить ее въ необходимости ради собственнаго ея спасенія немедленныхъ рѣшительныхъ дѣйствій и въ ночь съ 24 на 25 ноября (5—6 декабря н. ст.) 1741 г. она въ сопровожденіи Шуваловыхъ, Воронцова, Разумовскаго, Лестока и еще нѣсколькихъ своихъ приверженцевъ явилась въ казармы Преображенскаго полка. Сбѣжавшіеся солдаты въ отвѣтъ на ея обращеніе къ нимъ немедленно выразили готовность слѣдовать за нею, клянясь въ случаѣ нужды и умереть за нее. Тогда она, взявъ съ собою гренадерскую роту преображенцевъ, отправилась къ дворцу правительницы, не встрѣтивъ никакого сопротивленія, проникла въ него и, заставъ Анну Леопольдовну и ея мужа мирно спящими, арестовала ихъ вмѣстѣ съ ихъ сыномъ, младенцемъ-императоромъ. Одновременно специально посланными для этого отрядами арестованы были въ своихъ домахъ Остерманъ, Головкинъ, Минихъ и нѣкоторые другіе дѣятели предыдущаго царствованія. На другой день былъ изданъ манифестъ, оповѣщавшій населеніе столицы, а за нимъ и всей страны о благополучномъ восшествіи на русскій престолъ императрицы Елизаветы Петровны.

Правленіе Елизаветы. Новое царствованіе началось съ каръ, постигшихъ членовъ прежняго правительства, и наградъ лицамъ, содѣйствовавшимъ образованію новаго. Нѣсколько видныхъ правительственныхъ дѣятелей времени Анны Ивановны и Анны Леопольдовны, въ томъ числѣ Остерманъ, Минихъ и Головкинъ, были отданы подъ слѣдствіе, приговорены къ смертной казни и даже взведены на эшафотъ, но въ послѣднюю минуту помилованы и взамѣнъ казни сосланы въ Сибирь. Въ частности, Минихъ былъ отправленъ при этомъ въ тотъ самый Пелымъ, куда онъ въ свое время сослалъ Бирона. Зато судьба послѣдняго была теперь облегчена: онъ былъ переведенъ изъ Пелыма въ Ярославль и жилъ здѣсь, не подвергаясь особымъ стѣсненіямъ. Одновременно даны были щедрыя награды всѣмъ участникамъ переворота, возведшаго на престолъ новую императрицу. Совершившая этотъ переворотъ гренадерская рота Преображенскаго полка была наименована лейбъ-компаніей и всѣ ея чины, не принадлежавшіе раньше къ потомственнымъ дворянамъ, были возведены въ это званіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ лейбъ-компанцы были на-

граждены имѣніями и, кромѣ того, получили рядъ льготъ и привилегій. Награждена была, хотя въ меньшемъ размѣрѣ, и вся остальная гвардія. Но особенно большія награды достались лицамъ, входившимъ въ число приближенныхъ Елизаветы до ея воцаренія и помогавшимъ этому воцаренію, Разумовскому были даны громадныя имѣнія и онъ сталъ однимъ изъ самыхъ богатыхъ людей въ тогдашней Россіи и наиболее виднымъ лицомъ при дворѣ императрицы. Шуваловы и Воронцовъ, въ свою очередь щедро награжденные, заняли, кромѣ того, видныя мѣста въ администраціи и получили возможность вліянія на правительственную политику. Извѣстное вліяніе на нее въ первые годы правленія Елизаветы пріобрѣлъ и Лестокъ. Наряду съ этими лицами милость новой императрицы испыталъ на себѣ и одинъ дѣятель времени Анны Ивановны, въ концѣ ея жизни введенный Бирономъ въ составъ Кабинета министровъ, А. П. Бестужевъ-Рюминъ. Считавшійся не только креатурой, но и сторонникомъ Бирона, онъ при паденіи послѣдняго также былъ арестованъ и сосланъ. Елизавета возвратила его изъ ссылки, вернула къ дѣламъ и онъ скоро сталъ однимъ изъ главнѣйшихъ ея совѣтниковъ.

Въ результатъ, съ одной стороны, каръ, какимъ подверглись наиболее видные дѣятели предшествовавшаго времени, съ другой, приближенія къ трону новыхъ лицъ, главнымъ образомъ изъ круговъ средняго русскаго дворянства, значительно измѣнился обликъ правительства. Но на этомъ не остановилось его измѣненіе. Къ моменту воцаренія Елизаветы раздраженіе немалой части русскаго общества противъ существовавшаго передъ тѣмъ въ правительствѣ нѣмецкаго засилья достигло такой степени, что раздавались даже голоса, требовавшіе удаленія съ русской службы всѣхъ находившихся на ней нѣмцевъ. Елизавета, сама немало потерпѣвшая отъ стоявшихъ у власти нѣмцевъ и имѣвшая основаніе не любить ихъ, все же не удовлетворила этихъ требованій полностью, но въ извѣстной мѣрѣ посчиталась съ ними, устранивъ нѣмцевъ съ нѣкоторыхъ болѣе важныхъ должностей въ арміи и въ гражданской администраціи. Тѣмъ самымъ былъ въ сущности положенъ конецъ нѣмецкому засилью и русское правительство вновь пріобрѣло временно какъ бы утраченный имъ національный характеръ.

Въ то же время съ первыхъ моментовъ существованія Елизаветинскаго правительства въ немъ проявилась другая черта, отличавшая его отъ его предшественниковъ и зависѣвшая отъ свойствъ новой императрицы. Елизавета способна была порою на гнѣвныя вспышки, особенно, когда дѣло касалось ея самой, ея правъ или ея личности, и въ минуты такихъ вспышекъ могла доходить до жестокости. Но систематическая жестокость, подобная той, какая практиковалась

въ годы правленія Анны Ивановны, не подходила къ мягкому въ общемъ характеру Елизаветы и это сказалось въ бѣльшей гуманности ея правительства по сравненію съ его предшественниками. Сохранился разсказъ, будто, готовясь къ своему перевороту, Елизавета въ послѣднюю минуту, передъ тѣмъ, какъ отправиться въ преображенскія казармы, дала обѣтъ въ случаѣ удачи никого за время своего царствованія не казнить смертю. Былъ ли ея данъ такой обѣтъ или нѣтъ, вѣрно во всякомъ случаѣ то, что при ней смертная казнь не примѣнялась. Въ 1744 г. былъ изданъ указъ, предписывавшій всѣмъ учрежденіямъ имперіи, имѣвшимъ отношеніе къ правосудію, доставлять въ сенатъ обстоятельныя свѣдѣнія обо всѣхъ состоявшихся въ нихъ смертныхъ приговорахъ и не приводить въ исполненіе этихъ приговоровъ до полученія соотвѣтствующаго указа. Съ тѣхъ поръ однако за все время царствованія ни одно учрежденіе такого указа объ исполненіи смертнаго приговора ни разу не получало. Такимъ образомъ, хотя прямого закона объ отмѣнѣ смертной казни и не было издано, фактически она перестала существовать въ Росіи. И всѣ попытки поколебать этотъ порядокъ остались безплодными. Ревельская канцелярія, ссылаясь на старыя привилегіи балтійскихъ провинцій, обратилась было въ сенатъ съ просьбой разрѣшить эстляндскимъ ландратамъ и магистрату примѣнять смертную казнь, но просьба эта встрѣтила отказъ. Точно также Елизавета, вообще отличавшаяся большой набожностью и охотно исполнявшая просьбы и указанія духовенства, рѣшительно отвергла совѣты синода возстановить примѣненіе смертной казни.

Наряду съ этимъ Елизаветинское правительство отличалось отъ непосредственныхъ его предшественниковъ и своею внѣшней организаціей. Немедленно по вступленіи своемъ на престолъ Елизавета уничтожила созданный при Аннѣ Ивановнѣ Кабинетъ министровъ и главнымъ учрежденіемъ въ имперіи сталъ опять, какъ это было при Петрѣ В., сенатъ. Елизавета и высказывала намѣреніе возстановить порядки управленія, установленные Петромъ. На дѣлѣ однако елизаветинскій сенатъ не походилъ на петровскій и самое отличіе организациі верховнаго управленія при Елизаветѣ отъ такой же организациі при ея непосредственныхъ предшественникахъ въ сущности имѣло лишь чисто внѣшній характеръ. Съ одной стороны, сенатъ времени Елизаветы унаслѣдовалъ традиціи Верховнаго Совѣта и Кабинета министровъ, подчинивъ себѣ, въ отличіе отъ петровскаго сената, всѣ безъ исключенія коллегіи и издавая указы даже законодательнаго характера. Съ другой стороны, надъ сенатомъ при Елизаветѣ, какъ надъ Верховнымъ Совѣтомъ и Кабинетомъ министровъ при ея предшественникахъ, стояла воля „случайныхъ людей“, какъ ихъ называли въ XVIII вѣкѣ, любимцевъ императрицы, нерѣдко ея

именемъ проводившихъ черезъ главное учрежденіе имперіи свои взгляды и свои мѣропріятія.

Какъ и всѣ предшествовавшіе ей преемники Петра I, Елизавета была неподготовлена къ государственной дѣятельности. Ставъ императрицей, она и проявляла себя больше въ сферѣ придворной жизни, чѣмъ въ области собственно государственныхъ вопросовъ. Грубые нравы, царившіе до нея при русскомъ императорскомъ дворѣ, при ней значительно смягчились и вмѣстѣ съ тѣмъ дворцовыя празднества и сопровождавшая ихъ роскошь получили еще болѣе широкой размахъ, чѣмъ при Аннѣ Ивановнѣ. Любительница веселья, танцевъ и нарядовъ, Елизавета устраивала въ своихъ дворцахъ одинъ великолѣпный праздникъ за другимъ и оставила послѣ себя въ своемъ гардеробѣ 15.000 платьевъ и два сундука шелковыхъ чулокъ. Для занятія же государственными дѣлами у нея было мало времени и мало охоты и она предоставляла вести ихъ близкимъ къ ней людямъ. Порою она все же вмѣшивалась и сама въ эти дѣла, болѣе или менѣе властно заявляя свою волю, но за этимъ вмѣшательствомъ не стояло никакой опредѣленной системы и по бѣльшей части оно являлось лишь результатомъ смѣны вліянія одного изъ „случайныхъ людей“ вліяніемъ другого. Въ общемъ при ней, какъ и до нея, правленіе оставалось въ рукахъ высшихъ сановниковъ, обычно подчинявшихся тому изъ своей среды, кто имѣлъ наибольшій вѣсъ при дворѣ. Извѣстная разница съ предыдущимъ временемъ однако существовала: власть этихъ „случайныхъ людей“ была все же не такъ велика и проявлялась не такъ рѣзко, какъ это было при первыхъ преемникахъ Петра В. Въ связи отчасти съ этимъ и борьба за власть, поскольку такая борьба происходила среди высшихъ сановниковъ при Елизаветѣ, не принимала такихъ острыхъ формъ, какъ въ прежнее время. Она ограничивалась лишь придворными интригами и соперничествомъ передъ лицомъ императрицы и 20-лѣтнее царствованіе Елизаветы прошло въ общемъ спокойно.

Въ первые же годы его Елизавета постаралась упрочить это спокойствіе и на будущее время. Вскорѣ послѣ своего вступленія на престолъ она вызвала изъ Голштиніи своего, къ тому времени уже 14-лѣтняго, племянника, сына ея старшей сестры Анны Петровны и герцога голштинскаго, и объявила его своимъ наслѣдникомъ, тѣмъ самымъ закрѣпляя русскій тронъ за потомствомъ Петра I. Съ другой стороны, она приняла рѣшительныя мѣры къ тому, чтобы обезвредить лишнюю ея власти брауншвейгскую семью, представляющую собой потомство — также по женской линіи — царя Ивана. Первоначально она думала выслать членовъ этой семьи, включая и свергнутаго младенца-императора, за границу и въ этихъ видахъ уже отправила было ихъ подъ стражей въ Ригу. Затѣмъ у нея явилась или была ей подсказана мысль, что, очу-

тившись за границей, они смогутъ найти себѣ поддержку у враговъ Россіи и стать опасными для нея, и тогда они были отосланы изъ Риги внутрь Россіи, а черезъ нѣкоторое время отправлены въ Холмогоры, гдѣ ихъ держали подъ строгимъ присмотромъ. Въ частности Иванъ Антоновичъ былъ здѣсь скоро отдѣленъ отъ родителей и содержался особо отъ нихъ въ условіяхъ строгаго тюремнаго заключенія. Позже, когда русскому правительству стало извѣстно, что прусскій король пытался подговорить жившихъ на сѣверѣ Россіи старообрядцевъ освободить бывшего императора, Иванъ Антоновичъ былъ въ глубокой тайнѣ увезенъ изъ Холмогоръ и помѣщенъ въ Шлиссельбургской крѣпости. Здѣсь обстановка его заключенія была еще болѣе суровой. Онъ значился неизвѣстнымъ арестантомъ, никто въ крѣпости не долженъ былъ знать его имени и никто, кромѣ командира крѣпости, не могъ имѣть къ нему доступа. Время свое онъ проводилъ въ безусловномъ одиночествѣ, притомъ безъ какихъ бы то ни было занятій. На случай же, если бы кѣмъ-либо предпринята была попытка освободить его и оказалось невозможнымъ справиться съ авторами такой попытки, секретная инструкція предписывала коменданту не выдавать арестанта живымъ, а убить его.

Принимая эти мѣры, Елизавета рассчитывала путемъ ихъ обезпечить власть свою и своего наслѣдника и предотвратить возможность новыхъ переворотовъ. Но, если при жизни самой Елизаветы никакихъ сколько-нибудь серьезныхъ попытокъ переворота, дѣйствительно, не было, то, какъ показали событія, послѣдовавшія за ея смертью, причины этого заключались не въ данныхъ мѣрахъ, а въ иныхъ, имѣвшихъ болѣе широкое значеніе условіяхъ.

Значеніе и послѣдствія дворцовыхъ переворотовъ 1725—1741 гг. За неполныя 17 лѣтъ, прошедшія отъ смерти Петра I до воцаренія Елизаветы, произошелъ такимъ образомъ рядъ существенныхъ перемѣнъ и въ порядкѣ наслѣдованія русскаго престола, и въ составѣ и характерѣ стоявшаго около него русскаго правительства. Притомъ почти всѣ эти перемѣны создавались путемъ дворцовыхъ переворотовъ, въ свою очередь являвшихся послѣдствіемъ тѣхъ условій, въ какихъ застала Россію смерть Петра В.

Изданный Петромъ законъ отмѣнилъ старый московскій обычай перехода престола отъ отца къ старшему сыну и его потомкамъ мужского пола и устанавливалъ новый порядокъ, при которомъ царствующій государь могъ свободно распоряжаться престоломъ, назначая себѣ наслѣдника по своему выбору. Но этотъ новый порядокъ не получилъ большой силы. Самъ Петръ своимъ закономъ не успѣлъ воспользоваться и послѣ него власть была передана его вдовѣ во всякомъ случаѣ безъ прямого указанія съ его стороны. Позже дѣлались

попытки воспользоваться его закономъ, но успѣха онѣ не имѣли. Завѣщаніе Екатерины I, въ моментъ его объявленія никѣмъ громко не оспоренное, не только передавало тронъ внуку Петра, но на случай его бездѣтной смерти опредѣляло и дальнѣйшій порядокъ престолонаслѣдія. Однако послѣ смерти Петра II съ этимъ завѣщаніемъ не стали считаться. Анна Ивановна также назначила себѣ наслѣдника въ лицѣ малолѣтняго сына своей племянницы, но, хотя онѣ и былъ провозглашенъ императоромъ, царствованіе его оказалось кратковременнымъ, онѣ былъ свергнутъ Елизаветой и дворецъ смѣнился для него тюрьмою. И старый, ослабленный Петромъ I обычай, и законъ самого Петра одинаково потеряли свою силу и восхожденіе того или иного лица на тронъ опредѣлялось не ими, а борьбою различныхъ придворныхъ группъ, входившихъ или собиравшихся войти въ составъ правительства и выставлявшихъ своихъ кандидатовъ на верховную власть.

Первоначально въ этой борьбѣ взяла верхъ наиболѣе близко стоявшая къ трону при Петрѣ I группа его худародныхъ русскихъ сотрудниковъ и возглавлявшій эту группу Меншиковъ сталъ при Екатеринѣ I и въ первые мѣсяцы царствованія Петра II всемогущимъ временщикомъ. Съ его паденіемъ выдвинулись подготовившіе это паденіе представители другой группы петровскихъ сотрудниковъ, состоявшей изъ членовъ знатныхъ русскихъ семей, князя Долгорукіе, и они въ свою очередь заняли при юномъ царѣ положеніе властныхъ временщиковъ. Смерть Петра II положила однако конецъ ихъ власти и тогда члены двухъ семей, принадлежавшихъ къ данной группѣ, Голицыны и Долгорукіе, попытались измѣнить государственный строй и удержать за собою первое мѣсто въ государствѣ путемъ ограниченія правъ вновь избранной монархини въ пользу Верховнаго Тайнаго Совѣта. Съ крушеніемъ этой попытки и возстановленіемъ самодержавія къ власти пришла третья группа главныхъ петровскихъ сотрудниковъ, служилыхъ нѣмцевъ, усиленная вновь вступившими при Аннѣ Ивановнѣ на русскую службу балтійскими нѣмцами и возглавлявшаяся любимцемъ Анны Ивановны Бирономъ, ставшимъ при ней такимъ же властнымъ временщикомъ, какими были раньше Меншиковъ и Долгорукіе. Однако послѣ смерти Анны Ивановны между членами этой группы возникла такая же борьба, какая передъ тѣмъ шла между русскими сановниками. Биронъ долженъ былъ уступить свое мѣсто Миниху, Минихъ Остерману. Оба они пали послѣ воцаренія Елисаветы. Всѣ ея приближенные были русскаго происхожденія. Этимъ тогдашнее національное сознаніе удовлетворялось. Придворныя интриги продолжались и при ней, но онѣ носили, благодаря ея личному престижу, какъ дочери Петра В., менѣе опасный для государственнаго бытія характеръ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

	Стр.
Кризисъ XVII столѣтія	3—36
Царствованіе Федора Алексѣевича	16—22
Правленіе царевны Софьи	22—28
Дѣтство и юность Петра	28—33
Переворотъ 1689 г.	33—36
 Царствованіе Петра Великаго	 36—115
Первые годы после сверженія Софьи (1689-1694)	36—38
Азовскіе походы и ихъ результатъ	38—42
Заграничная поѣздка Петра. Его возвращеніе, расправа со стрѣльцами и первые реформы	42—47
Внѣшняя политика Петровскаго правительства въ 1698—1724	47—60
(Нарвское пораженіе 49. — Овладѣніе швед- ской крѣпости Нотебургомъ — Шлиссельбург- гомъ. — Наступленіе Карла XII въ концѣ 1707 г., стр. 52, 53. — Двойная игра гетмана Мазепы 53, 54. — Полтавская победа 1709 г.. Взятіе Выборга, Ревеля и Риги, овладѣніе южнымъ берегомъ Финскаго залива, стр. 58. — Прутская авантюра 56, 57. — Родственныя связи 57, 58. — Ништадтскій мирный дого- воръ 1721 г. Конецъ Северной войны, заты- нувшейся на 21 годъ, стр. 59).	
Военная реформа	60—63
Административная реформа	63—75
Финансовая реформа	75—80
Перемѣны въ положеніи служилыхъ людей .	80—85
Положеніе городского класса	85—90
Положеніе крестьянъ	90—92
Эволюція соціальныхъ отношеній въ Малороссіи	92—94

	Стр.
Культурная реформа	94—98
Мѣры по отношенію къ церкви	99—105
Общій характеръ Петровской реформы	105—107
Сотрудники и противники Петра	107—110
Семейныя отношенія Петра и судьба царевича Алексѣя	110—115
Законъ 1722 г. о престолонаслѣдіи и смерть Петра I.	115—116
Воцареніе Екатерины I.	116—117
Царствованіе Екатерины I. Роль Меншикова и учрежденіе Верховнаго Тайнаго Совѣта	117—119
Царствованіе Петра II. Паденіе Меншикова и возвышеніе Долгорукихъ	119—122
Избраніе Анны Ивановны. Ограничительныя „пун- кты“ верховниковъ и возстановленіе само- державія	122—126
Правленіе Анны Ивановны	127—133
Время царствованія Ивана Антоновича	133—136
Воцареніе Елизаветы	136—139
Правленіе Елизаветы	139—143
Значеніе и послѣдствія дворцовыхъ переворотовъ 1725—1741 г. г.	143—144